

ISSN – 3136-1412

*К 35-летию независимости Республики Таджикистан и
к 30-летию Российско-Таджикского (Славянского)
университета*

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Серия социально-гуманитарных наук

*ПОЛИТОЛОГИЯ

*ИСТОРИЯ

*ФИЛОСОФИЯ

*ПЕДАГОГИКА

№ 3 (11) - 2026

*К 35-летию независимости
Республики Таджикистан и
к 30-летию РТСУ*

*To the 35 anniversary of independence of
Republic of Tajikistan and
to 30 anniversary RTSU*

*Ба чашни 35-солагии истиклолият
Ҷумҳурии Тоҷикистон
ва ба 30-солагии ДСРТ*

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Серия социально-гуманитарных наук

SCIENTIFIC NOTES
**The series of social-humanitarian
sciences**

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2018 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Серия социально-гуманитарных наук

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 3 (11) - 2026 г.

Душанбе – 2026

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2018

SCIENTIFIC NOTES
The series of social-humanitarian
sciences

SCIENTIFIC JOURNAL
№ 3 (11) – 2026

Dushanbe – 2026

ISSN – 3136-1412

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования
«Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор:

Холматова Лола Юрьевна, кандидат философских наук, доцент

Редакционная коллегия:

Негматова Шахноза Рузиевна, доктор исторических наук, доцент, заместитель главного редактора

Рахманова Мавджуда Джамшедовна, кандидат педагогических наук, доцент, ответственный секретарь журнала.

по политическим наукам:

Курбанова Зульфия Махманабиевна, доктор политических наук (Таджикистан)

Негматова Шахноза Рузиевна, доктор исторических наук (Таджикистан)

Шарифзода Лохути Шариф, доктор политических наук (Таджикистан)

Шаропов Отабек Муродович, кандидат политических наук (Таджикистан)

Наими Исмоил Нурулло, кандидат политических наук (Таджикистан)

Мухаммадзода Абдурахмон Навруз, доктор политических наук (Таджикистан)

Малышева Дина Борисовна, доктор политических наук (Россия)

Ежова Марина Юрьевна, кандидат политических наук (Россия)

Сангинов Нарзулло Наимович, кандидат политических наук (Таджикистан)

Каримов Шамсиддин Турсунматович, доктор политических наук (Таджикистан)

по историческим наукам:

Мухидинов Сайдали Раджабович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Майдинова Гузель, доктор исторических наук (Таджикистан)

Рахматова Заррина Юнусовна, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Пирумшоев Хайдаршо Пирумшоевич, доктор исторических наук (Таджикистан)

Маликов Махмуд Хакимович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Абдулвахидов Рахматулло Миразорович, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Абдурашитов Фозил Маматович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Сенин Александр Сергеевич, доктор исторических наук (Россия)

Артыков Абдурафик Абдраманджанович, кандидат исторических наук (Таджикистан)

по философским наукам:

Сайфуллаев Нигматулло Мирзоевич, доктор философских наук (Таджикистан)

Ладыгина Ольга Владимировна, доктор философских наук (Россия)

Диноршоева Зарина Мусоевна, доктор философских наук (Таджикистан)

Махмадали Музаффари, доктор философских наук (Таджикистан)

Мирзоев Гаффор Джаборович, доктор философских наук (Таджикистан)

Джураева Нигорахон Ниёзбабаевна, кандидат философских наук (Таджикистан)

Холматова Лола Юрьевна, кандидат философских наук (Таджикистан)

Маркин Владимир Ильич, доктор философских наук (Россия)

Попова Наталья Викторовна, кандидат философских наук (Россия)

Брызгалина Елена Владимировна, кандидат философских наук (Россия)

по педагогическим наукам:

Рустамова Гульбахор Абдурашидовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Юлдашева Мавджуда Рахматовна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Ибрагимова Ирода Асо-Ахуновна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Рахманова Мавджуда Джамшедовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Саидова Лейла Вайсидиновна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Раджабова Мехри Рахматовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Каримова Ирина Холовна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Гусейнова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Мошкина Елена Васильевна, кандидат педагогических наук (Россия)
Федоренко Елена Юрьевна, кандидат психологических наук (Россия)
Худойкулов Хол Жумаевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Редактор:	Л.Ю. Холматова
Технический редактор:	М.Д. Рахманова
Перевод на английский язык:	М.Р. Раджабова
Перевод на таджикский язык:	З.М. Диноршоева

Компьютерная верстка:	Ш.К. Кодыров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан.

Свидетельство о регистрации № 342/ЖР-97 от 12.04.2024 г.

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе,

улица М.Турсунзаде, 30

Тел.: (+992 37) 227 78 53

www.rtsu.tj

uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ISSN – 3136-1412

Founder: Interstate educational institution of higher education «Russian-Tajik (Slavonic) university»

Editor-in-Chief:

Kholmatova Lola Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Editorial board:

Negmatova Shakhnoza Ruzievna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief

Rakhmanova Mavjuda Jamshedovna, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Executive Secretary of the Journal.

in Political Science:

Kurbanova Zulfiya Makhmanabievna, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Negmatova Shakhnoza Ruzievna, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Sharifzoda Lohuti Sharif, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Sharopov Otabek Murodovich, candidate of political sciences (Tajikistan)

Naimi Ismoil Nurullo, candidate of political sciences (Tajikistan)

Muhammadzoda Abdurakhmon Navruz, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Malysheva Dina Borisovna, Doctor of Political Sciences (Russia)

Ezhova Marina Yurievna, candidate of political sciences (Russia)

Sanginov Narzullo Naimovich, candidate of political sciences (Tajikistan)

Karimov Shamsiddin Tursunmatovich, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

in Historical Sciences:

Mukhidinov Saidali Radzhabovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Maidinova Guzel, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Rakhmatova Zarrina Yunusovna, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

Pirumshoev Khaidarsho Pirumshoevich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Malikov Makhmud Khakimovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Abdolvakhidov Rakhmatullo Mirazorovich, candidate of historical sciences (Tajikistan)

Abdurashitov Fozil Mamatovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Senin Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences (Russia)

Artykov Abdurafik Abdramanzhanovich, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

in Philosophical Sciences:

Sayfullaev Nigmatullo Mirzoevich, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Ladygina Olga Vladimirovna, Doctor of Philosophy (Russia)

Dinorshoeva Zarina Musoevna, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Makhmadali Muzaffari, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Mirzoev Gaffor Jaborovich, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Juraeva Nigorakhon Niyozbabaevna, Candidate of Philosophical Sciences (Tajikistan)

Kholmatova Lola Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences (Tajikistan)

Markin Vladimir Ilyich, Doctor of Philosophy (Russia)

Popova Natalya Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences (Russia)

Bryzgalina Elena Vladimirovna, Candidate of Philosophical Sciences (Russia)

in Pedagogical Sciences:

Rustamova Gulbahor Abdurashidovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Yuldasheva Mavjuda Rakhmatovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Ibragimova Iroda Aso-Akhunovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Rakhmanova Mavjuda Jamshedovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Saidova Leila Vaisidinovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Radjabova Mekhri Rakhmatovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Karimova Irina Kholovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Guseinova Tatyana Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Moshkina Elena Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences (Russia)
Fedorenko Elena Yurievna, Candidate of Psychological Sciences (Russia)
Khudoykulov Khol Zhumaevich, Doctor of Pedagogical Sciences (Uzbekistan)

Editor:	L.Yu. Kholmatova
Technical editor:	M.J. Rakhmanova
Translation into English:	M.R. Radjabova
Translation into Tajik:	Z.M. Dinorshoeva

Computer layout: Sh.K. Kodirov

The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan.

Certificate of registration No. 342/ZhR-97 dated 04/12/2024.

Editorial address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe,

M. Tursunzade street, 30

Ph.: (+992 37) 227 78 53 (w.)

www.rtsu.tj

uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Russian-Tajik (Slavonic) university
RTSU Printing House

ISSN – 3136-1412

Муассис: Идораи байнидавлатии таълимии таҳсилоти олии «Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон»

Сармуҳ аррир:

Холматова Лола Юревна, номзади илмҳои фалсафа, дотсент

Ҳайати таҳририя: Негматова Шаҳноза Рузиевна, доктори илмҳои таърих, дотсент, ҷонишини сармуҳ аррир

Раҳманова Мавҷуда Ҷамшедона, номзади илмҳои педагогӣ, дотсент, котиби масъули маҷалла

Оид ба илмҳои сиёсатшиносӣ:

Қурбонова Зулфия Маҳмаднабиевна, доктори илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Негматова Шаҳноза Рузиевна, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Шарифзода Лоҳутӣ Шариф, доктори илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Шаропов Отабек Муродович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Наимӣ Исмоил Нурулло, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Муҳаммадзода Абдураҳмон Навруз, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Малышева Дина Барисовна, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Россия)

Ежова Марина Юревна, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Россия)

Сангинов Нарзулло Наимович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Каримов Шамсиддин Турсунматович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Оид ба илмҳои таърих:

Муҳидинов Саидали Раҷабович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Майтдинова Гузел, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Раҳматова Заррина Юнусовна, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Пирумшоев Ҳайдаршо Пирумшоевич, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Маликов Маҳмуд Ҳакимович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Абдулваҳидов Раҳматулло Мирзорович, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Абдурашитов Фозил Маматович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Сенин Александр Сергеевич, доктори илмҳои таърих (Россия)

Артиқов Абдурафиқ Абдраманҷонович, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Оид ба илмҳои фалсафа:

Сайфуллоев Нигматулло Мирзоевич, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Ладыгина Ольга Владимировна, доктори илмҳои фалсафа (Россия)

Диноршоева Зарина Мусоевна, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Маҳмадали Музаффарӣ, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Мирзоев Ғ аффор Ҷ абборович, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)
Ҷураева Нигорахон Ниёзбабаевна, номзоди илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)
Холматова Лола Юревна, номзоди илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)
Маркин Владимир Ильич, доктори илмҳои фалсафа (Россия)
Попова Наталья Викторовна, номзоди илмҳои фалсафа (Россия)
Брызгалина Елена Владимировна, номзоди илмҳои фалсафа (Россия)

Оид ба илмҳои педагогӣ:

Рустамова Гулбаҳор Абдурашидовна, номзоди илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Юлдашева Мавҷида Раҳматовна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Ибрагимова Ирода Асо-Ахуновна, номзоди илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Раҳманова Мавҷида Ҷамshedовна, номзоди илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Саидова Лейла Вайсидиновна, номзоди илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Раҷабова Меҳри Раҳматовна, номзоди илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Каримова Ирина Холовна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Гусейнова Татьяна Владимировна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Мошкина Елена Василевна, номзоди илмҳои педагогӣ (Россия)
Федоренко Елена Юревна, номзоди илмҳои равоншиносӣ (Россия)
Худойкулов Хол Ҷумаевич, доктори илмҳои педагогӣ (Ўзбекистон)

Муҳаррир: Л.Ю. Холматова
Муҳаррири техникӣ: М.Д. Раҳманова
Тарҷума ба забони англисӣ: М.Р. Раҷабова
Тарҷума ба забони тоҷикӣ: З.М. Диноршоева

Веростори компютерӣ: Ш.К. Қодиров

Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта
шудааст. Шаҳодатномаи ба қайдгирӣ № 342/ЖР-97 аз 12.04.2024 с.
Суроғи редаксия: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе,
кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 78 53
www.rtsu.tj
uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
Типографияи ДСРТ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Ученые записки» (Серия «Социально-гуманитарные науки») публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и соискателей Российско-Таджикского (Славянского) университета. Журнал также предоставляет возможность для публикаций своих работ ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья. Для публикации в Журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам социально-гуманитарных наук, исследованиям в области истории, политологии, философии и педагогики.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях. Ответственность за оригинальность статьи несет автор статьи.

Рукопись регистрируется при поступлении в редакцию ответственным секретарем издания. В целях недопущения плагиата и заимствований источников без указания авторства, а также с целью повышения качества научных статей работа должна пройти экспертизу через систему проверки «Антиплагиат». Процент оригинальности научной статьи должен составлять не менее 70%.

Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Авторы представляют рукописи в электронной форме с распечаткой статьи в одном экземпляре. Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Аспиранты и соискатели представляют в редакцию отзыв научного руководителя с рекомендацией статьи к публикации. Рецензия должна содержать обоснованное перечисление положительных качеств материала, в том числе научную новизну работы, её актуальность, фактологическую и историческую точность, корректность цитирования, ясный стиль изложения, использование современных источников, а также мотивированное перечисление недостатков материала. В заключении дается общая оценка материала и рекомендация для редакции (опубликовать материал, опубликовать материал после доработки, направить на дополнительную рецензию специалисту по определенной тематике, отклонить). Объем рецензии - не менее одной страницы текста. Рецензия должна быть подписана рецензентом с указанием ученой степени, ученого звания, должности, даты ее подготовки и заверена печатью организации, где он работает.

Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется автору с замечаниями рецензента и редактора. Автор должен внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования ру-

копии нарушает права автора. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд.

Материалы представляются в редакцию на электронном носителе и в распечатанном виде (1 экз.). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

Основным языком журнала является русский. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Титульная страница статьи должна содержать: УДК, фамилию, имя, отчество (полностью) автора/авторов, его/их ученую степень, звание, должность, место работы и контактную информацию (почтовый адрес с индексом, телефон, E-mail), шифр и наименование специальности, аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи. Объем аннотации составляет: **150-200** слов на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Объем научной статьи не должен превышать **1 п.л.** и включать такие структурные части, как актуальность темы, цель исследования, его новизна, основные положения и выводы.

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Источники, не являющиеся научно-аналитическими (законодательство, материалы публицистического характера, архивные документы, официальные документы, интернет-материалы), указываются в постраничных сносках на языке оригинала. Научная литература приводится в библиографическом списке в конце текста статьи в алфавитном порядке (сначала литература на русском языке, затем литература на иностранных языках). В списке литературы должно быть не менее **20** наименований научной литературы, в том числе отражающей современные взгляды и подходы к обсуждаемой проблеме. Приветствуется использование материалов, опубликованных в рецензируемых научных изданиях. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитируемая страница (напр.: [6, с.39]). Ссылки нумеруются согласно порядковому номеру источника в списке литературы.

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатура приводится сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет (далее – РТСУ)).

Ответственность за содержание статьи, достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах, текст аннотации и ключевые слова на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, списка литературы – 12 интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

Все страницы, начиная с титульной, должны быть последовательно пронумерованы.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть представлен тщательно выверенным и исправленным.

Отклоненные рукописи статей, а также рукописи, принятые к публикации, не возвращаются автору.

Статьи печатаются в порядке очередности их поступления в редакцию. Если статья направляется автору на доработку, то датой поступления считается дата возвращения автором переработанной статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Ректора РТСУ профессора А.В. Золотухина	19

• ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Негматова Ш.Р. 35 лет Государственной независимости Республики Таджикистан: эволюция внешней политики и дипломатические достижения	23
Наими И.Н. Центральная Азия как геостратегическое пространство в современной международной системе	34
Шарапов О.М., Негматуллоева С.Р. Сотрудничество Таджикистана и России в рамках формата «Центральная Азия – Россия»	48
Пардаев С.А. Центральная Азия и новая архитектура региональной безопасности: между глобальными вызовами и локальными угрозами	60

• ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мухидинов С.Р. Вопросы истории изучения таджиков Сибири во второй половине XVI-XVIII веков	71
Рахматова З.Ю. Российско-таджикское сотрудничество в области образования (на примере Российско-Таджикского (Славянского) университета)	87
Умарова З.Х. Проблемы и перспективы развития искусства набойки таджиков	96
Артыков А.А. Гидроэнергетика Таджикистана в годы Государственной независимости: этапы развития и пути достижения энергетической независимости	107

• ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Диноршоева З.М. Культурологические аспекты независимости	118
Ульмасов Р. Миграционные процессы в Таджикистане за 35 лет независимости: тенденции, вызовы и прогнозы	128
Урядова А.В. Таджикская миграция в Россию в XXI в.: женский аспект	140
Содики Н.Н. Философский гуманизм Мирзо Абдулқодири Бедия в контексте индийско-мусульманского культурного синтеза	153

• ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рустамова Г.А. Педагогическая наука Таджикистана в период государственной независимости: преемственность, трансформация, новые направления	171

Ибрагимова И.А.-А. Об определении сущности информального послевузовского обучения учителей русского языка и литературы	190
Курбонова З.Ш. Развитие педагогической науки в республике Таджикистан в годы независимости: экологическое воспитание как одно из приоритетных направлений	201
Халикова Т.Т. Зелёная экономика начинается с детства: экологическое воспитание младших школьников	215

CONTENT

Welcome address of Rector of the RTSU professor A.V. Zolotukhin	19

• POLITICAL SCIENCES

Negmatova Sh.R. 35 years of State Independence of the Republic of Tajikistan: the evolution of foreign policy and diplomatic achievements	23
Naimi I.N. Central Asia as a geostrategic space in the modern international system	34
Sharapov O.M., Negmatulloeva S.R. Cooperation between Tajikistan and Russia within the framework of the «Central Asia – Russia» format	48
Pardaev S.A. Central Asia and the new architecture of regional security: between global challenges and local threats	60

• HISTORICAL SCIENCES

Mukhidinov S.R. Issues in the history of the study of Siberia's Tajiks in the second half of the 16th – 18th centuries	71
Rakhmatova Z.Y. Russian-Tajik cooperation in education: through the example of Russian-Tajik (Slavonic) university	87
Umarova Z.Kh. Problems and prospects for the development of Tajik traditional block printing art	96
Artykov A.A. Hydropower development in Tajikistan during the years of state independence: stages of development and pathways to achieving energy independence	107

• PHILOSOPHICAL SCIENCES

Dinorshoeva Z.M. Culturological aspects of independence	118
Ulmasov R. Migration processes in Tajikistan over 35 years of independence: trends, challenges and projects	128
Uryadova A.V. Tajik migration to Russia in the 21st century: the female aspect	140
Sodiki N.N. Philosophical humanism of Mirzo Abdulkadir Bedil in the context of Indo-Muslim cultural synthesis	153

• PEDAGOGICAL SCIENCES

Rustamova G.A. Pedagogical science of Tajikistan in the period of state independence: continuity, transformation, new directions	171

Ibragimova I.A.-A. On the definition of the essence of the informative postgraduate education of teachers of Russian language and literature	190
Kurbonova Z.Sh. Development of pedagogical science in the Republic of Tajikistan during the years of independence: environmental education as one of the priority areas	201
Khalikova T.T. The green economy begins in childhood: environmental education of younger schoolchildren	215

МУНДАРИҶА

Сухани табрикоти Роктори ДСРТ профессор А.В. Золотухин	19

• ИЛМҲОИ СИЁСАТШИНОСӢ

Негматова Ш.Р. 35 соли Истиқлоли Давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон: таҳаввули сиёсати хориҷӣ ва дастовардҳои дипломатӣ	23
Наимӣ И.Н. Осиёи Марказӣ ҳамчун фазои геостратегӣ дар низоми байналмилалӣ муосир	34
Шарапов О.М., Негматуллоева С.Р. Ҳамкориҳои Тоҷикистон ва Россия дар доираи формати «Осиёи Марказӣ – Россия»	48
Пардаев С.А. Осиёи Марказӣ ва архитектураи нави амнияти минтақаӣ: байни ҷолишҳои ҷаҳонӣ ва таҳдидҳои маҳаллӣ	60

• ИЛМҲОИ ТАЪРИХ

Муҳидинов С.Р. Масъалаҳои таърихи омӯзиши тоҷикони Сибир дар нимаи дуюми асрҳои XVI–XVIII	71
Раҳматова З.Ю. Ҳамкориҳои Россияву Тоҷикистон дар соҳаи маориф: дар мисоли Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон - ДСРТ	87
Умарова З.Х. Мушкилот ва ояндаи рушди санъати ҷитғарии тоҷикон	96
Артиқов А.А. Гидроэнергетикаи Тоҷикистон дар солҳои Истиқлолияти Давлатӣ: марҳилаҳои рушд ва роҳҳои расидан ба истиқлолияти энергетикӣ	107

• ИЛМҲОИ ФАЛСАФА

Диноршоева З.М. Ҷиҳатҳои фарҳангии истиқлолият	118
Улмасов Р. Равандҳои муҳоҷират дар Тоҷикистон дар тӯли 35 соли Истиқлолият: тенденсияҳо, ҷашмдоштҳо ва пешгӯиҳо	128
Урядова А.В. Муҳоҷирати тоҷикон ба Русия дар асри XXI: ҷанбаи қанона	140
Содиқи Н.Н. Гуманизми фалсафии Мирзо Абдулқодири Бедил дар заминаи синтези фарҳангии ҳиндумусалмонӣ	153

• ИЛМҲОИ ПЕДАГОГӢ

Рустамова Г.А. Илми педагогии Тоҷикистон дар давраи истиқлолияти давлатӣ: пайдарпайӣ, трансформатсия, самтҳои нав	171

Ибрагимова И.А.-А. Дар бораи муайян кардани моҳияти таълими ғайрирасмии баъдидипломи муаллимони забон ва адабиети рус	190
Қурбонова З.Ш. Рушди илми педагогӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар солҳои истиқлолият: тарбияи экологӣ ҳамчун як аз самтҳои афзалиятнок	201
Халикова Т.Т. Иқтисоди сабз аз кӯдакӣ оғоз меебад: тарбияи экологии хонандагони синфҳои ибтидоӣ	215

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**Уважаемые коллеги, дорогие друзья,
авторы и читатели журнала!**

Приветствую вас на страницах научного журнала «Ученые записки. Серия социально-гуманитарных наук». Этот номер имеет особое, глубоко символическое значение, поскольку он выходит в свет в год двух важнейших событий для нашей страны и научно-образовательного сообщества – 35-летия Государственной независимости Республики Таджикистан и 30-летия Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Тридцать пять лет суверенного развития под руководством Лидера нации, Уважаемого Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, продемонстрировали всему миру пример стойкости, созидания и уверенного движения вперед. Обретение независимости дало мощный импульс развитию отечественной науки, образования и культуры, открыв новые горизонты для социально-гуманитарных исследований.

Ровно через пять лет после провозглашения независимости, в 1996 году, началась история Российско-Таджикского (Славянского) университета. За прошедшие 30 лет РТСУ превратился в один из ведущих научно-образовательных центров в Республике Таджикистан. Мы гордимся тем, что университет внес весомый вклад в подготовку высококвалифицированных кадров, формирование интеллектуальной элиты страны и укрепление межкультурного диалога.

Настоящий выпуск журнала подводит научный итог этих знаменательных вех, объединяя исследования в области политологии, истории, философии и педагогики. В представленных статьях рассматриваются ключевые этапы государственного строительства и внешней политики суверенного Таджикистана, вопросы национальной безопасности, сохранения исторического наследия и тридцатилетний путь становления РТСУ. Особое внимание авторы уделяют осмыслению национальной идентичности, вызовам глобализации, а также современным образовательным трендам и опыту университета в подготовке кадров нового поколения. Отрадно, что социально-гуманитарная наука в РТСУ не просто фиксирует изменения, но и предлагает конструктивные решения, способствуя духовному развитию общества.

Выражаю искреннюю благодарность редакционной коллегии журнала, авторам статей и рецензентам за их высокий профессионализм и преданность научному поиску.

От всей души поздравляю коллектив профессорско-преподавательского состава, сотрудников, студентов и выпускников РТСУ с 35-летием независимости Республики Таджикистан и 30-летним юбилеем нашего университета! Желаю вам крепкого здоровья, творческой энергии и новых выдающихся успехов на благо отечественной науки!

Алексей Валерьевич Золотухин
Ректор Российско-Таджикского
(Славянского) университета,
доктор юридических наук, профессор

WELCOME ADDRESS

Dear colleagues, friends, authors and readers of the journal!

I welcome you to the pages of the scientific journal "Scientific Notes. A series of social sciences and humanities". This issue has a special, deeply symbolic significance, since it is published in the year of two important events for our country and the scientific and educational community – the 35th anniversary of the State Independence of the Republic of Tajikistan and the 30th anniversary of the Russian-Tajik (Slavonic) University.

Thirty-five years of sovereign development under the leadership of the Leader of the Nation, Respected President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon, have demonstrated to the whole world an example of perseverance, creativity and confident progress. Gaining independence gave a powerful impetus to the development of national science, education, and culture, opening up new horizons for research in the social sciences and humanities.

Exactly five years after the declaration of independence, in 1996, the history of the Russian-Tajik (Slavonic) University began. Over the past 30 years, RTSU has become one of the leading scientific and educational centers in the Republic of Tajikistan. We are proud that the university has made a significant contribution to the training of highly qualified personnel, the formation of the country's intellectual elite and the strengthening of intercultural dialogue.

This issue of the journal summarizes the scientific results of these significant milestones, combining research in the fields of political science, history, philosophy and pedagogy. The presented articles consider the key stages of state-building and foreign policy of sovereign Tajikistan, issues of national security, preservation of historical heritage and the thirty-year path of the formation of the RTSU. The authors pay special attention to understanding national identity, the challenges of globalization, as well as modern educational trends and the university's experience in training new generation personnel. It is encouraging that social and humanitarian science at RTSU not only captures changes, but also offers constructive solutions, contributing to the spiritual development of society.

I would like to express my sincere gratitude to the editorial board of the journal, the authors of the articles and the reviewers for their high professionalism and dedication to scientific research.

I sincerely congratulate the staff of our university, students and graduates of RTSU on the 35-th anniversary of independence of the Republic of Tajikistan and the 30th anniversary of our university! I wish you good health, creative energy and new outstanding successes for the benefit of national science!

Alexey Valerievich Zolotukhin
Rector of the Russian-Tajik
(Slavonic) university,
doctor of juridical sciences, professor

СУХАНИ ТАБРИКОТӢ

Ҳамкорони мухтарам, дӯстони азиз, муаллифон ва хонандагони маҷалла!

Шуморо дар саҳифаҳои маҷаллаи илмӣ «Навиштаҷоти олимон. Силсилаи илмҳои иҷтимоӣ-гуманитарӣ» («Ученые записки. Серия социально-гуманитарных наук») хайрамақдам мегӯям. Ин шумора аҳмияти махсус ва амиқи рамзӣ дорад, зеро он дар соли ду рӯйдоди муҳимтарин барои кишварамон ва ҷомеаи илмию маърифатӣ – 35-солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва 30-солагии Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон ба таъб мерасад.

Сиву панҷ соли рушди соҳибхитӣ таҳти роҳбарии Пешвои миллат, Мухтарам Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба тамоми ҷаҳон намунаи устуворӣ, созандагӣ ва ҳаракати дилпуронаро ба пеш нишон дод. Ба даст овардани истиқлолият ба рушди илм, маориф ва фарҳанги ватанӣ такони пушқувват бахшида, уфуқҳои навро барои тадқиқоти иҷтимоӣ-гуманитарӣ боз намуд.

Расо панҷ сол пас аз эълони истиқлолият, дар соли 1996, таърихи Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон оғоз ёфт. Дар давоми 30 соли гузашта ДСРТ ба яке аз марказҳои пешбари илмию таълимии Ҷумҳурии Тоҷикистон табдил ёфт. Мо фахр мекунем, ки донишгоҳ дар тайёр кардани кадрҳои баландхисос, ташаккули элитаи зеҳнии кишвар ва таҳкими муколамаи байнифарҳангӣ саҳми арзанда гузоштааст.

Шумораи кунунии маҷалла натиҷаи илмӣ ин марҳилаҳои хотирмонро ҷамъбаст намуда, тадқиқотҳоро дар соҳаҳои сиёсатшиносӣ, таърих, фалсафа ва педагогика муттаҳид мекунад. Дар мақолаҳои пешниҳодшуда марҳилаҳои асосии давлатсозӣ ва сиёсати хориҷии Тоҷикистони соҳибхитӣ, масъалаҳои амнияти миллӣ, ҳифзи мероси таърихӣ ва роҳи сисолаи ташаккули ДСРТ баррасӣ мешаванд. Муаллифон ба дарки ҳувияти миллӣ, ҷолишҳои ҷаҳонишавӣ, инчунин тамоюлҳои муосири таълимӣ ва таҷрибаи донишгоҳ дар тайёр кардани кадрҳои насли нав тавачҷуҳи махсус зоҳир намудаанд. Боиси хушнудист, ки илми иҷтимоӣ-гуманитарӣ дар ДСРТ на танҳо тағйиротро сабт мекунад, балки роҳҳои созандаи пешниҳод намуда, ба рушди маънавии ҷомеа мусоидат менамояд.

Ба ҳайати таҳририяи маҷалла, муаллифони мақолаҳо ва тақриздихандагон барои касбияти баланд ва садоқаташон ба ҷустуҷӯи илмӣ миннатдории самимии худро изҳор мекунам.

Аъзои профессорону устодон, кормандон, донишҷӯён ва хатмкунандагони ДСРТ-ро бо 35-солагии истиқлолияти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва 30-солагии ҷашни донишгоҳамон аз таҳти дил табрик мегӯям! Ба шумо саломатии бардавом, нерӯи эҷодӣ ва муваффақиятҳои нави барҷаста дар роҳи шукуфоии илми ватанӣ хоҳонам!

Алексей Валеревич Золотухин
Ректори Донишгоҳи (Славянии)
Россия ва Тоҷикистон,
доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

УДК 327(575.3)(091)

35 ЛЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Негматова Шахноза Рузиевна

доктор исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 83 44 40 (м.)
negmatova.sh@mail.ru

В статье рассматриваются становление, развитие и основные результаты внешней политики Республики Таджикистан за 35 лет Государственной независимости. Раскрывается значение обретения суверенитета для формирования самостоятельного внешнеполитического курса государства, определения его национальных интересов и укрепления позиций страны в современной системе международных отношений. Особое внимание уделяется формированию национальной дипломатической системы, реализации политики «открытых дверей», развитию многовекторного внешнеполитического курса, расширению дипломатических отношений, а также участию Таджикистана в деятельности международных и региональных организаций. Анализируются достижения республики в сфере двусторонней и многосторонней дипломатии, укреплении регионального сотрудничества, обеспечении безопасности и противодействии современным транснациональным угрозам. Рассматривается роль международных инициатив Таджикистана в области водных ресурсов, изменения климата, сохранения ледников, устойчивого развития, борьбы с терроризмом и укрепления мира. Отмечается значение экономической и культурной дипломатии в расширении международных связей и укреплении авторитета страны на мировой арене. Подчеркивается роль Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона в формировании и последовательной реализации внешнеполитического курса государства. В заключении определяются основные направления дальнейшего развития дипломатии Таджикистана, связанные с защитой национальных интересов, укреплением государственного суверенитета и безопасности, развитием взаимовыгодного международного сотрудничества и повышением роли республики в условиях трансформации современной системы международных отношений.

Ключевые слова: Республика Таджикистан; Государственная независимость; внешняя политика; дипломатия; национальные интересы; политика «открытых дверей»; многосторонняя дипломатия; международные инициативы; региональная безопасность; международное сотрудничество.

Независимость занимает особое место в исторической судьбе каждого народа. Она воплощает не только право государства самостоятельно определять направления своего развития, но и возможность общества сохранять национальную самобытность, историческую память, язык, культуру и духовные ценности. Для таджикского народа, обладающего древними традициями государственности, обретение независимости стало важнейшим этапом национального развития и открыло новую страницу в истории страны.

За прошедшие тридцать пять лет Таджикистан прошел сложный путь государственного становления и постепенно укрепил свои позиции на международной арене. В этот суверенный период внешняя политика Республики Таджикистан приобрела последовательный и многовекторный характер. Развитие взаимовыгодных отношений с различными государствами стало одним из условий реализации национальных интересов страны [3].

Такой подход позволяет Таджикистану поддерживать конструктивные отношения с различными центрами мировой и региональной политики, исходя прежде всего из собственных национальных интересов. Одновременно происходило последовательное включение страны в деятельность международных и региональных организаций, благодаря чему расширились возможности для представления и защиты позиции республики на многосторонних площадках.

Новым направлением дипломатической активности стало участие Таджикистана в современных форматах межгосударственного диалога. Наряду с традиционными механизмами сотрудничества страна активно вовлечена в форматы взаимодействия государств Центральной Азии с внешними партнерами, что способствует расширению политического диалога, согласованию позиций и реализации совместных проектов [8].

Одновременно формировалась зарубежная дипломатическая инфраструктура республики. За годы независимости было открыто более 50 дипломатических представительств Таджикистана за рубежом и при международных и региональных организациях. В свою очередь, на территории республики действуют более 30 представительств иностранных государств и международных структур. Расширение дипломатического присутствия свидетельствует о возросшей интенсивности внешнеполитических связей страны.

Качественные изменения произошли и в характере двусторонних отношений. Расширился круг государств, с которыми Таджикистан вышел на уровень стратегического партнерства, а взаимодействие с отдельными партнерами стало переходить на более высокий уровень. Одновременно значительно увеличилась договорно-правовая база международного сотрудничества. За 35 лет государственной независимости были заключены

тысячи межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов, регулирующих политическое, экономическое, торговое, культурное, гуманитарное и иные направления взаимодействия [9].

Показательна и динамика последних лет. Только в 2025 году по итогам переговоров на высшем и высоком уровнях и других внешнеполитических мероприятий было подписано 128 международных документов. Расширение договорной базы создает правовые условия для практической реализации достигнутых договоренностей и свидетельствует об интенсивности внешних связей республики [9].

Отдельного внимания заслуживает превращение Душанбе в одну из заметных региональных дипломатических площадок. Проведение международных конференций, форумов и встреч высокого уровня, председательство Таджикистана в различных организациях и развитие так называемого «Душанбинского процесса» способствовали укреплению международной узнаваемости страны. В настоящее время с Таджикистаном непосредственно связаны два значимых направления многостороннего взаимодействия – Душанбинский процесс по водной проблематике и Душанбинский процесс по борьбе с терроризмом.

Особое место среди достижений национальной дипломатии занимает продвижение вопросов воды и климата. Таджикистан последовательно использует международные площадки для привлечения внимания к рациональному использованию водных ресурсов, устойчивому развитию и климатическим проблемам. На площадке ООН инициативы Таджикистана получили широкую поддержку.

Таджикистан развивает и экономическую дипломатию. Ее задача заключается не только в расширении внешней торговли, но и в привлечении инвестиций, создании благоприятных условий для реализации хозяйственных проектов и использовании международного сотрудничества в интересах национального развития. На сегодняшний день торговые отношения Таджикистана охватывают более 130 государств мира, что свидетельствует о значительном расширении внешнеэкономических связей республики [10].

Серьезное значение для национальной и региональной безопасности имеет урегулирование пограничных вопросов с соседними государствами. Окончательное урегулирование сложных вопросов государственной границы с Китаем, Узбекистаном и Кыргызстаном способствовало укреплению стабильности и создало дополнительные предпосылки для развития добрососедских отношений в Центральной Азии.

Одним из устойчивых приоритетов внешней политики Таджикистана остается противодействие терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков и другим транснациональным угрозам. Республика последовательно выступает за объединение усилий международного сообщества в

данной сфере. Значение этого направления подтверждается активностью Таджикистана в рамках международных и региональных механизмов безопасности, а также выдвижением собственных инициатив. В данном контексте ключевое значение приобретает взаимодействие стран Центрально-азиатского региона.

Таджикистан стал инициатором новой глобальной инициативы «Международного десятилетия укрепления мира во имя будущих поколений». Её поддержка на уровне Генеральной Ассамблеи ООН продолжила сложившуюся практику выдвижения республикой инициатив, ориентированных на решение вопросов, выходящих за пределы исключительно национальной повестки. События последних лет наглядно показывают, насколько хрупким может быть мир. Продолжающийся конфликт вокруг Украины, трагические события на Ближнем Востоке, вооружённые столкновения и гуманитарные кризисы в других регионах мира приводят к человеческим жертвам, разрушению инфраструктуры, вынужденному перемещению миллионов людей и создают угрозы, далеко выходящие за пределы отдельных государств. Особую тревогу вызывает то, что в условиях усиления международной напряжённости всё чаще звучит риторика военного противостояния, продолжается гонка вооружений и сохраняются риски дальнейшей эскалации конфликтов. Возникает закономерный вопрос: какой мир мы оставим тем, кто придёт после нас? Именно в этих сложных геополитических условиях особое значение приобретает инициатива Республики Таджикистан об объявлении 2027-2036 годов Международным десятилетием укрепления мира во имя будущих поколений, выдвинутая Президентом Республики Таджикистан, Основателем мира и национально-го единства – Лидером нации уважаемым Эмомали Рахмоном. Таджикистан знает истинную цену мира. Таджикистан говорит о мире не отвлечённо. Наш народ знает цену мира, потому что пережил трагедию гражданского противостояния [12].

В первые годы государственной независимости Республика Таджикистан оказалась в чрезвычайно тяжёлой ситуации. Гражданская война принесла человеческие жертвы, разрушение экономики, массовое перемещение населения и поставила под угрозу само существование молодой суверенной государственности. И именно в этот судьбоносный период ответственность за руководство страной взял на себя Эмомали Рахмон. Поэтому, говоря сегодня о международной инициативе Таджикистана по укреплению мира, необходимо подчеркнуть принципиально важное обстоятельство: Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон не понаслышке знает, что такое война и какой высокой ценой достигается согласие. Он возглавил страну в один из наиболее трагических периодов её современной истории, когда необходимо было не просто управлять государством, а

остановить кровопролитие, вернуть беженцев, восстановить властные институты, добиться национального примирения и сохранить территориальную целостность республики. Путь к миру был чрезвычайно сложным. Потребовались годы переговоров, политическая воля, терпение, поиск компромиссов и осознание того, что никакие политические разногласия не могут быть выше интересов Родины и её народа.

Опыт Таджикистана показывает, что разрешение даже острых противоречий и окончание войны возможны при желании сторон конфликта действительно искать пути преодоления разногласий, готовности идти на компромиссы и решать вопросы, учитывая интересы всех сторон.

Современный мир сегодня возвращается к блоковому противостоянию, и государствам сегодня необходимо приложить все усилия, чтобы преодолеть эту опасную тенденцию. История неоднократно доказывала: война может начаться мгновенно, а путь к согласию занимает годы и десятилетия. Поэтому укрепление мира необходимо начинать задолго до возникновения потенциальных конфликтов. Именно в этом заключается важнейший смысл Международного десятилетия.

Международному сообществу необходимо уделять больше внимания превентивной дипломатии, посредничеству, переговорам, мирному разрешению споров и воспитанию соответствующей культуры. Особый акцент должен быть сделан на формировании у молодежи духа толерантности, способности к конструктивному диалогу и абсолютного неприятия насилия.

Сегодня перед Таджикистаном стоят многочисленные задачи. Особое значение в перспективе будет иметь дальнейшее развитие взаимовыгодных отношений с зарубежными партнерами, привлечение инвестиций, обеспечение защиты интересов граждан и юридических лиц Таджикистана за рубежом, а также противодействие потенциальным внешним угрозам.

Географическое положение Таджикистана придаёт этим задачам дополнительную значимость. Страна находится в пространстве пересечения интересов крупных мировых и региональных центров силы. Поэтому внешнеполитический курс должен сохранять самостоятельность, последовательность и способность учитывать изменения международной обстановки, не отступая при этом от фундаментальных национальных интересов.

Наиболее отвечающим этим условиям представляется продолжение сбалансированной политики, основанной на развитии взаимовыгодных и дружественных отношений с широким кругом государств. Такой подход позволяет избегать односторонней внешнеполитической зависимости и одновременно использовать преимущества сотрудничества с различными партнерами. Именно необходимость сохранения баланса во взаимоотно-

шениях со странами мира обозначена в исходном тексте в качестве одного из основных условий успешной внешней политики.

Значительная роль в формировании и последовательной реализации современного внешнеполитического курса принадлежит Основателю мира и национального единства – Лидеру нации, Президенту Республики Таджикистан уважаемому Эмомали Рахмону. За годы государственной независимости под его руководством сформировались основные принципы национальной дипломатии, расширилось международное сотрудничество и значительно возросла представленность Таджикистана в решении вопросов регионального и глобального значения [14].

Одной из характерных черт внешней политики Таджикистана за годы независимости стала политика «открытых дверей». Её значение заключается в том, что республика не связывает развитие международных отношений с ориентацией исключительно на одного партнера или один центр силы, а развивает связи со всеми заинтересованными игроками.

Вопросы региональной безопасности занимают приоритетное место в современной внешней политике Таджикистана. Непосредственное соседство с Афганистаном предопределяет пристальное внимание к процессам внутри этого государства. Для Таджикистана внутренняя стабильность в соседней стране отвечает интересам государства, так как речь идет и об угрозах экстремизма, об угрозах транснационального терроризма и незаконного оборота наркотиков. По объективным причинам территория Таджикистана неизбежно подвергается угрозе того, что становится транзитной территорией для незаконной деятельности. В связи с этим Душанбе неизменно выбирает путь политического диалога и нацелен на поиск решений, способных обеспечить долговременный мир в Афганистане, что требует консолидации коллективных усилий всех государств региона.

Для Таджикистана, не имеющего выхода к морю, состояние транспортных коммуникаций имеет стратегическое значение. В 2026 году предусматривается начало строительства и реконструкции около 300 километров международных и республиканских автомобильных дорог. Республика располагает колоссальным гидроэнергетическим потенциалом, и его освоение необходимо не только для обеспечения внутренних потребностей, но и для осуществления поставок за пределы страны, а также эффективного участия в региональном энергетическом сотрудничестве. Крупные энергетические проекты требуют значительных финансовых ресурсов, современных технологий и долгосрочного взаимодействия с внешними партнерами. В связи с этим необходимо международное сотрудничество для привлечения инвестиций, модернизации энергетических объектов и расширения возможностей экспорта электроэнергии.

Необходимо отметить, что за годы независимости изменилась и роль Душанбе в международной дипломатической жизни. Если ранее столица прежде всего принимала отдельные двусторонние и многосторонние встречи, то сегодня в Душанбе регулярно обсуждаются вопросы, имеющие региональное и международное значение. Особое место среди таких форматов занимает Душанбинский процесс по борьбе с терроризмом. Постепенно рамки данной платформы вышли за пределы Центральной Азии. На встрече, состоявшейся в Кувейте в 2024 году при участии Таджикистана, Кувейта и Контртеррористического управления ООН, к обсуждению присоединились представители государств арабского мира, Африки, Юго-Восточной Азии и других регионов.

Если сопоставить положение страны в начале 1990-х годов и сегодня, различие очевидно. Таджикистан, который в период становления независимости сам нуждался в широкой международной поддержке, постепенно превратился в государство, способное предлагать международному сообществу собственные идеи и успешно добиваться их рассмотрения на глобальном уровне. В этом, пожалуй, наиболее наглядно проявляется изменение роли республики в современной системе международных отношений. За тридцать пять лет таджикская дипломатия прошла путь от решения преимущественно задач международного признания и послевоенного восстановления к более активному участию в формировании региональной и глобальной повестки.

Заметное место во внешней политике заняло культурно-гуманитарное направление. Как известно, наша страна располагает богатым историческим и культурным наследием, которое позволяет представлять Таджикистан за рубежом не только через политические и экономические связи, но и через историю народа, его язык, литературу, традиции и памятники культуры.

Особую роль играет сотрудничество с ЮНЕСКО. Древний Сарезм, Таджикский национальный парк (Пармирские горы), Тигровая балка вошли в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Кроме того, в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества были включены традиционное музыкальное искусство Шашмаком, международный праздник Навруз, традиции приготовления плова, искусство вышивки «Чакан», культура ткачества атласа и адраса, а также обряд приготовления суманак. Сегодня Таджикистан – страна, которая прочно ассоциируется на мировой арене с мирными инициативами и богатым культурным наследием. В республике развивается туризм, что также способствует формированию более полного представления о Таджикистане. В этой связи представляется необходимым и в долгосрочной перспективе последовательно продвигать национальное наследие нашей страны за рубежом.

За годы независимости Таджикистан фактически заново устанавливал своё место в международных отношениях. Этот процесс шел постепенно: расширялись дипломатические связи, укреплялось сотрудничество с другими государствами, накапливался опыт работы в международных и региональных организациях. Следствием конструктивно выстроенной внешней политики стало то, что республика активнее начала выступать с собственными инициативами для международного сотрудничества.

Можно с уверенностью утверждать, что внешняя политика страны приобрела более устойчивый и самостоятельный характер. Для Таджикистана долгосрочными приоритетами остаются добрососедские отношения с государствами Центральной Азии и глобальная стабильность в системе международных отношений.

Литература

1. 35-летие Государственной независимости Таджикистана отметили за рубежом // Avesta.tj: информационное агентство. - 2026. - 14 сент. - URL: <https://www.avesta.tj> (дата обращения: 10.09.2026).
2. Абдурахмонова Н.Т. Формирование и становление «инициативной дипломатии» Республики Таджикистан в годы независимости // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. - 2023. - № 6-1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-stanovlenie-initsiativnoy-diplomatii-respubliki-tadzhikistan-v-gody-nezavisimosti> (дата обращения: 10.09.2026).
3. Айнулозода Н. Роль и положение Таджикистана как субъекта международного права в отношениях и вопросах международного права // Вестник Педагогического университета. - 2020. - № 4 (87). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-polozhenie-tadzhikistana-kak-subekta-mezhdunarodnogo-prava-v-otnosheniyah-i-voprosah-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 10.09.2026).
4. Акмалова М.А. Современное видение политической независимости // Вестник ТГУПБП. - 2016. - № 1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-videnie-politicheskoy-nezavisimosti> (дата обращения: 10.09.2026).
5. Алимардонзода З.Ф. Роль водных и энергетических ресурсов Республики Таджикистан в Центральной Азии // Вестник Педагогического университета. - 2024. - № 5-6 (112-113). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vodnyh-i-energeticheskikh-resursov-respubliki-tadzhikistan-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 10.09.2026).
6. Алимов Б.Х., Ходжаева М.Д. Национальная независимость и внутренняя и внешняя стратегия Республики Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. - 2011. - № 1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-nezavisimost-i-vnutrennyaya-i-vneshnyaya-strategiya-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 16.09.2026).
7. Гафурзода А.Д., Маджидзода З.Д. Динамика конституционного обеспечения суверенитета государств на постсоветском пространстве: опыт Таджикистана // Теоретическая и прикладная юриспруденция. - 2024. - № 4 (22). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-konstitutsionnogo-obespecheniya>

- suvereniteta-gosudarstv-na-postsovetskom-prostranstve-opyt-tadzhikistana (дата обращения: 16.09.2026).
8. Джурабаев Д.Х. Сессия, открывшая путь к миру и согласию // Вестник ТГУПБП. - 2012. - № 4 (52). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sessiya-otkryvshaya-put-k-miru-i-soglasiyu> (дата обращения: 06.09.2026).
9. Маликов М.Х., Хусаинов А.К. Преимущества независимости и суверенитета для Таджикистана // Вестник Педагогического университета. - 2021. - № 1 (90). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-nezavisimosti-i-suvereniteta-dlya-tadzhikistana> (дата обращения: 06.09.2026).
10. Мирзоев Г.А. Становление и развитие многовекторной внешней политики Республики Таджикистан // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: философия, правоведение, социология. - 2021. - № 3. - С. 112–119.
11. Мухаммад А.Н. Современная политика Республики Таджикистан в международных отношениях: специфика и направления // Постсоветские исследования. - 2022. - № 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-politika-respubliki-tadzhikistan-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-spetsifika-i-napravleniya> (дата обращения: 06.09.2026).
12. Мухаммадзода П.А. Превентивная дипломатия в Центральной Азии и вклад Республики Таджикистан в обеспечение региональной стабильности // Вестник Таджикского национального университета. - 2023. - № 5. - С. 89–96.
13. Наими И.Н. Государственная независимость Республики Таджикистан: символ свободы и гордости народного единства // Российско-Таджикский (Славянский) университет: официальный сайт. - 2024. - 18 сент. - URL: rtsu.tj (дата обращения: 06.09.2026).
14. Низомзода Х. Вклад традиционной дипломатии в укрепление независимости Республики Таджикистан // Вестник Педагогического университета. - 2021. - № 4 (93). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-traditsionnoy-diplomatii-v-ukreplenie-nezavisimosti-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 06.09.2026).
15. Рахмон Э. Таджикистан: двадцать лет независимости. - Душанбе: Ирфон, 2011. - 416 с.
16. Сабзов А.Р. Независимость Республики Таджикистан: история и достижения // Уполномоченный по правам человека в Республике Таджикистан: официальный сайт. - URL: <https://ombudsman.tj> (дата обращения: 16.09.2026).
17. Сайидзода З.Ш. 25 лет внешней политики Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона (1992–2017 гг.): исторические аспекты становления и развития: монография. - Душанбе: Контраст, 2020. - 336 с.
18. Сайидзода З.Ш. Внешняя политика Таджикистана в период государственной независимости (историко-аналитический очерк). - Душанбе: Контраст, 2015. - 352 с.
19. Сборник международных договоров Республики Таджикистан за 2020–2025 гг. / МИД РТ. - Душанбе, 2025. - 640 с.
20. Шарипов А.Н. Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. - 2019. - № 7. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-formirovaniya-vneshney-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 16.09.2026).
21. Юлдошев У.Р., Лысых О.А. Об истории независимости Таджикистана // Таджикский государственный медицинский университет имени Абуали ибни Сино: официальный сайт. - 2019. - 6 сент. - URL: <https://tajmedun.tj> (дата обращения: 16.09.2026).

35 YEARS OF STATE INDEPENDENCE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: THE EVOLUTION OF FOREIGN POLICY AND DIPLOMATIC ACHIEVEMENTS

Negmatova Shakhnoza Ruzievna

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of International Relations and Diplomacy,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 83 44 40 (m.)
negmatova.sh@mail.ru

The article examines the formation, development, and major achievements of the foreign policy of the Republic of Tajikistan over 35 years of State Independence. It highlights the significance of achieving sovereignty for the establishment of an independent foreign policy, the determination of national interests, and the strengthening of the country's position in the contemporary system of international relations. Particular attention is paid to the formation of the national diplomatic system, the implementation of the "Open Door" POLICY, the development of a multi-vector foreign policy, the expansion of diplomatic relations, and Tajikistan's participation in international and regional organizations. The article analyzes the country's achievements in bilateral and multilateral diplomacy, the strengthening of regional cooperation, ensuring security, and countering contemporary transnational threats. It also examines the role of Tajikistan's international initiatives in the fields of water resources, climate change, glacier preservation, sustainable development, counter-terrorism, and peacebuilding. The importance of economic and cultural diplomacy in expanding international relations and strengthening the country's standing in the international arena is emphasized. Special attention is given to the role of the Founder of Peace and National Unity – Leader of Nation, President of the Republic of Tajikistan, His Excellency Emomali Rahmon, in shaping and consistently implementing the country's foreign policy. In conclusion, the article identifies the main directions for the further development of Tajikistan's diplomacy, including the protection of national interests, the strengthening of state sovereignty and security, the development of mutually beneficial international cooperation, and the enhancement of the Republic's role amid the ongoing transformation of the contemporary system of international relations.

Keywords: Republic of Tajikistan; State Independence; foreign policy; diplomacy; national interests; "Open Door" Policy; multilateral diplomacy; international initiatives; regional security; international cooperation.

35 СОЛИ ИСТИҚЛОЛИ ДАВЛАТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН: ТАҲАВВУЛИ СИЁСАТИ ХОРИҶӢ ВА ДАСТОВАРДҲОИ ДИПЛОМАТӢ

Негматова Шахноза Рӯзиевна

доктори илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи муносибатҳои байналмилалӣ ва дипломатияи,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 83 44 40 (м.)
negmatova.sh@mail.ru

Дар мақола ташаккул, рушд ва натиҷаҳои асосии сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар тӯли 35 соли Истиқлоли давлатӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд. Аҳамияти ба даст овардани соҳибхитёрӣ дар ташаккули сиёсати мустақили хориҷии давлат, муайян намудани манфиатҳои миллӣ ва таҳкими мавқеи кишвар дар низоми муносири муносибатҳои байналмилалӣ нишон дода мешавад. Таваҷҷуҳи махсус ба ташаккули низоми миллии дипломатӣ, татбиқи сиёсати «дарҳои кушода», рушди сиёсати хориҷии бисёрсамта, тавсеаи муносибатҳои дипломатӣ, инчунин иштироки Тоҷикистон дар фаъолияти созмонҳои байналмилалӣ ва минтақавӣ равона гардидааст. Дастовардҳои ҷумҳурӣ дар самти дипломатияи дучониба ва бисёрҷониба, таҳкими ҳамкориҳои минтақавӣ, таъмини амният ва муқовимат ба таҳдидҳои муносири фаромиллӣ таҳлил карда мешаванд. Нақши ташаббусҳои байналмилалии Тоҷикистон дар соҳаҳои захираҳои об, тағйирёбии иқлим, ҳифзи пирияхҳо, рушди устувор, мубориза бар зидди терроризм ва таҳкими сулҳ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Аҳамияти дипломатияи иқтисодӣ ва фарҳангӣ дар густариши робитаҳои байналмилалӣ ва таҳкими нуфузи кишвар дар арсаи ҷаҳонӣ таъкид мегардад. Нақши Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар ташаккул ва татбиқи пайгириҳои сиёсати хориҷии давлат махсус таъкид карда мешавад. Дар ҳулоса самтҳои асосии рушди минбаъдаи дипломатияи Тоҷикистон, аз ҷумла ҳифзи манфиатҳои миллӣ, таҳкими соҳибхитёрӣ ва амнияти давлатӣ, рушди ҳамкориҳои мутақобилан судманди байналмилалӣ ва баланд бардоштани нақши ҷумҳурӣ дар шароити таҳаввулоти низоми муносири муносибатҳои байналмилалӣ муайян карда шудаанд.

Калидвожаҳо: Ҷумҳурии Тоҷикистон; Истиқлоли давлатӣ; сиёсати хориҷӣ; дипломатия; манфиатҳои миллӣ; сиёсати «дарҳои кушода»; дипломатияи бисёрҷониба; ташаббусҳои байналмилалӣ; амнияти минтақавӣ; ҳамкориҳои байналмилалӣ.

УДК 327:911.3:339.9(574/575)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ

Наими Исмоил Нурулло

кандидат политических наук, доцент
кафедры дипломатии и международных отношений
Академия государственного управления
при Президенте Республики Таджикистан
734003, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Саида Носира, 33
Тел.: (+992) 918 44 75 34 (м.)
naimov_ismoil@list.ru

В статье анализируется геостратегическое значение Центральной Азии в современной системе международных отношений. Автор рассматривает географическое положение региона, его транспортный и коммуникационный потенциал, природные и энергетические ресурсы, а также роль стран Центральной Азии в обеспечении региональной и международной безопасности. Особое внимание уделяется изменению геополитической ситуации после распада Советского Союза и формированию независимых центральноазиатских государств как самостоятельных субъектов международных отношений.

В статье также анализируется растущий интерес крупнейших мировых и региональных держав к Центральной Азии, обусловленный ее стратегическим географическим положением, богатыми природными ресурсами, энергетическим потенциалом и возрастающей важностью транспортных и коммуникационных путей региона. Одновременно изучается влияние внутренних, межгосударственных и внешних факторов на политико-экономические процессы в этой части мира.

Таким образом, в исследовании рассматриваются региональное сотрудничество и геополитическая конкуренция, вопросы безопасности, водные и энергетические ресурсы, международные транспортные коридоры и диверсификация внешних связей стран Центральной Азии. Подчеркивается, что изменения в международной системе и рост геоэкономического значения укрепляют стратегический статус региона на евразийском пространстве. Автор оценивает Центральную Азию как единое геостратегическое пространство и считает укрепление регионального сотрудничества, обеспечение общей безопасности и развитие экономических и транспортных связей важными факторами стабильности и устойчивого развития региона.

Ключевые слова: Центральная Азия; геостратегическое пространство; международная безопасность; региональная безопасность; геоэкономика; международные транспортные маршруты; природные ресурсы; водные ресурсы; международное со-

трудничество; региональное сотрудничество; геополитическая конкуренция; геоэкономическая конкуренция; Евразия; региональная стабильность.

В начале XXI века Центральная Азия стала одним из важнейших геостратегических регионов в системе международных отношений, выступая в качестве площадки для столкновения геополитических, геоэкономических и военно-стратегических интересов крупнейших мировых и региональных держав. Геополитический регион. Это обширная территория имеет особое стратегическое значение и расположена в центре Евразийского континента. Она занимает около 10% площади Азиатского материка и не имеет прямого доступа к океанам и открытым морям. Центральная Азия находится на стыке ключевых путей и имеет прямые коммуникационные связи с Российской Федерацией на севере, с Китаем и другими регионами Азии на востоке, со странами Южной Азии и Ближнего Востока на юге, а также с бассейном Каспийского моря и европейским пространством на западе. Такое положение придает региону значительный геополитический вес, делая его одним из ключевых звеньев между Европой и Азией [19, с.165].

Геополитическое значение Центральной Азии обусловлено прежде всего её межконтинентальным расположением и исторической ролью в формировании торговых, экономических и культурных связей между различными регионами Евразии. В исторические времена через территорию Центральной Азии проходили важные участки Великого Шелкового пути, и этот регион служил одним из важных центров коммуникации между Востоком и Западом. В современных условиях эта географическая особенность не утратила своего значения, а, наоборот, приобрела новый смысл в контексте формирования новых транспортных и торговых коридоров Евразии [20].

Наряду со своим географическим положением, одним из главных факторов геоэкономической значимости Центральной Азии является обилие природных и энергетических ресурсов. Страны региона обладают значительными запасами нефти, газа, урана, золота, меди, сурьмы и других стратегических минералов. Кроме того, расположение на пересечении важных транзитных и коммуникационных путей, а также геоэкономическая значимость бассейна Каспийского моря еще больше укрепляют роль Центральной Азии в системе экономических и стратегических отношений Евразии. Сочетание данных факторов привлекло повышенное внимание ведущих мировых держав, превратив Центральную Азию в один из ключевых узлов геополитического сотрудничества и конкуренции на континенте [19, с.165].

Центральноазиатский регион, как важное геополитическое пространство, расположен в центре Евразии и связывает четыре ядерные державы – Россию, Китай, Индию и Пакистан. Поэтому для стран Центральной Азии крайне важно, чтобы регион стал пространством мира и стабильности, а также обладал способностью противостоять международному терроризму и организованной преступности.

Важно также отметить, что вопросы региональной безопасности приобрели транснациональный характер и стали одним из приоритетных направлений локальной политики. Стратегической целью стран региона на данном этапе является расширение международных связей с мировыми державами и укрепление их позиций в системе международных отношений. Основное внимание уделяется обеспечению национальной и региональной безопасности, расширяется сотрудничество с Россией, Китаем, США, Японией, Ираном, Турцией, Пакистаном, Саудовской Аравией, Южной Кореей и странами Европейского союза.

Следует отметить, что распад Советского Союза и создание пяти независимых государств: Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан – имеют особое значение для понимания современной ситуации в Центральной Азии. Обретя государственную независимость, страны региона получили возможность самостоятельно определять основные направления своей внешней политики, развивать национальные интересы и устанавливать связи с зарубежными партнерами. Это привело к качественному изменению политической атмосферы в Центральной Азии и создало условия для возникновения новой системы межгосударственных отношений, в которой наряду с внутренними факторами все более важную роль играли внешние силы [9, с.1243].

После распада Советского Союза Центральная Азия стала объектом растущего интереса Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Соединенных Штатов Америки, Европейского союза, Турецкой Республики, Исламской Республики Иран и ряда других государств. При этом интерес внешних игроков к региону определяется не одним фактором, а совокупностью стратегических условий.

К ним относятся вопросы региональной безопасности, доступ к энергетическим и минеральным ресурсам, развитие транспортно-торговых связей, контроль и диверсификация путей снабжения, противодействие транснациональным угрозам, а также стремление укрепить собственные позиции на евразийском пространстве. Геостратегическое значение Центральной Азии особенно очевидно в контексте меняющегося современного миропорядка. Изменение баланса сил между ведущими центрами мировой политики, усиление многополярности, рост международной конкуренции и

появление новых экономических и транспортных связей существенно меняют традиционное понимание места региона в международной системе.

Ключевым элементом геостратегического положения региона является его транспортный и коммуникационный потенциал. На протяжении большей части своей истории Центральная Азия служила пространством для взаимодействия различных цивилизаций и важным связующим звеном между Востоком и Западом. В современную эпоху это значение приобрело новый смысл с развитием международных транспортных коридоров, железных дорог, автомагистралей, энергетических маршрутов и логистической инфраструктуры. Реализация масштабных инфраструктурных проектов укрепляет роль стран Центральной Азии в евразийской экономической системе и одновременно усиливает конкуренцию за контроль над стратегическими транзитными путями [17].

Не менее важны энергетические и природные ресурсы. Центральная Азия обладает богатыми запасами нефти, природного газа, урана и других стратегически важных полезных ископаемых. Казахстан и Туркменистан имеют значительный энергетический потенциал, а Таджикистан и Кыргызстан – значительный гидроэнергетический потенциал [См. подробнее: 16, с.94-104]. Распределение природных богатств между странами региона создает как возможности для экономического сотрудничества, так и потенциал для межгосударственных разногласий, особенно в вопросах управления водными ресурсами, строительства гидроэлектростанций и регулирования трансграничных водных систем.

Вопросы безопасности также занимают особое место в Центральной Азии. Близость региона к Афганистану, протяженные национальные границы, распространение транснациональной преступности, угроза терроризма и экстремизма, незаконный оборот наркотиков, а также проблемы границ и водных ресурсов делают укрепление региональной безопасности чрезвычайно важным. В результате Центральная Азия рассматривается не только как перспективное экономическое пространство, но и как ключевой регион для обеспечения стратегической стабильности в Евразии.

После обретения независимости страны региона постепенно выработали собственные внешнеполитические стратегии и механизмы сотрудничества с различными центрами силы. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, несмотря на различия в социально-экономическом развитии, стремятся сохранить способность самостоятельно определять свои внешнеполитические приоритеты и диверсифицировать международные отношения. В этом контексте стратегическое значение приобретает многосторонняя внешняя политика, направленная на поддержание сбалансированных и стабильных отношений с рядом ключевых международных партнеров, а также на снижение зависимости от одного геополитического центра [10].

Таким образом, современное геостратегическое положение Центральной Азии определяется сложным взаимодействием трех взаимосвязанных уровней: внутренних процессов в государствах региона, межгосударственных взаимодействий внутри Центральной Азии и влияния внешних субъектов. Именно это сочетание формирует текущую структуру международных отношений в регионе. Поэтому изучение Центральной Азии исключительно с точки зрения политики отдельных государств или интересов внешних держав не позволяет в полной мере раскрыть сущность происходящих трансформаций. Необходимо рассматривать регион как единое геостратегическое пространство, которое одновременно включает в себя процессы сотрудничества, конкуренции, зависимости и адаптации к меняющейся международной обстановке.

Геостратегическое значение Центральной Азии обусловлено прежде всего её положением важного международного транзитного узла, способствующего торговым и политическим связям между странами Европы, Ближнего Востока и Южной Азии. На протяжении веков через этот регион проходил Великий Шелковый путь, и сегодня Центральная Азия, обладающая огромными запасами углеводородов, золота, меди, урана и других редкоземельных металлов, а также ключевым положением на коммуникационных маршрутах и высоким геоэкономическим потенциалом Каспийского моря, привлекает внимание ведущих мировых экономик. Поэтому вопрос региональной безопасности и противодействия международному терроризму и организованной преступности приобрели для местных государств особое стратегическое значение.

Как отмечал Збигнев Бжезинский, «Евразия занимает центральное положение в мировой системе, и любая держава, контролирующая это пространство, может оказать решающее влияние на баланс сил на мировой арене» [4, с.59]. В этом отношении Центральная Азия считается одним из важнейших регионов геополитической конкуренции за влияние на общемировой расклад сил.

Еще одним существенным аспектом является сложная этнодемографическая ситуация в регионе. Согласно отчету ЮНИСЕФ, опубликованному в ноябре 2025 года, население региона будет продолжать стабильно расти, достигнув почти 112 миллионов к 2050 году по сравнению с 84 миллионами на сегодняшний день [2]. Ферганская долина, самый густонаселенный регион Центральной Азии, разделена между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Ее демографические, этнические и территориальные особенности делают ее одним из наиболее чувствительных регионов Центральной Азии и потенциальным источником этнических конфликтов и политической напряженности.

Следует также отметить, что современные аналитические исследования рассматривают Центральную Азию как централизованную геополитическую структуру, разделяя её на несколько «уровней». «Внутренний уровень» этой системы включает прямые отношения между государствами Центральной Азии, в которых Узбекистан и Казахстан выступают в качестве двух главных центров региональной власти. Географическое пространство данного внутреннего контура формируют Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан, а также южные районы Узбекистана и северо-восточный Казахстан, через которые регион граничит с Афганистаном, Ираном, Россией и Китаем [1, с.15-16].

Государства южной части этой системы – Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан – играют важную роль связующего звена и посредника. Они помогают поддерживать необходимый баланс между государствами, конкурирующими за позиции силы, и расширением внешнего влияния.

На другом уровне сформировалась система отношений с региональными и глобальными центрами силы, в которой, по мнению большинства аналитиков, решающую роль играет геополитический треугольник России, Китая и США. Все эти акторы имеют точки соприкосновения в регионе. Поэтому координация их стратегических устремлений и приоритетов других геополитических игроков в Центральной Азии имеет большое значение для обеспечения стабильности, безопасности, а также устойчивого развития местных государств.

Как уже упоминалось, в XIX века Центральная Азия и Афганистан были объектами соперничества между двумя великими империями – Россией и Великобританией. Это противостояние, известное как «Большая игра», сыграло важную роль в определении будущей судьбы региона. В современных условиях аналитики используют концепцию «Новой Большой игры», которая по своей природе и содержанию существенно отличается от прежней геополитической конкуренции.

Вместо двух прямых соперников – России и Великобритании – в «Большой новой игре» участвует широкий круг игроков: Соединенные Штаты, Россия, Китай, Пакистан, Иран, Турция и сами центральноазиатские государства, каждое со своими интересами и методами. В этот процесс также активно вовлечены негосударственные субъекты – международные и транснациональные организации, крупные транснациональные корпорации и даже террористические группы [См. подробнее: 15, с.35-41].

В классической «Большой игре» главной целью было достижение геополитического господства в регионе. Конкуренция основывалась на принципе «игры с нулевой суммой», то есть расширение позиций одного государства автоматически означало ослабление другого. В «Новой Большой игре» цели более разнообразны и сложны, варьируясь от стремления к

геополитической гегемонии до формирования политических и культурных альянсов, направленных на усиление авторитета и обеспечение региональной безопасности. На негосударственном уровне особое значение имеют максимизация прибыли, заключение выгодных контрактов и формирование консорциумов с доминирующим положением [14, с.54].

Для Вашингтона Центральная Азия имеет стратегическое значение, прежде всего благодаря обилию природных ресурсов, включая редкие металлы, нефть и газ, а также её роли в борьбе с международным терроризмом. После событий 11 сентября 2001 года геополитическое значение региона ещё больше возросло, поскольку страны Центральной Азии оказывали политическую и материально-техническую поддержку военным операциям США и их партнёров против талибов в Афганистане. В современных условиях США стремятся укрепить независимость и суверенитет бывших советских республик, поддерживая демократические реформы, развивая рыночную экономику и укрепляя экономическое и политическое сотрудничество. При этом одним из важных направлений политики Вашингтона является снижение зависимости стран региона от России и Китая и ограничение распространения их влияния в Центральной Азии.

Для России Центральная Азия остается одним из стратегически важных регионов и традиционных сфер влияния. Исторические, культурные и экономические связи между Россией и странами Центральной Азии, сформировавшиеся преимущественно в советскую эпоху, продолжают оказывать значительное влияние на развитие межгосударственных отношений и по сей день. Русский язык сохранил во многих странах региона статус важного средства межнационального общения, образования, науки и экономического сотрудничества. При этом определенная часть политической, административной и экономической элиты стран региона имеет прочные профессиональные, социальные и культурные связи с Россией [11, с.97-98].

Экономическое сотрудничество с Центральной Азией имеет первостепенное значение для России. Между сторонами установлены тесные экономические связи в сферах энергетики, транспорта, торговли и трудовых ресурсов. Ряд государств региона продолжают активно использовать транспортно-энергетическую инфраструктуру, унаследованную от советской эпохи, для транзита своих углеводородов на международные рынки. В то же время Российская Федерация выступает в качестве одного из ключевых торговых партнеров, источника инвестиций и главного направления трудовой миграции для местного населения. Все эти факторы способствуют долгосрочному укреплению взаимной хозяйственной интеграции.

В этом контексте стратегия Москвы направлена на поддержание и укрепление своих позиций в регионе, защиту экономических и энергетических связей, а также обеспечение значимой роли в транспортировке и использовании энергетических ресурсов Центральной Азии. Россия также уделяет особое внимание развитию политико-военного сотрудничества со странами региона, рассматривая обеспечение региональной безопасности, борьбу с терроризмом и противодействие трансграничным угрозам как важные направления своей политики. Таким образом, Центральная Азия является для России не только зоной исторического и культурного присутствия, но и важнейшим геополитическим, экономическим контуром, а также пространством безопасности.

Китай, с другой стороны, рассматривает Центральную Азию прежде всего с точки зрения обеспечения энергетической безопасности и защиты своих стратегических интересов. Китай стремится уменьшить свою зависимость от транспортировки энергоресурсов через Малаккский пролив и использовать Центральную Азию в качестве одного из альтернативных и важных источников энергоснабжения. В то же время Китай, по сравнению с некоторыми зарубежными партнерами, предлагает странам региона значительные финансовые и инвестиционные возможности, как правило, без прямых требований. Рост экономического и политического присутствия Китая в регионе в целом способствует изменению баланса влияния иностранных держав.

В современной академической литературе понятие «геополитический проект» рассматривается как связующее звено между геополитической доктриной и концепцией внешней политики государства. В этом контексте на центральноазиатском пространстве реализуется ряд геополитических проектов ведущих мировых держав, среди которых особое место занимают три ключевые инициативы: американская, китайская и российская [См. подробнее: 3, с.56-64].

В рамках экономической и геополитической стратегии США в Центральной Азии реализуется ряд инициатив, направленных на укрепление экономической стабильности региона, диверсификацию торговых и транспортных маршрутов, а также расширение сотрудничества с американским бизнес-сектором. В частности, программа «Инициатива по повышению экономической устойчивости в Центральной Азии» (ERICEN), запущенная в сентябре 2022 года, направлена на диверсификацию торговых маршрутов, поддержку малого и среднего бизнеса, создание благоприятных условий для деятельности американских компаний, укрепление кибербезопасности и развитие человеческого капитала [7].

Еще одним важным направлением экономического сотрудничества является торговая платформа C5+1, запущенная 16 ноября 2023 года,

целью которой является углубление экономической интеграции, стимулирование инноваций, привлечение прямых иностранных инвестиций и укрепление прямых связей между деловыми кругами США и стран Центральной Азии. Одновременно с этим все большее значение приобретает Диалог США-Центральная Азия по критически важным минералам (Диалог C5+1 по критически важным минералам – CMD) [21], первая встреча которого состоялась в феврале 2024 года и заложила основу для развития сотрудничества в области разведки, добычи и переработки редкоземельных металлов и других важных минеральных ресурсов. Другим приоритетом является развитие Транскаспийского транспортного коридора («Средний коридор»), целью которого является создание альтернативного маршрута, соединяющего Центральную Азию с европейскими рынками через Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Турцию [6]. Кроме того, Соединенные Штаты также поддерживают реализацию проекта CASA-1000, рассматривая его как средства развития энергетической инфраструктуры, расширения торговых связей и создания альтернативных транспортных и энергетических маршрутов для Центральной Азии на международные рынки.

Также, как известно, в сентябре 2013 года Китайская Народная Республика предложила создание «Экономического пояса шелкового пути», который впоследствии стал ключевым вектором глобальной инициативы «Один пояс, один путь». Его цель - модернизация транспортно-энергетической инфраструктуры, диверсификация торговых потоков, а также активизация инвестиционного взаимодействия между КНР, Центральной Азией и другими регионами Евразии. В рамках данного процесса государства центральноазиатского региона превратились в одно из важнейших звеньев для выхода китайских товаров на рынки Европы и Ближнего Востока [См. подробнее: 18, с. 169-181].

Также проект экономической интеграции России в регионе реализуется в рамках Евразийского экономического союза. Идеологической основой данного процесса выступает концепция неоевразийства и идея формирования многополярной системы международных отношений. В рамках этого подхода развитие нескольких независимых глобальных экономических и политических центров рассматривается как одно из ключевых условий для поддержания баланса сил в международной системе [8, с.13].

Эти три проекта различаются прежде всего своими целями, средствами и механизмами влияния на геополитическую структуру Центральной Азии. Для России основное направление интеграционного проекта направлено на укрепление экономических, политических, социальных и культурных связей, оставшихся со времен Советского

Союза, при одновременном создании новых институциональных механизмов интеграции на постсоветском пространстве.

Несмотря на высокую геостратегическую значимость, Центральная Азия сталкивается с рядом угроз и вызовов. В основном они касаются вопросов региональной безопасности: международного терроризма, наркоторговли, организованной преступности и экологических проблем. В 2007 году по инициативе пяти центральноазиатских государств в Таджикистане был создан Региональный центр ООН по превентивной дипломатии.

Во-вторых, усилия стран Центральной Азии по формированию региональной экономической интеграции пока не принесли существенных результатов. Организация центральноазиатского экономического сотрудничества, созданная в 1998 году, не смогла достичь основных целей, поставленных за время её существования, включая создание единого регионального рынка и гармонизацию таможенной политики. В 2005 году эта структура была включена в Евразийское экономическое сообщество, которое обладало более эффективными механизмами экономической интеграции.

В-третьих, Ферганская долина, как один из важнейших исторических и экономических регионов Центральной Азии, обладает огромным потенциалом для развития трансграничного сотрудничества.

В-четвертых, развитие регионального сотрудничества и разработка совместных подходов к экономическим вопросам, вопросам безопасности, энергетики и транспорта могут укрепить позиции стран Центральной Азии и создать больше возможностей для эффективного использования экономического и геостратегического потенциала региона.

Так, анализ современных научных источников показывает, что Центральная Азия занимает важное геостратегическое положение в международной системе. Это значение обусловлено прежде всего географическим положением региона как связующего звена между Европой, Ближним Востоком и Восточной Азией, его богатыми природными и энергетическими ресурсами, а также близостью к ядерным державам. В то же время отсутствие единой региональной стратегии позволяет странам Центральной Азии проводить многовекторную политику в условиях конкуренции между внешними державами. Геополитическая конкуренция в регионе носит многополярный характер, и наряду с Россией, Китаем и США, Индия, Пакистан, Иран, Турция и Европейский союз также преследуют в нем свои политические и экономические интересы. Крупнейшие геополитические проекты этих держав, включая «Один пояс – один путь» и «Евразийский экономический союз», направлены не только на расширение экономического

сотрудничества, но и на укрепление их позиций в геополитическом пространстве региона.

Литература

1. Артыкбаев А.М. Геополитические процессы в Центральной Азии в эпоху глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2014. – 32 с.
2. Беби-бум в Центральной Азии: куда девать людей? // ТАСС: [Электронный ресурс]. – 2026. – 24 марта. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26854545> (дата обращения: 22.08.2026).
3. Бейшеналиев А.Б. Место и роль Центральной Азии в современной геополитике // Политика и общество. – 2018. – № 8. – С. 56–64.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и её геостратегические императивы / пер. с англ. О.Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
5. Боришполец К.П. Национальные стратегии стран Центральной Азии на современном этапе // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16 – № 3. – С. 112–128.
6. Вашингтонский саммит «С5+1» определил ключевые направления политики США в регионе // Российский совет по международным делам: [Электронный ресурс]. – 2025. – 13 нояб. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vashingtonskiy-sammit-s5-1-opredelil-klyuchevye-napravleniya-politiki-ssha-v-regione/> (дата обращения: 25.08.2026).
7. Дорошенко Г.А. Политика США в Центральной Азии на современном этапе // Россия и Америка в XXI веке. – 2026. – Выпуск № 2. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760038849-0-1/> – DOI: 10.18254/S207054760038849-0
8. Евразийская экономическая интеграция: теория и практика: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2023. – 648 с.
9. Зайцева Е.А. Вопросы безопасности Центрально-азиатского региона на современном этапе осуществления регионального сотрудничества // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 5. – С. 1241-1248. – DOI: 10.24411/2618-7426-2019-00042.
10. Кая Э. Многовекторная внешняя политика в Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ankasam.org/anika-analizler/mnogovektorная-внешняя-политика-в-це/?lang=ru> (дата обращения: 22.08.2026).
11. Кротков В.О. Отношения России с государствами Центральной Азии на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2020. – Т. 11 – № 3. – С. 97-105.
12. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в XXI веке: геополитика, экономика, безопасность. – Алматы: КИСИ, 2024. – 312 с.
13. Малышева Д.Б. Многовекторная дипломатия государств Центральной Азии в условиях новой геополитической реальности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14 – № 2. – С. 221–239.
14. Махмудов Р. «Большая игра» в сердце Центральной Евразии: новый виток конкуренции // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 3 (63). – С. 53-67.
15. Михалев А.В. «Новая Большая игра» в Центральной Азии: фактор Монголии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 2. – С. 35-41.

16. Притчин С.А. Энергетический кризис в странах Центральной Азии и перспективы их сотрудничества с Россией // Россия и новые государства Евразии (электронная версия). – 2023. – №3. – С.94-104.
17. Собириён М. Геополитика ва маноефи геополитик дар Осиёи Марказӣ // Илм ва Ҷомеа: маҷаллаи академии илмию оммавӣ. – 2020. – №2 (20). [Манбаи электронӣ]. - Речаи дастрасӣ: <https://ravshanfikr.tj/shinokhti-masoili-i-timo-va-sijos/geopolitika-va-manofei-geopolitik-dar-osijoi-markaz.html> (санаи мурочиат: 12.08.2026)
18. Талбаков С.И. Мушкилоти амниятии лоиҳаи «як камарбанд-як роҳ» дар Осиёи Марказӣ ва ҳалли онҳо // Осиё ва Аврупо. – 2022. – № 2 (10). – С. 169-181.
19. Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3 (99). – С. 164-171.
20. Шарипов А.Н. Таърихи ҳамгироӣ дар Осиёи Марказӣ: мушкилот ва дурнамои он [Манбаи электронӣ]. - Речаи дастрасӣ: <https://mo.tnu.tj/tj/tarihi-amgiro-dar-osijoi-markaz-mushkilot-va-durnamoi-on/> (санаи мурочиат: 12.08.2026).
21. The C5+1 Critical Mineral Dialogue: What It Means and How We Got Here [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.caspianpolicy.org/research/central-asia/the-c51-critical-mineral-dialogue-what-it-means-and-how-we-got-here> (дата обращения: 25.08.2026).

CENTRAL ASIA AS A GEOSTRATEGIC SPACE IN THE MODERN INTERNATIONAL SYSTEM

Naimi Ismoil Nurullo

Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Diplomacy and International Relations
Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Tajikistan
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. Said Nosir, 33
Ph: (+992) 918 44 75 34 (m.)
naimov_ismoil@list.ru

This article analyzes the geostrategic significance of Central Asia in the modern system of international relations. The author examines the region's geographic location, its transport and communications potential, natural and energy resources, and the role of Central Asian countries in ensuring regional and international security. Particular attention is paid to the changing geopolitical situation following the collapse of the Soviet Union and the emergence of independent Central Asian states as autonomous parties in international relations.

The article also examines the growing interest of major global and regional powers to Central Asia, caused by its strategic geographic location, rich natural resources, energy potential, and the growing importance of the region's transport and communications channels. The influence of internal, interstate, and external factors on political and economic processes in the region is also examined.

Thus, the search examines regional cooperation and geopolitical competition, security issues, water and energy resources, international transport passages, and the diversification of the Central Asian countries' external relations. It emphasizes that changes in the international system and growing geoeconomic importance are strengthening the region's strategic status within the Eurasian space. The author assesses Central Asia as a unified geostrategic space and considers strengthening regional cooperation, ensuring shared security, and developing economic and transport links as important factors in the region's stability and sustainable development.

Keywords: Central Asia; geostrategic space; international security; regional security; geoeconomics; international transport channels; natural resources; water resources; international cooperation; regional cooperation; geopolitical competition; geoeconomic competition; Eurasia; regional stability.

ОСИЁИ МАРКАЗӢ ҲАМЧУН ФАЗОИ ГЕОСТРАТЕГӢ ДАР НИЗОМИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ МУОСИР

Наимӣ Исмоил Нурулло

номзади илмҳои сиёсӣ, дотсенти
кафедраи дипломатия ва муносибатҳои байналмилалӣ
Академияи идоракунии давлатии
назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Саид Носир, 33
Тел.: (+992) 918 44 75 34 (м.)
naimov_ismoil@list.ru

Дар мақола аҳамияти геостратегии Осиёи Марказӣ дар низоми муосири муносибатҳои байналмилалӣ таҳлил карда мешавад. Муаллиф мавқеи ҷуғрофии минтақа, иқтисодӣ ва коммуникатсионӣ он, захираҳои табиӣ ва энергетикӣ, инчунин нақши кишварҳои Осиёи Марказиро дар таъмини амнияти минтақавӣ ва байналмилалӣ баррасӣ менамояд. Диққати махсус ба тағйирёбии вазъи геополитикӣ пас аз пошхӯрии Иттиҳоди Шӯравӣ ва ташаккули давлатҳои мустақили Осиёи Марказӣ ҳамчун субъ-ектҳои мустақили муносибатҳои байналмилалӣ равона шудааст.

Дар мақола инчунин афзоиши тавачҷуҳи қудратҳои бузурги ҷаҳонӣ ва минтақавӣ ба Осиёи Марказӣ таҳлил мегардад, ки ба мавқеи ҷуғрофии стратегӣ, захираҳои бойи табиӣ, иқтисодӣ энергетикӣ ва аҳамияти рӯзафзуни роҳҳои нақлиётӣ ва коммуникатсионӣ минтақа вобаста мебошад. Ҳамзамон, таъсири омилҳои дохилӣ, байни-давлатӣ ва берунӣ ба равандҳои сиёсӣ ва иқтисодӣ минтақа мавриди омӯзиш қарор мегирад.

Дар маҷмӯъ, дар таҳқиқот масъалаҳои ҳамкории минтақавӣ ва рақобати геополитикӣ, амният, захираҳои обӣ ва энергетикӣ, долонҳои байналмилалӣ нақлиётӣ ва диверсификасияи робитаҳои хориҷӣ кишварҳои Осиёи Марказӣ баррасӣ мешаванд. Таъкид мегардад, ки тағйирот дар низоми байналмилалӣ ва афзоиши аҳамияти геоиқтисодӣ минтақа мақоми стратегӣ онро дар фазои Авруосиё таҳким мебахшанд.

Муаллиф Осиёи Марказиро ҳамчун фазои ягонаи геостратегӣ арзёбӣ намуда, таҳкими ҳамкориҳои минтақавӣ, таъмини амнияти муштарак ва рушди робитаҳои иқтисодӣ ва нақлиётиро аз омилҳои муҳими таъмини субот ва рушди устувори минтақа медонад.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ; фазои геостратегӣ; амнияти байналмилалӣ; амнияти минтақавӣ; геоиқтисод; роҳҳои нақлиёти байналмилалӣ; захираҳои табиӣ; захираҳои обӣ; ҳамкориҳои байналмилалӣ; ҳамкориҳои минтақавӣ; рақобати геополитикӣ; рақобати геоиқтисодӣ; Авруосиё; суботи минтақавӣ.

УДК 327.7:327(575.3:470)

СОТРУДНИЧЕСТВО ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ В РАМКАХ ФОРМАТА «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – РОССИЯ»

Шарапов Отабек Муродович

кандидат политических наук, доцент
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30
Тел.: (+992) 907 93 94 98 (м.)
omsharopov@mail.ru

Негматуллоева Сурайё Рустамовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и политологии
Российско-Таджикский (Славянский) Университет,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 918 62 38 97 (м.)
surayo_negmatulloeva@mail.ru

В работе проведено исследование современного состояния и перспектив таджикско-российского сотрудничества в рамках регионального формата взаимодействия «Центральная Азия – Россия». Авторы провели анализ генезиса и эволюции данного формата, а также его роли в развитии стратегического партнерства Таджикистана и других стран Центральной Азии с Россией. В статье рассматриваются результаты всех саммитов в рамках формата «Центральная Азия – Россия» и вопросы реализации Плана совместных действий на 2025–2027 гг. В работе проанализированы основные факторы участия Таджикистана и России в данном формате и его приоритетные направления сотрудничества – это обеспечение региональной безопасности в контексте ситуации в соседнем Афганистане, торгово-экономическое взаимодействие, развитие транспортно-логистических коридоров, культурно-гуманитарные связи и другие сферы. Авторы пришли к выводу, что несмотря на наличие СНГ, ШОС и ОДКБ, формат взаимодействия «Центральная Азия – Россия» дополняет действующие механизмы многостороннего сотрудничества Таджикистана и России. Он способствует дальнейшему укреплению стратегического партнерства и союзничества двух государств как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях, позволяя более оперативно и эффективно реагировать на современные вызовы и решать актуальные проблемы региональной повестки дня.

Ключевые слова: Формат; взаимодействие; Россия; Таджикистан; государства Центральной Азии; механизм; объединение; отношения; регион; главы государств; сотрудничество.

На рубеже второго и третьего десятилетий XXI века стало актуальным совместное создание форматов сотрудничества пяти стран Центральной Азии с другими внерегиональными государствами, которые условно получили название «С5+1» или «ЦА5+1». Формирование подобных форматов партнерства вновь свидетельствует о возрастании геостратегического значения Центральной Азии, роли государств региона в мировых политических процессах в целом, а также повышении интереса со стороны внерегиональных акторов в условиях глубокой трансформации современной системы международных отношений и формирования многополярного мироустройства. На современном этапе развития отмечаются некоторые тенденции и к институционализации в рамках указанных форматов взаимодействия государств Центральной Азии с другими странами, при которых Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан выступают относительно единым блоком в диалоге с внешними партнерами.

В 2022 году спустя тридцать лет с момента установления дипломатических отношений центральноазиатских государств с Россией, на полях саммитов Содружества Независимых Государств (СНГ) и Сопровождающие по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Астане по инициативе российской стороны и при поддержке всех лидеров вышеуказанных стран состоялся первый саммит «Центральная Азия – Россия» на уровне глав государств. В то же время, по нашему мнению, инициирование формата взаимодействия «Центральная Азия – Россия» на высшем уровне только после тридцати лет установления дипломатических отношений и независимого развития постсоветских стран является несколько запоздалым решением. Это обусловлено в том числе и тем, что подобные форматы взаимодействия центральноазиатских государств с другими глобальными или региональными державами были созданы значительно раньше. Тем не менее на данный момент за все время существования данного формата сотрудничества было проведено всего два саммита на уровне глав государств. Вторым саммитом состоялся параллельно с саммитом глав государств – участников СНГ в Душанбе в 2025 г. Планируется, что дальнейшее проведение саммитов будет происходить на периодической основе раз в три года. Следовательно, встречи в указанном формате, а также на уровне министров иностранных дел этих же стран, которые проходят с 2019 года, создали основу для регулярных политических консультаций и координации действий России и всех пяти государств региона по вопросам региональ-

ной безопасности, экономики, культурно-гуманитарной и других совместных сфер сотрудничества.

Необходимо отметить, что несмотря на то что государства Центральной Азии и Россия вместе входят в состав Организации Объединенных Наций (ООН), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), СНГ, а часть стран региона совместно с Россией являются и членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), тем не менее формат взаимодействия «Центральная Азия – Россия» стал востребованным шестисторонним механизмом партнерства. Кроме того, важно подчеркнуть, что он не подменяет уже сформировавшиеся объединения, позволяя сфокусироваться на конкретных проектах, приоритетах и современных вызовах, присущих только шестистороннему взаимодействию. В подтверждение вышеуказанного можно привести мнение Президента России В.В. Путина, который в своем выступлении на первом саммите объединения в 2022 г. отмечал, что «новый формат нашего общения будет небесполезен, принесёт, так сказать, дополнительную добавленную стоимость» [1]. В связи с этим, можно сделать вывод о том, что образование формата «Центральная Азия – Россия» стало ответом на необходимость более специализированного и гибкого механизма координации усилий по региональной и глобальной повестке дня. Как отмечал Президент Таджикистана Э. Рахмон, «на фоне стремительных изменений в глобальной политике и экономике открытый и взаимоуважительный диалог между нашими странами приобретает особую значимость» [4].

Для России развитие сотрудничества с государствами центрально-азиатского региона традиционно является приоритетным направлением внешней политики, что обусловлено множеством различных факторов: общностью истории, укреплением торгово-экономических связей в последние годы, совместным обеспечением региональной безопасности на коллективной основе и другими. В этой связи следует отметить, что в рамках шестистороннего механизма взаимодействия формируются дополнительные возможности для координации совместных действий России и государств Центральной Азии, в том числе и вне рамок ОДКБ, что позволяет привлекать к диалогу Узбекистан и нейтральный Туркменистан, не являющихся участниками данной организации, но имеющих совместную границу с Афганистаном, откуда исходят многие современные вызовы безопасности для стран региона. Кроме того, расширение сотрудничества в данном объединении способствует еще большему укреплению партнерства России и Таджикистана в различных областях как на двустороннем, так и

на многостороннем уровнях в том числе и в рамках действующих международных и региональных объединений.

Для Таджикистана участие в данном формате сотрудничества также обусловлено рядом обстоятельств. Республика относит Россию к числу важнейших стратегических партнеров. Помимо этого, необходимо учитывать и экономические интересы Таджикистана. Так, Россия и Казахстан наряду с Китаем на протяжении почти двух десятилетий остаются главными торговыми партнерами республики. Растёт также доля остальных государств региона – участников данного объединения – во внешнеторговом обороте страны. Более того, в рамках формата «Центральная Азия – Россия» все государства-участники получают дополнительные преимущества для диверсификации транспортно-логистических маршрутов, экспорта своей продукции и привлечения инвестиций в развитие ключевых отраслей экономики. Существенным аспектом является и регулирование миграционных процессов. Данный формат предоставляет площадку для обсуждения и решения проблем трудовой миграции на многосторонней основе, что может способствовать выработке единых стандартов для стран постсоветского пространства. Тем самым формат «Центральная Азия – Россия» позволяет Таджикистану эффективно сочетать национальные интересы с процессами региональной интеграции.

Проведение второго саммита объединения 9 октября 2025 г. в Душанбе позволяет сделать вывод о том, что статус данного формата взаимодействия приобрёл характер регулярно действующей площадки. Выбор Душанбе в качестве места проведения очередного саммита указывает на активную роль таджикской стороны в региональных процессах, а также в деятельности самого объединения. По итогам встречи в Душанбе были приняты совместное Коммюнике и План совместных действий на 2025-2027 гг., в которых отражены все направления сотрудничества государств Центральной Азии и России в рамках данного формата. В связи с этим важно отметить, что Таджикистан регулярно призывает государства-участники консолидировать усилия по противодействию современным региональным вызовам и угрозам безопасности, а также расширять инвестиционное партнерство.

В этом контексте, можно отметить, что одним из важных направлений взаимодействия в формате «Центральная Азия – Россия» является сфера обеспечения региональной безопасности. Для Таджикистана данный аспект сотрудничества имеет жизненно важное значение, так как республика находится на передовых рубежах борьбы с современными региональными угрозами и вызовами. Партнерство в области безопасности в данном формате дополняет другие механизмы обеспечения в лице ОДКБ и ШОС, предлагая более гибкую платформу для оперативного реагирования на современные угрозы. Особенно актуальным это становится в связи с ростом

в последнее время попыток экспорта нестабильности, наркотрафика и других проблем на южных границах Центральной Азии. Таджикская сторона, занимающая наиболее жесткую позицию в отношении действующего режима в Афганистане, видит в формате «Центральная Азия – Россия» возможность консолидации совместных усилий по укреплению границ. Вместе с тем, с учетом складывающейся международной обстановки в последние годы, важным для всего региона остаётся сотрудничество в области борьбы с инфекционными заболеваниями, предотвращения рисков биологической безопасности и адаптации к изменениям климата, в том числе с учетом богатейшего опыта России в указанных сферах. Важным является то, что главы государств в ходе саммита в Душанбе в 2025 г. подтвердили приверженность принципу неделимости безопасности. В Коммюнике, принятом по итогам встречи, отмечается необходимость дальнейшего развития шестистороннего сотрудничества по противодействию терроризму, экстремизму, нелегальной миграции и наркотрафику, обмену разведывательной информацией и проведению совместных антитеррористических учений. Следовательно, данные направления взаимодействия в рамках формата «Центральная Азия – Россия» приобрели приоритетный и общерегиональный характер. Так, на данный момент идет обсуждение создания единой системы мониторинга угроз на южных границах СНГ, что позволит вовлечь в этот процесс Туркменистан и Узбекистан, которые, не будучи членами ОДКБ, также заинтересованы в обеспечении безопасности на своих южных рубежах.

Другим важным направлением сотрудничества по обеспечению региональной стабильности является кибербезопасность. Защита информационного пространства становится приоритетной задачей в условиях цифровизации государственного управления и финансовых систем. В данном контексте необходимо отметить, что в рамках Плана совместных действий на 2025 – 2027 гг. предусмотрено формирование регионального центра по борьбе с киберпреступностью, который будет заниматься координацией усилий правоохранительных структур шести государств-участников. В результате формат взаимодействия «Центральная Азия – Россия» сможет способствовать созданию своего рода «пояса безопасности» вокруг центральноазиатского региона, где Таджикистан способен выступить в роли ключевого звена. В целом сочетание военного потенциала России и знания региональной специфики соответствующими специалистами Таджикистана и других государств региона может способствовать созданию эффективного заслона трансграничным угрозам.

Экономическое сотрудничество в рамках формата «Центральная Азия – Россия» направлено на формирование устойчивых производственно-сбытовых цепочек и развитие транспортно-логистической инфраструк-

туры. Для таджикской стороны это создает возможности для выхода из транспортно-коммуникационного тупика, а также интеграции в глобальные торговые пути. В этом плане перспективным является развитие международных транспортных коридоров «Север – Юг» и «Запад – Восток». Так, на современном этапе в рамках формата «Центральная Азия – Россия» обсуждается сопряжение транспортных стратегий государств-участников для формирования бесшовной логистики от Балтики до Индийского океана. Таджикистан, обладающий значительным транзитным потенциалом, стремится стать важным хабом на данном маршруте. Модернизация автомобильных дорог и железнодорожных путей при поддержке российских инвестиций и технологий может стать приоритетным направлением сотрудничества государств региона. Помимо этого, важную роль в финансировании региональных проектов в рамках формата «Центральная Азия – Россия» призван сыграть Евразийский банк развития (ЕАБР). На саммите в Душанбе в 2025 г. отмечалось, что ЕАБР на данный момент работает над созданием концепции Евразийского транспортного каркаса, который объединит основные коридоры региона. Для Таджикистана это может означать доступ к льготному кредитованию инфраструктурных проектов: строительству новых гидроэлектростанций и модернизации действующих энергетических мощностей. В данном контексте следует отметить, что энергетика остается важной сферой взаимодействия для республики. Как известно, Таджикистан обладает значительными гидроэнергетическими ресурсами, что формирует потребность значительных капиталовложений. В свою очередь Россия имеет колоссальный опыт по внедрению энерго- и водосберегающих технологий, что весьма актуально для таджикской стороны в условиях рационального использования водных ресурсов и развития зелёной энергетики. Поэтому в данной сфере российская сторона может рассматриваться как ключевой партнёр. В рамках формата «Центральная Азия – Россия» планируется формирование единого энергетического кольца региона, что будет способствовать эффективному распределению электроэнергии и обеспечению энергетической безопасности всех стран-участниц.

В последние годы положительную динамику демонстрируют и торгово-экономические связи наших стран. Так, например, на протяжении последних лет растет торговый оборот республики с Россией и государствами центральноазиатского региона. В целом в 2020-х гг. наблюдается устойчивая тенденция роста товарооборота всех стран Центральной Азии с Россией. Стоит отметить, что в рамках формата «Центральная Азия – Россия» осуществляется определенная работа по устранению нетарифных барьеров, унификации таможенных процедур и переходу на расчёты в национальных валютах. Это особенно важно в условиях санкционного давления, когда формирование независимых финансовых механизмов становится

ся весьма актуальным. Кроме того, в рамках Плана совместных действий на 2025 – 2027 гг. предусмотрено формирование совместных IT-парков и соответствующих центров в сфере искусственного интеллекта, что может ускорить цифровую трансформацию экономики и подготовку квалифицированных кадров для инновационных отраслей. Таким образом, формат «Центральная Азия – Россия» позволяет масштабировать позитивный опыт двустороннего российско-таджикского торгово-экономического партнёрства на региональный уровень в целях создания условий для промышленной кооперации и импортозамещения.

Культурно-гуманитарное сотрудничество остается своего рода «мягкой силой» деятельности формата «Центральная Азия – Россия» и способствует укреплению стабильности и усилению взаимопонимания народов наших стран. План совместных действий на 2025–2027 гг. предусматривает проведение регулярных фестивалей культуры, молодежных форумов, совместных археологических экспедиций стран региона и других подобных мероприятий. Также в рамках взаимодействия государств Центральной Азии и России планируется создание Сетевого университета, что позволит запустить программы двойных дипломов и прохождения стажировок в странах региона, продолжить работу по формированию единого образовательного пространства и подготовке специалистов, способных осуществлять свою профессиональную деятельность в контексте региональной интеграции.

Еще одной немаловажной сферой сотрудничества в рамках данного формата является совместная работа по совершенствованию миграционного законодательства, защите прав мигрантов и их интеграции в российское общество. На саммите в Душанбе в прошлом году главы государств подтвердили приверженность обеспечению прав и интересов граждан всех шести стран на территории друг друга. Более того, рассматривается вопрос формирования единой цифровой платформы для заблаговременного трудоустройства мигрантов.

В целом, сравнительный анализ формата «Центральная Азия – Россия» с другими аналогичными площадками взаимодействия, например с Китаем или с США, показывает его уникальность. В отличие от западных форматов, ряд из которых имеет скорее декларативный характер или направлен на разрыв связей центральноазиатских стран с Россией, российская инициатива основывается на глубокой интеграционной базе и реальных механизмах обеспечения региональной безопасности. Именно поэтому для Таджикистана, как и других стран региона, создаются дополнительные возможности для продвижения интересов в рамках данного формата при содействии мощного союзника, обладающего глубоким пониманием региональной специфики.

Вместе с тем, несмотря на определенные успехи, формат «Центральная Азия – Россия» сталкивается с рядом вызовов. Прежде всего, это рост конкуренции внерегиональных акторов в Центральной Азии. Известно, что другие государства также активно продвигают собственные форматы взаимодействия «ЦА5+1», деятельность которых направлена, помимо прочего, на повышение собственного влияния в регионе и снижение позиций России. В этой связи для государств Центральной Азии важно сохранять баланс интересов, не допуская превращения региона в арену противостояния внешних акторов. Кроме того, нестабильность в соседнем с регионом государстве требует значительных ресурсов и постоянной бдительности для обеспечения безопасности границ. В этой связи для государств Центральной Азии важно сохранять баланс интересов, не допуская превращения региона в арену противостояния внешних сил. Кроме того, нестабильность в Афганистане требует значительных ресурсов и постоянной бдительности для обеспечения безопасности границ. Формат взаимодействия «Центральная Азия – Россия» должен продемонстрировать свою эффективность в предупреждении современных угроз и содействии скорейшему экономическому восстановлению этой страны. На развитие сотрудничества в рамках данного формата влияют и экономические санкции западных стран в отношении России, что создаёт некоторые сложности для реализации совместных проектов. С другой стороны, данные обстоятельства стимулируют поиск иных альтернативных путей для взаимодействия, переход на расчёты в национальных валютах, развитие новых логистических маршрутов и многое другое. В перспективе по мере адаптации или завершения санкционного режима, естественным образом сформируются дополнительные возможности для углубления торгово-экономического сотрудничества России и стран региона.

По нашему мнению, перспективы дальнейшего развития формата «Центральная Азия – Россия» видятся в переходе к реализации конкретных масштабных проектов. Возможно, формирование постоянно действующей структуры в лице секретариата или координационного совета на уровне министров иностранных дел сможет способствовать повышению эффективности данного объединения и успешной реализации принятого Плана совместных действий. В отдалённой перспективе формат «Центральная Азия – Россия» может стать основой для более широкого партнёрства на евразийском пространстве, способного объединить потенциал как государств региона, так и действующих интеграционных объединений.

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам. Прежде всего необходимо отметить, что формат «Центральная Азия – Россия» прошел этап определённой институционализации, превратившись в постоянно действующую площадку на высшем политическом уровне. Саммиты в Астане и Душанбе заложили фундамент для многостороннего взаимодей-

ствия, основанного на принципах стратегического партнерства и взаимного уважения интересов. Ключевыми направлениями совместных усилий в рамках этого формата являются обеспечение региональной безопасности, развитие экономического сотрудничества, политический диалог и культурно-гуманитарная сфера. Для России и Таджикистана участие в данном объединении выступает одним из приоритетных векторов внешней политики на постсоветском пространстве. Дальнейшее партнерство будет продолжено на основе Плана совместных действий на 2025-2027 гг., который задаёт ориентиры для совместных усилий и требует активного вовлечения всех государств. Важно отметить, что формат «Центральная Азия – Россия» не конкурирует с действующими объединениями на постсоветском пространстве, а гармонично дополняет их деятельность, предлагая более гибкий механизм координации по региональной повестке дня. Это позволяет вовлекать в диалог все страны Центральной Азии, вне зависимости от их участия в других альянсах. В перспективе успех формата «Центральная Азия – Россия» будет прежде всего зависеть от эффективной реализации планируемых проектов в условиях возрастания геополитической конкуренции и экономических вызовов. В то же время укрепление шестистороннего взаимодействия станет залогом стабильности и устойчивого развития региона.

Литература

1. Владимир Путин принял участие во встрече глав государств – участников первого саммита Россия - Центральная Азия // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69598> (дата обращения: 21.04.2026).
2. Владимир Путин принял участие во втором саммите Россия – Центральная Азия, который состоялся в столице Таджикистана, Душанбе // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78180> (дата обращения: 21.04.2026).
3. Внешнеполитические стратегии ключевых акторов международных отношений в Центральной Азии / отв. ред. А.А. Салиев; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2023. – 591 с.
4. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на саммите в формате «Центральная Азия + Россия» // НИАТ «Ховар»: национальное информационное агентство Таджикистана. – URL: <https://khovar.tj/rus/2022/10/286796/> (дата обращения: 19.04.2026).
5. Гулмахмадзода Д. Таджикистан и Россия: 30 лет устойчивого стратегического партнерства и союзничества // Международная жизнь. – 2022. – № 4. – С. 32–37.
6. Евразийская идеология и евразийская интеграция: монография / под ред. К.П. Курылева. – М.: Аспект Пресс, 2025. – 349 с.
7. Евразийский транспортный каркас: доклад 24/6 / Е. Винокуров, С. Амангельды, А. Ахунбаев [и др.]. – Алматы: Евразийский банк развития, 2024. – 148 с.
8. Коммюнике по итогам второго саммита «Центральная Азия – Россия» // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6403> (дата обращения: 22.04.2026).

9. Латифов Дж.Л. Республика Таджикистан в круговороте геополитических перемен в XXI в. – Душанбе: ТНУ, 2024. – 486 с.
10. Ли Вэньгэ, Майтдинова Г.М. Геополитика и геоэкономика сопряжения НСР-2030 Таджикистана и китайской инициативы «Один пояс - один путь». – СПб.: Нестор-История, 2025. – 376 с.
11. Майтдинова Г.М. Таджикистан в геополитической структуре Центральной Евразии в середине второго десятилетия XXI века: монография. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 455 с.
12. Пивовар Е.И. Интеграционные процессы на пространстве СНГ. Итоги и перспективы 30 лет развития. – М.: Литрес, 2022. – 188 с.
13. Пивовар Е.И. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. – М.: Литрес, 2022. – 581 с.
14. Рахмон Э. О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан / [сост.] З.Ш. Саидов (З.Ш. Сайидзода), М.Р. Камолова. – Душанбе: Контраст, 2019. – 222 с.
15. Россия – Таджикистан: исторический опыт взаимоотношений: материалы международного научно-теоретической конф. – Душанбе: РТСУ, 2022. – 303 с.
16. Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан по итогам встречи Центральная Азия – Россия // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5857> (дата обращения: 23.04.2026).
17. Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 8: Таджикистановедение / редкол.: Е.И. Пивовар (отв. ред.) [и др.]. – М.: РГГУ, 2025. – 370 с.
18. Центральная Азия и Афганистан: вызовы безопасности и контуры сотрудничества: монография / Е.Р. Власова, Е.А. Гудкова, Б.В. Долгов [и др.]; под ред. К.П. Курылева, М.А. Шпаковской. – М.: РУДН, 2025. – 329 с.
19. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений: монография / под ред. К.П. Курылева. – М.: Аспект Пресс, 2024. – 312 с.
20. Шарاپов О.М. Сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в условиях трансформации современных международных отношений: монография. – Душанбе: РТСУ, 2023. – 160 с.

COOPERATION BETWEEN TAJIKISTAN AND RUSSIA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE «CENTRAL ASIA – RUSSIA» FORMAT

Sharapov Otabek Muradovich

Candidate of Political Science, Associated professor
of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 907 93 94 98 (m.)
omsharopov@mail.ru

Negmatulloeva Surayo Rustamovna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Political Science
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 918 62 38 97 (m.)
surayo_negmatulloeva@mail.ru

This study examines the current condition and prospects of Tajik-Russian cooperation within the framework of the regional interaction format “Central Asia – Russia”. The authors analyze the genesis and evolution of this format and its role in the development of strategic partnership between Tajikistan and other Central Asian countries and Russia. The article examines the results of all summits held within the “Central Asia – Russia” format, as well as issues related to the implementation of the Joint Action Plan for 2025–2027. The article analyzes the main factors influencing Tajikistan’s and Russia’s participation in this format, as well as its priority areas of cooperation - ensuring regional security in the context of the situation in neighboring Afghanistan, trade and economic interaction, development of transport and logistics passages, cultural and humanitarian ties, and other areas. The authors conclude that, despite the existence of the CIS, the SCO, and the CSTO, the “Central Asia – Russia” format of interaction complements the existing mechanisms of multilateral cooperation between Tajikistan and Russia and contributes to the further strengthening of the strategic partnership and alliance between the two states, both at the bilateral and multilateral levels, enabling a more prompt and effective response to modern challenges and the resolution of pressing issues on the regional agenda.

Keywords: Format; interaction; Russia; Tajikistan; Central Asian states; mechanism; association; relations; region; heads of state; cooperation.

**ҲАМКОРИИ ТОҶИКИСТОН ВА РОССИЯ
ДАР ДОИРАИ ФОРМАТИ «ОСИЁИ МАРКАЗӢ – РОССИЯ»**

Шарапов Отабек Муродович

номзади илмҳои сиёсӣ, дотсенти
кафедраи минтақашиносии хориҷӣ ва сиёсати хориҷӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон,
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 907 93 94 98 (м.)
omsharopov@mail.ru

Негматуллоева Сурайё Рустамовна

номзади илмҳои фалсафа, дотсенти
кафедраи фалсафа ва сиёсатшиносии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 918 62 38 97 (м.)
surayo_negmatulloeva@mail.ru

Дар мақола таҳқиқи ҳолати муосир ва дурнамои ҳамкории Тоҷикистону Россия дар доираи формати минтақавии ҳамкории "Осиёи Марказӣ-Россия" гузаронида шудааст. Муаллиф таҳлили пайдоиш ва таҳаввулоти ин формат ва нақши онро дар рушди шарикӣ стратегӣ Тоҷикистон ва дигар кишварҳои Осиёи Марказӣ бо Россия анҷом додааст. Дар мақола натиҷаҳои баргузориҳои ҳамаи саммитҳо дар доираи формати "Осиёи Марказӣ - Россия", инчунин масъалаҳои татбиқи Нақшаи амалиёти муштарак барои солҳои 2025-2027 баррасӣ карда мешаванд. Дар мақола омилҳои асосии иштироки Тоҷикистону Россия дар ин формат, инчунин самтҳои афзалиятноки ҳамкорӣҳои он – таъмини амнияти минтақавӣ дар заминаи вазъи Афғонистони ҳамсоя, ҳамкорӣҳои тичоративу иқтисодӣ, рушди гузаргоҳҳои нақлиётӣю логистикӣ, робитаҳои фарҳангӣ ва гуманитарӣ ва дигар соҳаҳо таҳлил карда шуданд. Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки бо вучуди мавҷудияти ИДМ, СҶШ ва СААД, формати ҳамкории "Осиёи Марказӣ - Россия" механизмҳои амалкунандаи ҳамкорӣҳои бисерҷонибаи Тоҷикистону Россияро пурра намуда, ба таҳкими минбаъдаи шарикӣ стратегӣ ва ҳампаймониҳои ду давлат ҳам дар сатҳи дучониба ва ҳам бисерҷониба мусоидат намуда, имкон медиҳад, ки ба мушкилоти муосир зудтар ва самаранок вокуниш нишон дода, мушкилоти мубрами рӯзномаи минтақавиро ҳаллу ҷасл намоянд.

Калидвожаҳо: Формат; ҳамкорӣ; Россия; Тоҷикистон; давлатҳои Осиёи Марказӣ; механизм; муттаҳидшавӣ; муносибатҳо; минтақа; сарони давлатҳо; ҳамкорӣ.

УДК 327.56(575):327(575.3)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И НОВАЯ АРХИТЕКТУРА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНЫМИ ВЫЗОВАМИ И ЛОКАЛЬНЫМИ УГРОЗАМИ

Пардаев Сироджиддин Ахмедович

кандидат политических наук, старший преподаватель
кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 917 17 61 17 (м.)
itmo.fimo@mail.ru

В статье рассматривается трансформация системы безопасности Центральной Азии в условиях изменения международного порядка и усложнения характера современных угроз. Обосновывается положение о том, что безопасность региона все в меньшей степени может рассматриваться исключительно через призму военно-политической стабильности и деятельности внешних институтов. На первый план выходят взаимосвязанные угрозы транснационального характера: терроризм и экстремизм, ситуация в Афганистане, незаконный оборот наркотиков и оружия, киберугрозы, дефицит водных ресурсов, климатические изменения, миграционные и социально-экономические риски. Особое внимание уделяется формированию собственной региональной субъектности государств Центральной Азии, развитию консультативного формата глав государств и поиску модели безопасности, основанной на сочетании национальных, региональных и международных механизмов. Делается вывод, что новая архитектура безопасности Центральной Азии приобретает многоуровневый и комплексный характер, а ее устойчивость будет зависеть прежде всего от способности стран региона самостоятельно определять общие интересы и вырабатывать согласованные подходы к возникающим угрозам. В статье также раскрывается роль Таджикистана в укреплении региональной безопасности, развитии превентивной дипломатии и продвижении водно-климатической повестки.

Ключевые слова: Центральная Азия; региональная безопасность; архитектура безопасности; Афганистан; терроризм; экстремизм; водная безопасность; климатические изменения; региональное сотрудничество; превентивная дипломатия.

Центральная Азия вступает в новый этап своего политического развития. Если на протяжении первых десятилетий после распада Советского Союза вопросы региональной безопасности преимущественно рассматривались через проблемы государственного строительства, охраны границ,

межэтнических противоречий, терроризма и отношений с крупнейшими внешними державами, то сегодня содержание самого понятия безопасности заметно расширилось. Военные риски никуда не исчезли, однако наряду с ними возрастающее значение приобретают угрозы, которые невозможно остановить на государственной границе: экстремистские сети, наркотрафик, киберпреступность, климатические изменения, нехватка воды, деградация окружающей среды, миграционные процессы и информационная радикализация [4].

Одновременно изменяется международная среда, в которой развивается Центральная Азия. Усиление противоречий между ведущими центрами силы, кризис ряда прежних механизмов глобального регулирования, санкционное противостояние, конфликты на евразийском пространстве, нестабильность на Ближнем Востоке и неопределенность вокруг Афганистана непосредственно или косвенно отражаются на государствах региона. Центральная Азия оказывается в пространстве пересечения различных интересов, но одновременно получает возможность проводить более самостоятельную и многовекторную политику.

Поэтому современный этап целесообразно характеризовать не только как адаптацию Центральной Азии к изменившемуся миру, но и как постепенное формирование новой архитектуры региональной безопасности. Ее отличительной чертой становится стремление сочетать взаимодействие с международными и региональными организациями с укреплением собственно центральноазиатских механизмов сотрудничества.

После обретения независимости государства Центральной Азии формировали национальные системы безопасности в достаточно сложной обстановке. Гражданская война в Таджикистане, вооруженные конфликты в соседнем Афганистане, активизация экстремистских организаций, слабость государственных границ и распространение наркотрафика создавали непосредственные угрозы существованию молодых государств.

В этих условиях значительная часть вопросов безопасности решалась при участии внешних партнеров и международных институтов. Существенную роль играли ООН, СНГ, ОДКБ, ОБСЕ, а позднее Шанхайская организация сотрудничества. Подобная модель отвечала реалиям своего времени, поскольку национальные государства еще только создавали собственные институты и не обладали достаточными ресурсами для самостоятельного противодействия всему комплексу трансграничных угроз [5].

Сегодня ситуация постепенно меняется. Страны региона значительно укрепили государственные институты и накопили собственный опыт регулирования кризисов. Не менее важно и то, что отношения между самими странами Центральной Азии в последние годы приобрели новое качество. Расширились политические контакты, активизировалось экономическое взаимодействие, получили развитие транспортные проекты, а регулярные

консультативные встречи глав государств сформировали площадку для обсуждения вопросов, которые непосредственно касаются региона.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что вопросы безопасности все чаще рассматриваются не только в рамках внешних организаций, но и непосредственно самими центральноазиатскими государствами. Показательным в этом отношении стало принятие на седьмой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии в ноябре 2025 г. Концепции региональной безопасности и стабильности, а также Каталога рисков безопасности Центральной Азии и мер по их предупреждению на 2026–2028 гг. Сам факт появления подобных документов свидетельствует о постепенном переходе от преимущественно реактивного реагирования на угрозы к их совместному прогнозированию и предупреждению [6].

Таким образом, в регионе начинает складываться важный принцип: безопасность Центральной Азии не должна определяться исключительно отношениями государств региона с внешними центрами силы. Ее основой становится способность самих стран Центральной Азии договариваться между собой.

Особое место в системе региональных рисков продолжает занимать Афганистан. Географическая близость этой страны делает происходящие там процессы непосредственно значимыми прежде всего для Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, имеющих общую с Афганистаном границу, а в более широком смысле – для всей Центральной Азии [12]. При этом было бы ошибочным рассматривать афганский фактор исключительно как военную угрозу. Его воздействие значительно шире. Речь идет о возможной деятельности террористических организаций, трансграничной преступности, наркотрафике, незаконном обороте оружия, миграционных рисках и социально-экономической нестабильности.

Особую тревогу вызывает способность террористических и экстремистских структур действовать не только физически, но и в цифровом пространстве. Интернет и социальные сети позволяют распространять радикальную идеологию независимо от государственных границ. В результате источник угрозы может находиться за пределами Центральной Азии, тогда как объектом информационного воздействия становится население непосредственно внутри региона [13, с.82]. Именно поэтому традиционная защита границы уже не является достаточным условием безопасности. Современная граница существует одновременно в территориальном, информационном, финансовом и цифровом измерениях.

Вместе с тем политика государств Центральной Азии в отношении Афганистана постепенно становится более прагматичной. Наряду с обеспечением безопасности границ просматривается стремление не допустить полной экономической и инфраструктурной изоляции этой страны. Афга-

нистан потенциально может стать связующим звеном между Центральной и Южной Азией, однако реализация такой возможности непосредственно зависит от внутренней стабильности и снижения террористических рисков [15, с.66].

Следовательно, долгосрочная безопасность Центральной Азии предполагает не изоляцию Афганистана, а поиск такой формы взаимодействия, при которой экономическая вовлеченность соседней страны сочеталась бы с жесткими требованиями в сфере противодействия терроризму и транснациональной преступности.

Террористическая угроза для Центральной Азии также претерпевает качественную трансформацию. В конце XX - начале XXI в. основной акцент делался на угрозе проникновения вооруженных групп через государственные границы. Сегодня этот сценарий сохраняет актуальность, однако дополняется значительно более сложными формами радикализации [14, с.42]. Вербовка посредством социальных сетей, использование зашифрованных каналов связи, распространение экстремистского контента, финансирование через новые платежные механизмы и возможность дистанционного формирования террористических ячеек существенно усложняют деятельность правоохранительных органов.

ООН обращает внимание на сохраняющиеся для Центральной Азии риски, связанные с террористической пропагандой, вербовкой, трансграничным перемещением, незаконным оборотом оружия и наркотиков. Поэтому важным направлением регионального сотрудничества становятся системы раннего предупреждения, позволяющие переходить от реагирования на уже произошедшие события к выявлению угроз на стадии их формирования. Такой подход принципиально меняет философию безопасности. Главной задачей становится не только ликвидация последствий террористической активности, но и своевременное обнаружение факторов, способствующих радикализации.

Однако здесь возникает сложная проблема. Усиление технических возможностей государства должно сочетаться с сохранением доверия общества. Борьба с экстремизмом не может сводиться исключительно к силовым мерам. Долгосрочная профилактика предполагает работу с молодежью, повышение качества образования, создание возможностей социальной мобильности и формирование устойчивости общества к радикальной пропаганде.

Одной из наиболее серьезных особенностей новой архитектуры безопасности Центральной Азии становится включение в нее экологического измерения. Для региона вода никогда не являлась исключительно природным ресурсом. Она одновременно выступает экономическим, социальным и политическим фактором. Различия между странами верховья и низовья рек, зависимость сельского хозяйства от орошения, рост населения, увели-

чение потребления электроэнергии и последствия изменения климата делают водную проблематику вопросом долгосрочной стабильности.

Особую роль здесь играет состояние ледников. Их сокращение имеет последствия, выходящие далеко за пределы одной страны. Таджикистан, на территории которого сосредоточены значительные ледниковые и водные ресурсы региона, последовательно продвигает водно-климатическую проблематику на международном уровне [14, с.43]. Значение этого направления для региональной безопасности будет возрастать. Климатические изменения способны усиливать уже существующие социальные и экономические проблемы. Нехватка воды влияет на сельское хозяйство и занятость населения, снижение доходов увеличивает миграционное давление, а ухудшение социально-экономического положения создает дополнительную среду для конфликтов и радикализации. Поэтому было бы неправильно разделять экологическую и военно-политическую безопасность. В современных условиях они образуют единую систему причинно-следственных связей. Именно такой комплексный подход получает все большее распространение в деятельности международных институтов. В феврале 2026 г. в рамках мероприятий ООН по Центральной Азии и Афганистану вопросы климатической безопасности рассматривались во взаимосвязи с водными ресурсами, человеческой безопасностью и предотвращением конфликтов. Это свидетельствует о постепенном закреплении климатической проблематики в региональной повестке мира и безопасности.

Еще одним структурным фактором является геополитическое положение региона. Центральная Азия расположена между Россией, Китаем, Афганистаном, Ираном и Каспийским регионом и одновременно связана транспортными, энергетическими и экономическими интересами с Европой, Южной Азией, Турцией и государствами Персидского залива. Интерес внешних акторов к Центральной Азии заметно возрастает. Однако было бы упрощением воспринимать регион исключительно как пространство соперничества крупных держав. Подобный подход фактически лишает центральноазиатские государства собственной политической субъектности [23].

Современная реальность выглядит сложнее. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан стремятся развивать отношения одновременно с несколькими партнерами, избегая жесткого выбора между конкурирующими центрами силы. Такая политика позволяет диверсифицировать экономические связи, транспортные маршруты и источники инвестиций.

Для региональной безопасности многовекторность имеет двойственный характер. С одной стороны, она расширяет возможности государств и уменьшает чрезмерную зависимость от одного партнера. С другой – уси-

ление глобальной конфронтации способно переносить элементы внешнего соперничества непосредственно в Центральную Азию. Поэтому одной из ключевых задач становится предотвращение превращения региона в арену геополитического противостояния. Центральноазиатские государства заинтересованы не столько в выборе между различными центрами силы, сколько в сохранении пространства для самостоятельного маневра [21]. Именно здесь региональная консолидация приобретает стратегическое значение. Чем выше уровень доверия между самими странами Центральной Азии, тем меньше вероятность того, что внешние противоречия смогут стать фактором внутреннего регионального раскола.

Для Республики Таджикистан вопросы региональной безопасности имеют особое значение. Это обусловлено как географическим положением страны, так и ее историческим опытом. Таджикистан имеет протяженную границу с Афганистаном и объективно находится на одном из важнейших направлений противодействия трансграничным угрозам. Поэтому терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и оружия поэтому имеют для страны не отвлеченное, а непосредственное практическое значение [8].

Одновременно собственный опыт преодоления гражданского противостояния сформировал особое отношение Таджикистана к вопросам мира и стабильности. Национальное примирение показало, что безопасность не обеспечивается исключительно военными средствами. Устойчивый мир требует политического диалога, общественного согласия и способности государства создавать механизмы предупреждения новых конфликтов. Это обстоятельство позволяет рассматривать таджикский опыт как важный элемент региональной культуры превентивной безопасности.

Другим направлением вклада Таджикистана является продвижение международной водно-климатической повестки. Инициативы республики по вопросам воды, ледников и изменения климата имеют прямое отношение к долгосрочной безопасности Центральной Азии. По мере усиления климатических рисков значение этого направления будет только возрастать.

Таким образом, интерес Таджикистана заключается в развитии максимально комплексной модели региональной безопасности, объединяющей защиту государственных границ, противодействие терроризму и наркотрафику, превентивную дипломатию, водное сотрудничество, климатическую адаптацию и укрепление политического доверия.

Современные процессы позволяют говорить о постепенном появлении особой модели региональной безопасности Центральной Азии. Однако ее не следует понимать как создание единой военно-политической организации или альтернативы существующим международным структурам. Скорее речь идет о формировании многоуровневой архитектуры.

Первый уровень составляют национальные системы безопасности государств региона. Именно государство сохраняет основную ответственность за защиту территории, границ и населения.

Второй уровень образуют собственно региональные механизмы Центральной Азии – политический диалог, консультативные встречи глав государств, контакты силовых и внешнеполитических ведомств, трансграничное сотрудничество и обмен информацией [1, с.123].

Третий уровень представлен международными и региональными институтами – ООН, СНГ, ОДКБ, ШОС, ОБСЕ и другими структурами, каждая из которых располагает собственными инструментами и компетенциями.

Наконец, четвертый уровень связан с отношениями государств региона с внешними партнерами – Россией, Китаем, Европейским союзом, США, Турцией, Ираном, странами Персидского залива, Южной Азии и другими акторами.

Устойчивость новой архитектуры будет зависеть от способности согласовать эти уровни, не позволяя одному из них полностью подменить остальные. При этом наиболее значимым изменением становится укрепление второго – внутрирегионального – уровня. Именно его относительная слабость долгое время являлась одним из наиболее заметных недостатков региональной системы безопасности.

Архитектура безопасности Центральной Азии находится в процессе глубокой трансформации. Ее прежняя модель, ориентированная преимущественно на защиту государственных границ, борьбу с вооруженным экстремизмом и взаимодействие с внешними структурами безопасности, уже не отвечает всему спектру современных рисков [1, с.128].

Безопасность XXI в. становится комплексной. Терроризм переплетается с цифровой радикализацией, климатические изменения – с водным дефицитом и миграцией, экономическая нестабильность – с социальной уязвимостью, а региональные процессы – с глобальным геополитическим противостоянием. Главное изменение, однако, заключается не в расширении перечня угроз. Оно связано с постепенным изменением роли самой Центральной Азии. Регион все меньше выступает исключительно объектом политики крупных держав и все заметнее проявляет способность формулировать собственную повестку. Регулярный диалог лидеров государств, появление общих документов в сфере безопасности, развитие механизмов раннего предупреждения и стремление совместно решать водные, транспортные, пограничные и экологические проблемы свидетельствуют о формировании региональной субъектности.

Вместе с тем новая архитектура безопасности не должна строиться на принципе изоляции Центральной Азии от внешнего мира. Для региона

практически невозможна полностью автономная система безопасности. Его география, экономика и характер современных транснациональных угроз требуют широкого международного взаимодействия.

Поэтому наиболее жизнеспособной представляется модель *«региональная ответственность – международное партнерство»*. Ее смысл заключается в том, что приоритеты безопасности должны в первую очередь определяться самими государствами Центральной Азии, тогда как международные организации и внешние партнеры способны дополнять региональные усилия ресурсами, технологиями и институциональным опытом. В конечном счете главный вопрос заключается не в том, сможет ли Центральная Азия избежать всех внешних и внутренних угроз. В современном взаимозависимом мире это невозможно. Гораздо важнее способность региона не допустить превращения отдельных рисков в системные кризисы. Именно поэтому будущее центральноазиатской безопасности связано с переходом от реагирования к предупреждению, от фрагментарного сотрудничества – к постоянной координации, а от восприятия региона как пространства соперничества внешних сил – к признанию Центральной Азии самостоятельным субъектом международной и региональной безопасности.

Литература

1. Абуов К. Афганский кризис и трансформация архитектуры региональной безопасности в Центральной Азии / К.Абуов, М.Кабадиев, К.Шеръязданова // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15. - № 4. – С. 112-130.
2. Бузан Б. Регионы и державы: структура международной безопасности / Б. Бузан, О. Вэвер; пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2007. – 576 с.
3. Вызовы безопасности в Центральной Азии // Вестник Российской академии наук. – 2023. – Т. 93. - № 6. – С. 540-552.
4. Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-geopolitika-bezopasnost-stsenarii-razvitiya> (дата обращения: 15.08.2026).
5. Джангужин Р. Центральная Азия: абрис новой геополитической архитектуры // Кавказ и глобализация. – 2009. – № 2-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-abris-novoy-geopoliticheskoy-arhitektury> (дата обращения: 15.08.2026).
6. Ибрагимова Г.С. Из истории формирования международных отношений в Центральной Азии // Вестник Педагогического университета. – 2023. – № 5 (106). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-formirovanie-mezhdunarodnyh-otnosheniy-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 15.08.2026).
7. Камынин В.Д. Центральная Азия на рубеже XX–XXI веков: политика, экономика, безопасность: учеб. пособие / В.Д. Камынин, Е.В. Лазарева [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 156 с.

8. Карабешкин Л.А. Внешнеполитические стратегии постсоветских стран и политика России // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 2 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskie-strategii-postsovetskih-stran-i-politika-rossii> (дата обращения: 15.08.2026).
9. Китай и Центральная Азия создают новую архитектуру безопасности // Аналитические обзоры Евразийского института стратегических исследований. – 2023. – № 8. – С. 22-34.
10. Концепция региональной безопасности и стабильности в Центральной Азии // Международные отношения и безопасность. – 2023. – № 2. – С. 45-58.
11. Либман А.М. «Интеграция снизу» в Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. – 2009. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-snizu-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 15.08.2026).
12. Малышева Д. Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 1 (259). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 15.08.2026).
13. Негматова Ш.Р. Захват талибаном власти в Афганистане и проблемы безопасности региона Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2025. – № 1 (73). – С. 80-87. – ISSN 2074-1847. – URL: <https://g.vestnik-tnu.com/vestnik/2025/№1-2025.pdf> (дата обращения: 10.07.2026).
14. Негматова Ш.Р. К вопросу о проблеме дефицита воды в Центральной Азии и путях ее решения // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2025. – № 3. – С. 42-49. – ISSN 2074-1847. – URL: <https://g.vestniktnu.com/vestnik/2025/2025-3.pdf> (дата обращения: 19.08.2026).
15. Негматова Ш.Р. Некоторые аспекты проблемы безопасности Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2025. – № 2. – С. 65-67. – ISSN 2074-1847. – URL: <https://g.vestnik-tnu.com/vestnik/2025/№2-2025.pdf> (дата обращения: 3.08.2026).
16. Опасности на пути к стабильности: анализ вызовов безопасности в современной Центральной Азии // Евразийский мониторинг. – 2024. – № 3. – С. 88-95.
17. Роршюрманн М. От периферии к центру - новая роль Центральной Азии в европейской архитектуре безопасности // Политический доклад Института политики безопасности при Университете Киля. – 2024. – № 12. – С. 5-18.
18. Торкунов А.В. Некоторые вопросы безопасности Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-bezopasnosti-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 12.08.2026).
19. Убайдуллаев С. Интеграция Центральной Азии: возможности и угрозы в контексте новой региональной архитектуры // Зеленая экономика и развитие. – 2026. – Т. 4. – Март. – DOI: 10.5281/zenodo.19421249.
20. Центральная Азия в архитектуре безопасности крупных держав // Молодой ученый. – 2024. – № 14 (513). – С. 210-214.
21. Чжао Ханьюй. Перестройка геополитического ландшафта Центральной Азии в контексте глобальной конкуренции держав // Право и политика. – 2025. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perestroyka-geopoliticheskogo-landshafta-tsentralnoy-azii-v-kontekste-globalnoy-konkurentsii-derzhav> (дата обращения: 14.08.2026).
22. Шохзода С. Механизмы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 12.07.2026).

23. Юнющкина А.С., Понька Т.И., Шаповалова К.А. Конкуренция мировых держав в Центральной Азии // Международные отношения. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurenciya-mirovyh-derzhav-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 15.08.2026).

CENTRAL ASIA AND THE NEW ARCHITECTURE OF REGIONAL SECURITY: BETWEEN GLOBAL CHALLENGES AND LOCAL THREATS

Pardaev Sirojiddin Akhmedovich

Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer
Department of International Relations and Diplomacy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 917 17 61 17 (m.)
itmo.fimo@mail.ru

The article examines the transformation of the security system in Central Asia under the conditions of a changing international order and the growing complexity of modern threats. The author substantiates the position that the security of the region can increasingly less be viewed exclusively through the prism of military-political stability and the activities of external institutions. Interconnected threats of a transnational nature are coming to the fore: terrorism and extremism, the situation in Afghanistan, illicit trafficking in drugs and weapons, cyber threats, water scarcity, climate change, migration and socio-economic risks. Particular attention is paid to the formation of the Central Asian states' own regional subjectivity, the development of the consultative format of heads of state, and the search for a security model based on a combination of national, regional, and international mechanisms. The conclusion is that the new security architecture of Central Asia is acquiring a multi-level and comprehensive character, and its sustainability will depend primarily on the ability of the region's countries to independently determine common interests and develop coordinated approaches to emerging threats. The article also reveals the role of Tajikistan in strengthening regional security, developing preventive diplomacy, and promoting the water and climate agenda.

Keywords: Central Asia; regional security; security architecture; Afghanistan; terrorism, extremism; water security; climate change; regional cooperation; preventive diplomacy.

ОСИЁИ МАРКАЗӢ ВА АРХИТЕКТУРАИ НАВИ АМНИЯТИ МИНТАҚАВӢ: БАЙНИ ЧОЛИШӢОИ ҶАҲОНӢ ВА ТАҲДИДӢОИ МАҲАЛЛӢ

Пардаев Сирочиддин Аҳмадович

номзади илмҳои сиёсӣ, омузгори калон
кафедраи муносибатҳои байналхалқӣ ва дипломатияи
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон,
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода 30
Тел.: (+992) 917 17 61 17 (м.)
itmo.fimo@mail.ru

Дар мақола тағйирёбии системаи амнияти Осиёи Марказӣ дар шароити тағйирёбии тартиботи байналмилалӣ ва мураккабшавии хусусияти таҳдидҳои муосир баррасӣ мешавад. Муаллиф мавқеъро асоснок мекунад, ки амнияти минтақа метавонад танҳо тавассути призмаи устувории ҳарбӣ-сиёсӣ ва ғайриинститути беруна баррасӣ шавад. Ба саҳнаи аввал таҳдидҳои ба ҳам алоқаманди хусусияти трансмиллӣ мебароянд: терроризм ва экстремизм, вазъият дар Афғонистон, гардиши ғайриқонунии маводи мухаддир ва силоҳ, таҳдидҳои киберӣ, камбуди захираҳои обӣ, тағйирёбии иқлим, хавфҳои муҳоҷиратӣ ва иҷтимоию иқтисодӣ. Диққати махсус ба ташаккули субъективияти ҳуди минтақавии давлатҳои Осиёи Марказӣ, рушди формати машваратии сарони давлатҳо ва ҷустуҷӯи модели амният, ки ба омезиши механизмҳои миллӣ, минтақавӣ ва байналмилалӣ асос ёфтааст, дода мешавад. Хулоса бароварда мешавад, ки архитектураи нави амнияти Осиёи Марказӣ хусусияти бисёрсатҳа ва ҳамаҷонибаро касб мекунад ва устувории он пеш аз ҳама аз қобилияти кишварҳои минтақа ба муайян кардани манфиатҳои умумӣ ва таҳияи муносибатҳои ҳамоҳангшуда ба таҳдидҳои пайдошаванда вобаста хоҳад буд. Дар мақола инчунин нақши Тоҷикистон дар таҳкими амнияти минтақавӣ, рушди дипломатияи пешгирикунанда ва пешбурди рӯзномаи обу иқлим ошкор карда мешавад.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ; амнияти минтақавӣ; архитектураи амният; Афғонистон; терроризм; экстремизм; амнияти обӣ; тағйирёбии иқлим; ҳамкориҳои минтақавӣ; дипломатияи пешгирикунанда.

УДК 94(571.1/5):325(=222.8)

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТАДЖИКОВ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI-XVIII ВЕКОВ

Мухидинов Сайдали Раджабович

доктор исторических наук
профессор кафедры всеобщей и отечественной истории
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 21 92 74 (м.)
raja1956@mail.ru

В статье подвергаются историографическому анализу опубликованные работы по истории изучения таджиков Сибири во второй половине XVI–XVIII веков. В трудах дореволюционных русских исследователей, советских, зарубежных и современных учёных отражено экономическое и политическое положение дореволюционной России и Средней Азии, этнический состав городов и сёл Сибири, а также занятия их населения – в частности, деятельность бухарцев, заселявших регионы Российской империи. Опубликовано множество работ по различным аспектам, связанным с бухарцами, селившимися на территории России начиная с XVI века. Проведение историографического исследования и оценка оригинальности и важности публикаций разного характера и содержания показали, что в большинстве из них так или иначе отражена степень изученности темы и анализируются труды предшественников, однако преимущественно в контексте их тематики и значения. Для изучения эволюции подходов исследователей в статье выделяются четыре группы публикаций: первая – работы дореволюционных авторов; вторая – труды советских учёных; третья – исследования современных специалистов; четвёртая – труды зарубежных учёных. Авторы в своих публикациях, в том числе во многочисленных статьях, рассматривали важнейшие вопросы изучения Сибири и её переселенцев. В частности, речь идёт о бухарцах, заселявших Сибирь в различные исторические эпохи.

Ключевые слова: история изучения, таджики; Сибирь; труды учёных; Россия; бухарцы; заселение; Средняя Азия; XVI–XVIII века; оценка исследований; оригинальность исследований.

В трудах дореволюционных русских исследователей, советских, зарубежных и современных учёных нашло отражение экономическое и политическое положение дореволюционной России, Средней Азии, этнический состав городов и сёл Сибири, занятия их населения, в частности тор-

говая деятельность бухарцев, заселявшихся в регионах Российской империи. С этой точки зрения комплексное изучение истории заселения Сибири таджиками в середине XVI–XVIII веков приобретает особую актуальность как для истории таджикского народа, так и для российской историографии. Несмотря на наличие отдельных трудов, данный вопрос до сих пор не получил исчерпывающего освещения, что обуславливает необходимость детальной разработки проблематики. В свете вышеизложенного первоочередное внимание следует уделить историографическому анализу, поскольку именно этот аспект служит концептуальной основой для исследования истории расселения таджиков в России. Стоит отметить, что исследователи разных эпох на протяжении долгого времени обращались к указанной теме, в результате чего было опубликовано множество работ по различным вопросам, связанным с жизнедеятельностью бухарцев на территории России начиная с XVI века. Для определения степени изученности проблемы целесообразно провести историографическое исследование, позволяющее оценить оригинальность и значимость научных трудов различного характера и содержания. Некоторые публикации, посвящённые Сибири в целом, лишь номинально затрагивают рассматриваемую тему. Стоит отметить, что в большинстве работ предшественников так или иначе отражена степень дается степень разработанности темы, однако анализ публикаций приводится преимущественно в контексте их тематики и общего значения. В данном исследовании избран иной подход: анализ имеющейся литературы, вопреки её разноплановости, строится в строгом соответствии с хронологической последовательностью выхода трудов в свет. С целью изучения эволюции исследовательских подходов публикации были разделены на четыре основные группы: первая – труды дореволюционных исследователей; вторая – работы советских учёных; третья – исследования современных специалистов; четвёртая – публикации зарубежных авторов.

В первую группу включены труды дореволюционных авторов – в частности, Г.Ф. Миллера, С.Шелехова, Н.И. Костомарова, Г.Н. Потанина, И.И. Янжула, А.А. Шепелева, А.И. Макшеева, В.К. Андриевича, С.Олферьева, П.М. Головачёва, Ф.И. Лобyseвича, В.М. Флоринского, Д.Н. Анучина, И.А. Андроникова, С.В. Жуковского, Н.Васина и других. Эти работы отражают эволюцию подходов к изучению Сибири и её населения, включая накопление сведений об автохтонных племенах региона, а также о переселенцах из Средней Азии, имеющих древнеиранские (арийские) корни.

По мнению большинства исследователей, первый в истории научный труд по истории Сибири был составлен XVIII веке историографом Российского государства Г.Ф. Миллером и до сих пор полностью не опубликован. В советскую эпоху эта работа была опубликована в двух томах под названием «История Сибири» [26].

В 1733 году в Сибири начала работу масштабная Великая Северная экспедиция. В её составе действовал Сухопутный отряд, сформированный из европейских учёных; одним из ключевых участников которого стал профессор Г.Ф. Миллер. Из Тобольска исследователь направился по Иртышу до Омска, после посетил Ямышево, Семипалатинск и Усть-Каменогорск. В ходе экспедиции учёные изучали местную флору и фауну, собирали гербарии редких растений и проводили геологические изыскания. Главным итогом работы Г.Ф. Миллера стала фундаментальная «История Сибири», включающая 23 главы, распределённые по 10 томам. Каждый том сопровождался обширными приложениями, содержащими копии уникальных архивных документов. В 1750 году Миллер издал первую часть своего труда на русском языке под названием «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел, от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена». Другие его исторические и этнографические очерки впоследствии публиковались в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Полностью фундаментальный труд Г.Ф. Миллера при его жизни так и не был опубликован. После смерти учёного его рукописи более полутора веков оставались не востребованными в архивах. Научное издание «Истории Сибири» возобновилось лишь в 1937 году по инициативе известных историков С. В. Бахрушина и А. И. Андреева. В то же году вышел первый том, а в 1941 году – второй, после чего публикация была прервана. Переиздание первых двух томов состоялись 1999-2000 годах, а в 2025 году впервые увидел свет третий том работы Миллера, содержащий главы 10-13 [21].

Следом за Г.Ф. Миллером одной из ранних работ, относящихся к рассматриваемой теме, стала книга С. Шелехова «О начале и развитии Сибирской торговли», вышедшая из печати в 1846 году [35]. В ней автор исследует вопросам торговли в Сибири, затрагивает пути следования бухарских купцов через степи киргис-кайсаков, а также транспортировку ими произведений восточного ремесла для новых обитателей региона в обмен на мягкую рухлядь (пушнину). Кроме того, в труде описываются остановка бухарского каравана ханом Кучумом в Вагайской степи и последующее противостояние с ним покорителя Сибири – Ермака.

Значительный научный интерес в рамках рассматриваемой тематики представляет книга известного русского историка, писателя, критика, члена-корреспондента Петербургской академии наук Н. И. Костомарова «Очерк торговли Московского государства в XV и XVI столетиях» [23]. В данной фундаментальной работе содержатся ценные сведения о самых различных аспектах коммерческой деятельности населения и Российского государства в целом. В частности, автором представлены описание первых таможенных пунктов, анализ деятельности ярмарок, специфика торговли

лошадьми, солью, рыбой, хлебом и мехами, а также характер взаимоотношений с иностранными купцами.

Следующая значимая работа – исследование Г.Н. Потанина «О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии» [29], которое было опубликовано в журнале «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» и впоследствии вышло в виде отдельного оттиска. В данном труде автор детально анализирует направления караванных путей и их экономическое значение.

И.И. Янжул в книге «Исторический очерк русской торговли со Средней Азией» [40], рассматривая эволюцию торговых отношений России с центральноазиатским регионом, реконструирует маршруты купеческих караванов в IX-XI веках. Согласно его выводам, торговые пути пролегали, с одной стороны, по Волге и Каспийскому морю, а с другой (по сведениям П.С. Савельева) – через Киргизскую степь. В данном труде автор также приводит сведения о Самарканде как о крупном купеческом центре и о деятельности бухарских торговцев. В свою очередь, военно-дипломатические отношения Российской империи со Средней Азией с акцентом на Хивинскую кампанию рассматриваются в работе А.А. Шепелева «Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Материалы для истории Хивинского похода 1873 г.».

В научном наследии исследователя А.И. Макшеева выделяются два крупных труда. В его первой книге «Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае» [25] на основе анализа первоисточника приводятся данные о давних связях Русского государства с Туркестаном. Сам памятник – «Книга Большого Чертежа» – представляет собой весьма обстоятельное и точное географическое описание зауральских степей, составление которого стало возможным благодаря непосредственному и детальному знакомству с регионом. Во втором труде автора – «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских» – подробно рассматриваются взаимоотношения региона с Россией до XVI века и в последующий период. Стоит отметить, что этот обзор изначально был подготовлен в качестве курса лекций для Николаевской академии Генерального штаба. В свою очередь, автор книги «Поступательное движение в Среднюю Азию в торговых и дипломатическо-военных отношениях» [24] исследователь Ф.И. Лобысевич детально рассматривает историю взаимодействия Российской империи с Центральной Азией. В своей работе он затрагивает особенности торговых связей Средней Азии с Древней Русью, а также процесс присоединения Сибири к России и состав её населения. В отличие от предыдущих работ, ориентированных на общие торговые отношения Средней Азии с Россией, в десятой главе книги В.К. Андриевича «История Сибири», озаглавленной «Меры к установлению отношений с народами, транзитный характер торговли,

устройство дорог в Сибирь» [3], отдельное внимание уделено бухарцам. Автор напоминает, что в 1596 году в Тобольск был прислан указ, предписывавший не взимать пошлины с иностранных караванов и оказывать торговым людям «всякую благосклонность», не допуская никаких поводов для жалоб. В результате азиатские товары через Сибирь поступали в Москву, а московские через тот же регион вывозились в Азию.

В работах В.М. Флоринского «Заметка о происхождении слова „Сибирь“» [31] и С. Олферьева «Сибирь. Очерк завоевания и заселения Сибири» [27] исследуется этимология топонима «Сибирь» и даётся физико-географическая характеристика региона. Авторы отмечают, что освоение этих территорий позволило Российской империи существенно укрепить свои торговые связи с Китаем и среднеазиатскими владениями.

В книге Д.Н. Анучина «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: Древнее русское сказание „О человеке неизвестных в восточной стране“» [5] анализируется этнографический памятник, встречающийся в рукописных сборниках XV-XVIII веков. В этом сказании приводятся различные известия и слухи о народах Сибири. Примечательно, что сам регион в тексте первоисточника ещё не носит своего современного названия, а именуется просто «восточной страной».

В книге П.М. Головачёва «Очерк заселения Сибири в XV и XVI столетиях» [14] рассматриваются характер и значение сибирской колонизации указанного периода, анализируются территория и население древней Югрии, а также специфика их слабой связи с Новгородом. Автор также затрагивает тему похода Ермака и описывает сибирских инородцев, однако упоминания о сибирских бухарцах в данном труде отсутствуют.

В исследовании чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Тобольского района Сибири И.А. Андроникова «Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии» [4] приводятся важные документальные сведения из материалов Главного управления землеустройства и земледелия, а также местного Переселенческого управления. В частности, в работе содержится значительный массив данных, фиксирующих особенности ведения земледелия сибирскими бухарцами.

Книга известного российского востоковеда С.В. Жуковского «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие» [16] представляет собой одно из первых систематических трудов по истории взаимоотношений России с государствами Центральной Азии – Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Работа охватывает масштабный исторический период с XVII по начало XX века и содержит важные справочные сведения, позволяющие проследить динамику этих контактов.

Исследователь Н. Васин в своей книге «Сибирь. Очерк завоевания и заселения Сибири» указывает на то, что регион стал доступен для русского освоения в конце XVI века [12]. Проживавших в Сибири коренных жителей (инородцев) автор разделяет на четыре крупные группы. Первые три из них он относит к тюркским племенам, а четвертую – к монгольским. К отдельной общности исследователь причисляет татар и бухарцев, а также сохранившиеся финские и урало-алтайские племена.

Вторая группа включает труды советских исследователей. Эти публикации, как и работы их дореволюционных предшественников, опираются на обширную источниковую базу и содержат богатый фактический материал о сибирских бухарцах. В советской историографии, опиравшейся в том числе на переизданное наследие Г.Ф. Миллера, Н.И. Оглоблина и П.М. Головачёва, начался новый этап изучения региона. В трудах С.В. Бахрушина, В.И. Шункова, Б.О. Долгих, О.Н. Вилкова, Ф.Т. Валеева, Х.З. Зияева, А.П. Уманского, В.Б. Шостаковича, К.В. Базилевича, Н.А. Чулошников, Г.И. Карпова, Н.А. Халфина, А.Ю. Якубовского, М.Ю. Юлдашева, К.Д. Джамалова и других детально рассматриваются вопросы истории, географии, экономики и этнографии Сибири. Исследователи советского периода уделили особое внимание этнической структуре сибирских бухарцев, истории их переселения и расселения, а также их торговой, дипломатической, миссионерской и хозяйственной деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что большинство трудов данного периода предваряет историографический обзор, в рамках которого авторы подробно анализируют публикации своих предшественников. В связи с этим правомерно согласиться с оценкой В.И. Шункова, отмечавшего, что «особенно крупное место в историографии Сибири заняли работы С.В. Бахрушина». В 1916 году появилась его первая статья по сибирской тематике – «Туземные легенды в „Сибирской истории“ С. Ремезова».

В 1922 году С.В. Бахрушин опубликовал «Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.». С 1924 года он регулярно издавал статьи по различным аспектам русской колонизации региона, которые в 1927 году легли в основу его фундаментального труда «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв.». Не оставляя данную тему без внимания, исследователь с 1925 года параллельно приступил к изучению истории отдельных коренных народов Сибири. С именем С.В. Бахрушина неразрывно связан новый этап в сибирской историографии. Впоследствии от сибирской тематики учёный перешёл к масштабному исследованию других регионов: он стал автором, активным участником и руководителем авторских коллективов, а также редактором первых крупных изданий и сборников документов по истории народов Средней Азии.

В 1925 году вышла в свет монография В.Б. Шостаковича «Историко-этнографическое значение названий рек Сибири» (с приложением карты)

[36]. По мнению автора, «географическое распространение родственных наименований рек и выяснение их лингвистического характера могут пролить некоторый свет на древнюю историю многочисленных племен, когда-то населявших Сибирь, – по крайней мере, помогут установить старые местообитания некоторых из них, иногда постепенную смену одних народов другими» [36, с. 1].

А.В. Панков в своей работе «К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675-1725 гг. Торговля с Бухарой» [28, с. 47-58] фокусирует внимание на документах посольств последней четверти XVII и первой четверти XVIII века как на источниках по истории российско-бухарских торговых отношений. Автор отмечает периоды роста интереса купеческого капитала Московского государства к Бухаре в 1660-1670-х и 1720-х годах.

Работа А. Ю. Якубовского «Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XIV вв.» [40, с. 1-60] посвящена анализу сложной социально-экономической структуры средневекового центрально-азиатского региона, его крупнейших центров (Самарканда, Ургенча) и развитых внешнеторговых связей. В частности, в труде рассматривается коммерческое взаимодействие по Великому шёлковому пути с Русью, Золотой Ордой и Западной Европой в эпоху расцвета исламской культуры и монгольских завоеваний. Автор обращает особое внимание на динамику развития караванной торговли в указанный период.

Историк А.Н. Чулошников в работе «Торговля Московского государства со Средней Азией в XV-XVI вв.» [33, с. 61-68] исследует истоки торгово-политических контактов Восточной Европы с центральноазиатским регионом, уходящие корнями в глубокую древность, а также подробно анализирует взаимоотношения Москвы со среднеазиатскими ханствами в указанный период. На основе летописных источников автор приводит ценные сведения о «торговых людях бухарцах», известных в Москве под названием «тезиков» (то есть таджиков. – С. М.) [33, с. 67].

В трудах профессора К.В. Базилевича, в частности в подготовленных им разделах учебных изданий по истории СССР, подробно рассматриваются такие вопросы, как начало присоединения региона, поход Ермака, этнический состав населения, а также положение Сибири под царской властью в XVII-XVIII веках [7]. Ценным дополнением к изучению историографии этого периода служит также фундаментальный труд «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей», подготовленный историком М.П. Алексеевым [1].

Академик М.П. Алексеев в своем фундаментальном труде «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» отмечает, что в записях иностранных авторов детально отражены экономические условия и пути сообщения в Сибири, приведены описания климата, цен-

ные этнографические наблюдения, а также указания на месторождения полезных ископаемых. Все эти сведения, по мнению исследователя, представляют глубокий научный интерес и в настоящее время [1].

В исследовании Б.О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» анализируется этнографическая структура коренного населения региона в период его присоединения к России [15]. В работе подробно рассматриваются локализация и особенности расселения различных племён и родов [15].

Вопросы истории коренного населения региона рассматриваются в монографии З.Я. Бояршиновой «Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения)» [9]. В данном труде особое внимание уделено доколониционному периоду истории сибирских этносов с акцентом на их традиционные занятия (охоту, рыболовство, оленеводство), общественный уклад и специфику ведения хозяйства.

По нашему мнению, особое значение для изучения данной темы имеет кандидатская диссертация Ф.Т. Валеева «Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX в. (историко-этнографический очерк)» [11]. Это исследование посвящено истории и этнографии сибирских бухарцев (мусульман-торговцев) в указанный хронологический период, однако автор подробно рассматривает их деятельность и в более ранние эпохи, включая период до XIX века.

Монография О.Н. Вилкова «Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в.» [13] посвящена развитию сибирских ремёсел и торговли в указанный период. Особое внимание в работе уделено Тобольску как крупнейшему центру мануфактурного и торгового обмена; кроме того, автором подробно исследуются внутренняя торговля Сибири, её экономические связи с Европейской Россией и восточные караванные пути.

В монографии узбекского исследователя М.Ю. Юлдашева «К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI-XVII вв.» [38] анализируются экономические и дипломатические отношения между среднеазиатскими ханствами и Русским государством в указанный период.

Другой узбекский учёный Х.З. Зияев подготовил три фундаментальные работы, посвящённые сибирским бухарцам: «Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVII-XIX вв.)» [18], «Узбеки в Сибири (XVII-XIX вв.)» [17] и «Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVII-XIX вв.» [19]. Первая из них представляет собой докторскую диссертацию, защищённую в виде научного доклада на основе опубликованных трудов автора. В исследовании отмечается, что «в результате хозяйственного освоения Сибири и развития в ней товарно-денежных отношений экономические

связи региона с европейской частью Русского государства стали более прочными и постоянными» [18, с. 34].

Во второй монографии – «Узбеки в Сибири» [17] – Х.З. Зияев на основе архивных источников из сибирских городов и Москвы, а также трудов дореволюционных российских исследователей отразил геополитическое положение ханств Средней Азии и России. Автор подробно исследовал роль сибирских «ташкентцев» и «бухарцев» в XVIII-XIX веках, причины их переселения в данные регионы, их занятия и образ жизни. В 1983 году вышла в свет третья работа Х.З. Зияева – «Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVII-XIX вв.» [19]. В этом труде рассматривается история возникновения и развития торговых отношений между центрально-азиатским регионом и Сибирью, выявляются основные этапы экономического сотрудничества и сближения народов России и Средней Азии, а также анализируются социально-экономические предпосылки формирования этих связей.

В третью группу включены труды современных исследователей, которые в монографиях, учебных пособиях и многочисленных статьях рассматривают ключевые вопросы истории Сибири и её переселенцев. В частности, в их работах исследуется деятельность бухарцев, заселявших сибирский регион в различные исторические эпохи. Подобно своим предшественникам, современные авторы в разделах, посвящённых степени разработанности темы, подробно анализируют историографический контекст собственных исследований.

Представляется необходимым отметить ключевую роль сотрудников сибирских научно-исследовательских институтов, лабораторий, а также вузовских кафедр истории, археологии и этнографии. Именно они ввели в научный оборот обширный массив материалов археологических изысканий и документов из архивных хранилищ Сибирского региона. Вместе с тем значительный вклад в изучение данной проблематики внесли специалисты и из других научных центров. Помимо исследователей из Российской Федерации, указанными вопросами активно занимались учёные из стран постсоветского пространства, в частности из Таджикистана и Узбекистана. В соответствии с методологией данного обзора указанные труды рассматриваются в строгой хронологической последовательности их выхода в свет.

В числе современных исследователей, внёсших значительный вклад в разработку данной проблематики, следует упомянуть работы таких авторов, как: Н.А. Томилов, О.Н. Вилков, Ф.Т. Валеев, П.Н. Буцинский, С.Н. Корусенко, А.К. Бустанова, Е.Н. Ермакова, М.В. Прокопова, Г.Ч. Файзуллина, А.С. Зуева, М.Б. Бабаханова, Х.Шарипова, В.А. Эрлих, А.С. Хромых, В.П. Ключева, Н. Рахимов, З.А. Тычинских, И.Л. Измайлова,

Д.М. Исхаков, Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров, Д.А. Ананьев, М.П. Алексеев, А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, И.В. Белич, Н.Ф. Катанова, Г.Т. Бакиева, И.В. Шеглова, Д.Я. Резун, Е.О. Поляков, С.Г. Скоблев, В.В. Куклина, М.Р. Хабибулина, С.Р. Мухидинов, А.А. Артыков и др.

Монография О.Н. Вилкова «Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв.» [13] является одной из первых работ начала 1990-х годов, посвящённых раннему периоду освоения Сибири Россией. В данном труде особое внимание уделено развитию экономики, формированию первых русских поселений (Тюмени, Тобольска, Мангазеи) и становлению административной системы региона.

Существенное научное значение имеет монография Н.А. Томилова «Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в.» [30]. Данный труд посвящён комплексному исследованию этногенеза тюркских народов и этнических групп региона: сибирских татар, чулымских тюрков, сибирских бухарцев, а также проживавших здесь казахов, каракалпаков и поволжских татар.

Несмотря на то, что классический труд П.Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт первых ее насельников» [10] принадлежит к дореволюционному этапу историографии, современные авторы активно опираются на его материалы. Данное исследование охватывает начальный период освоения Западной Сибири (Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского, Тарского, Пелымского и Берёзовского уездов) от начала присоединения края до конца царствования Михаила Фёдоровича.

Особо следует подчеркнуть фундаментальные исследования С.Н. Корусенко, посвящённые сибирским бухарцам, в частности её монографию «Сибирские бухарцы в начале XVIII века» [22]. В первой части данной работы представлена история формирования и развития сибирских бухарцев как этносословной группы на протяжении всего периода её существования с указанием динамики численности населения. Здесь же рассматривается образ бухарцев, сложившийся у центральной и местной власти, а также приводятся сведения о первых поселениях и землях на территории Тарского уезда. Вторая часть отведена под публикацию ценного первоисточника – «Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.», хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва). В своём труде автор подробно анализирует следующие аспекты: 1) этнические компоненты в составе данной группы; 2) периоды её формирования, включая датировку прибытия бухарцев на поселение в Сибирь; 3) проблемы землевладения и землепользования; 4) возникновение сельских поселений и систему расселения в Тарском уезде в целом; 5) хозяйственные занятия; 6) родственные связи; 7) антропонию [22, с.6]. Комплексному осмыслению этих вопросов посвящены и другие этнографические работы автора.

В учебном пособии А.С. Зуева «Отечественная историография присоединения Сибири к России» [20] рассматривается эволюция взглядов отечественных историков XVII – начала XXI века на характер присоединения Сибири к России, а также выявляются факторы, влиявшие на изменение трактовок и оценок этого процесса.

Схожие сведения представлены в учебном пособии В.А. Эрлиха «Развитие исторической науки и образования в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XX веков. Очерк истории» [37]. В специальных разделах этой работы подробно рассмотрены ключевые этапы становления исторического образования в Сибирском и Дальневосточном регионах в конце XVIII – начале XX века.

В учебном пособии А.С. Хромых «История Сибири (конец XVI – начало XVIII века)» [32] предпринята попытка дать всестороннюю картину первого этапа русского освоения Сибири. В работе подробно рассматриваются и систематизируются сведения о хозяйственных и социально-экономических отношениях, системе управления регионом, социальном сотрудничестве и конфликтах, а также о культуре и деятельности Русской православной церкви в Сибири в конце XVI – начале XVIII века. Автор выявляет некоторые особенности вхождения в состав сибирского населения значительного числа представителей исламского духовенства, включая сейидов, а также военно-служилой знати периода Сибирского ханства. Кроме того, в исследовании освещается совместное проживание тобольских бухарцев с другими группами тюрко-татарского населения и демонстрируется, что статус «бухарца» (бухаретдина) в московский период являлся этносоционимом.

Стоит отметить, что по истории расселения таджиков в Сибири в период Средневековья и Нового времени, а также по истории сибирских бухарцев представлен ряд трудов центрально-азиатских авторов. Так, в работах таджикских исследователей Х. Шарипова «Зарубежные таджики» [34] и М.Б. Бабаханова «История таджиков мира» приводятся ценные сведения о присутствии таджикского этнического компонента в данном регионе. В частности, доктор исторических наук, профессор М.Б. Бабаханов в своей монографии в разделе «Таджики в России» [6, с. 179] подробно рассматривает специфику расселения таджиков в Сибири во второй половине XVII-XIX веков. По его наблюдениям, современные российские учёные уделяют значительное внимание положению бухарцев среди других этнических групп края. Наряду с ними зарубежные специалисты, например американская исследовательница Э. Монахан, анализируют положение бухарской диаспоры в широком имперском контексте взаимоотношений Российского государства с различными группами иноземцев. Представляется, что изучение бухарских общин Сибири историками Та-

джикистана имеет важное значение для комплексного осмысления истории таджикского народа.

Четвёртая группа. По оценкам специалистов, специальные труды, посвящённые зарубежной (в первую очередь американской) историографии Сибири, появились в России только в середине XX века. Это было обусловлено изменением геополитической роли СССР и США по итогам Второй мировой войны. Соответственно, перед учёными встала актуальная задача изучения истории двух сверхдержав, включая историю формирования и освоения их обширных территорий [2, с. 2].

Также отечественные учёные занялись обобщением публикаций, посвящённых западносибирскому краеведению и его отдельным направлениям. В начале 1930-х годов вышла фундаментальная работа М.П. Алексеева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» [1], которая изначально была опубликована в Иркутске в двух частях в 1932 и 1936 годах. Последующее переиздание книги объединило обе части труда в единый свод и полностью воспроизвело их текст с внесением незначительных авторских поправок и дополнений. Если в первом издании были собраны ключевые известия западноевропейских авторов XIII-XVII веков и подробные комментарии к ним, то в расширенную версию вошли также тексты представителей XVIII-XIX веков (в частности, очерки Адама Бранда и Генриха Вильгельма Лудольфа) и новые приложения.

Данный вопрос основательно освещён в диссертационном исследовании Д.А. Ананьева «История Сибири конца XVIII – первой половины XIX вв. в англо- и германоязычной историографии (XX в.)» [2]. По мнению автора, развитие западного сибиреведения в конце XIX-XX веках оставалось слабо изученным как отечественными, так и зарубежными специалистами. Предыдущие исследователи преимущественно сосредотачивали внимание на анализе отдельных трудов западных авторов, не давая целостной картины эволюции историографического процесса [2, с. 2].

Предметом анализа в этих трудах стала преимущественно деятельность ведущих американских специалистов по истории Сибири: Ф. Голдера, Р. Кернера, Р. Фишера, Р. Пирса, Дж. Гибсона, а также авторов известных монографий и сборников документов Дж. Ланцева и Б. Дмитришина [2, с. 8]. Кроме того, современные учёные обращаются к исследованиям других зарубежных авторов, в частности А. Бартон, Э. Монахан и Кристиана Ноака. Наряду с ними рассматриваются и классические этнографические описания Сибири XVIII века, составленные И.Г. Георги [2, с. 2].

В связи с установленными ограничениями на объём статьи, помимо книг, монографий, диссертационных исследований и учебных пособий, в

рамки анализа не удалось включить многочисленные периодические публикации и статьи учёных, посвящённые данной проблематике.

Таким образом, историографический анализ показал, что начиная с дореволюционного этапа и в последующие периоды исследователи уделяли пристальное внимание сибирским бухарцам как особой этносословной группе, их роли в развитии экономики, земледелия и культуры региона. Однако специального комплексного исследования, посвящённого непосредственно таджикам Сибири и их этническому происхождению в указанный хронологический отрезок, до настоящего времени не проводилось. Вследствие этого данный вопрос оставался слабо разработанным в науке, что обуславливает объективную необходимость дальнейшего изучения и детальной разработки рассматриваемой проблематики.

Литература

1. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение. Тексты и комментарии. Х111-ХУ11 вв. Изд.2-е. – Иркутск: ОГИЗ ирк.обл.из-во,1941. – 690 с.
2. Ананьев Д.А. История Сибири конца XVI -первой половины XIX в. в англо-германоязычной историографии (XX в.): автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 2007. – 26 с.
3. Андриевич В.К. История Сибири. Период от древнейших времён до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. - Часть 1. – Спб.,1889. – 220 с.
4. Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. –Тобольск: Губернская типография, 1911. – 396 с.
5. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецах незнаемых в восточней стране»: археолого-этнографический этюд. – М.: Тип. и словолит. О.О. Гербек, 1890. – 89 с.
6. Бабаханов М. История таджиков мира. – Душанбе: Эчод, 2005. – 512 с.
7. Базилевич К.В. Народы Сибири в XVI - XVII вв. Завоевание Сибири царизмом. – М., 1940. – 19 с.
8. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII веках. - Л.: Ин-т народов севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1935. – 87 с.
9. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации: (виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения) : спец. курс по истории народов Сибири для студентов-заочников ист. фак. унта / З.Я. Бояршинова ; Том. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева. — Томск: Изд-во Томского университета, 1960. — 149 с.
10. Буцинский П.Н. Заселение и быт первых ее насельников. – Тюмень: Из-во Ю.Мандрики,1999. – 328 с.
11. Валеев Ф.Т. Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX в. (историко-этнографический очерк): дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1965. – 389с.
12. Васин Н. Сибирь. Очерк завоевания и заселения Сибири. С рисунками. – М., 1917. – 47 с.

13. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1990. – 368 с.
14. Головачёв П.М. Очерк заселения Сибири в XVI и XVII столетия. – СПб., 1906. – 44 с.
15. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 622 с.
16. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последние трёхсотлетие. – СПб., 1915. – 225 с.
17. Зияев Х.З. Узбеки Сибири (XVII-XIX вв.). – Ташкент: Фан, 1968. – 78 с.
18. Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI–XIX вв.): доклад по опубликованным работам на соискание учёной степени доктора исторических наук. – Ташкент, 1964. – 49 с.
19. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв.: монография. – Ташкент: Фан, 1983. – 167 с.
20. Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России: учеб.- метод. пособие). – Новосибирск: НГУ, 2007. – 120 с.
21. История Сибири (Миллер) // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 24.09.2026).
22. Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – 148 с.
23. Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. – СПб., издание Николая Тиблена, 1862. – 299 с.
24. Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873 года. – СПб, 1900. – 205 с.
25. Макшеев А.И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. – СПб, 1879 – 42 с. (Отт. из ЗИРГО по отделению этнографии. - Т. VI).
26. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 томах – М.; - Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. – Т. 1. VII. – 607 с.
27. Олферьев С. Сибирь. Очерк завоевания и заселения Сибири. – М.: Тип. О.Л. Семёновой, 1889. – 104 с.
28. Панков А.В. К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675-1725 гг. – Т.1. Торговля с Бухарой // Известия Среднеазиатского географического общества. – 1929. – Т. XIX. – С. 47-58.
29. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в обществе истории и древностей российских. – М., 1868. – Кн. 2. Оттиск. – С. 1-93 с.
30. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI - начале XX в. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 271 с.
31. Флоринский В.М. Заметки о происхождении слова «Сибирь». –Томск,1889. – 14 с.
32. Хромых, А. С. История Сибири (конец XVI – начало XVIII века): учебное пособие / Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. — Красноярск: КГПУ, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-85981-727-6.
33. Чулошников А.Н. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской

- ССР. - Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв. – Л., 1932. – С. 61-88.
34. Шарипов Х. Тоҷикони бурунмарзӣ: таърихи пошхӯрӣ ва аҳволи ҳозира. – Хучанд, 1996. – 114 с.
35. Шелехов С. О начале и развитие Сибирской торговли. – М.: тип. Августа Седина, 1846. – 32 с.
36. Шостакович В.Б. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири (с приложением карты). – Иркутск, 1925. – 16 с.
37. Эрлих В.А. Развитие исторической науки и образования в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XX веков. Очерк истории: учеб. пособие. – Новосибирск: ИЦ «Золотой колос», 2014. – 216 с.
38. Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI-XVII вв. – Ташкент: Наука, 1964. – 124 с.
39. Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. - Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. – Л., 1932. – С. 1-60. (Труды Историко-археографического института и Института востоковедения. - Т. II).
40. Янжул И.И. Исторический очерк русской торговли с Средней Азией. – М., 1869. – 44 с.

ISSUES IN THE HISTORY OF THE STUDY OF SIBERIA'S TAJIKS IN THE SECOND HALF OF THE 16TH – 18TH CENTURIES

Mukhidinov Saidali Rajabovich

Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of General and National History
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 21 92 74 (m.)
raja1956@mail.ru

The article provides a historiographical analysis of published works on the history of the study of Siberia's Tajiks in the second half of the 16th – 18th centuries. The works of pre-revolutionary Russian researchers, Soviet, foreign, and contemporary scholars reflect the economic and political situation of pre-revolutionary Russia and Central Asia, the ethnic composition of Siberian cities and villages, as well as the occupations of their population — in particular, the activities of the Bukharians who settled in the regions of the Russian Empire. Numerous works have been published on various aspects related to the Bukharians who settled in the territory of Russia starting from the 16th century. The implementation of this historiographical study and the evaluation of the originality and importance of publications of various character and content have shown that most of them, in one way or another, reflect the degree of research on the topic and analyze the works of predecessors, but predominantly in the con-

text of their subject matter and significance. To examine the evolution of research approaches, the article identifies four groups of publications: the first includes the works of pre-revolutionary authors; the second, the works of Soviet scholars; the third, the studies of contemporary specialists; and the fourth, the works of foreign scholars. The authors in their publications, including numerous articles, examined the most important issues regarding the study of Siberia and its settlers. In particular, this refers to the Bukharians who settled in Siberia during various historical epochs.

Keywords: history of study; Tajiks; Siberia; scholars' works; Russia; Bukharians; settlement; Central Asia; 16th–18th centuries; research evaluation; research originality.

МАСЪАЛАҲОИ ТАЪРИХИ ОМУӢЗИШИ ТОЧИКОНИ СИБИР ДАР НИМАИ ДУЮМИ АСРҲОИ XVI–XVIII

Муҳидинов Саидалӣ Раҷабович

доктори илмҳои таърих, профессори
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 935 21 92 74 (м.)

raja1956@mail.ru

Дар мақола қорҳои мунташиршуда оид ба таърихи омузиши тоҷикони Сибир дар нимаи дуюми асрҳои XVI–XVIII мавриди таҳлили таърихшиносӣ (ҳисториографӣ) қарор гирифтаанд. Дар асарҳои муҳаққиқони рус то давраи инқилоб, олимони шӯравӣ, хориҷӣ ва муосир вазъи иқтисодиро сиёсии Русияи тоинқилобӣ ва Осиёи Марказӣ, ҳаёти этникии шаҳру деҳоти Сибир, инчунин машғулияти аҳолии онҳо, аз ҷумла ғайрибухориёне, ки дар минтақаҳои Империяи Русия маскун шуда буданд, инъикос ёфтааст. Оид ба паҳлуҳои гуногуни вобаста ба бухориёне, ки аз асри XVI сар карда дар ҳудуди Русия ҷойгир шудаанд, асарҳои зиёде ба таърифи расидаанд. Гузаронидани таҳқиқоти таърихшиносӣ ва арзёбии асолати аҳамияти нашрияҳои дорои хусусият ва мундариҷаи гуногун нишон доданд, ки дар аксари онҳо, ин ё он тариқ, дараҷаи омузиши мавзӯ инъикос ёфта, асарҳои гузаштагон таҳлил мешаванд, вале бештар дар заминаи мавзӯ ва аҳамияти онҳо. Барои омузиши таҳаввули равишҳои муҳаққиқон дар мақола чор гурӯҳи нашрияҳо ҷудо карда мешаванд: якум — асарҳои муаллифони тоинқилобӣ; дуум — асарҳои олимони шӯравӣ; сеюм — таҳқиқоти мутахассисони муосир; чорум — асарҳои олимони хориҷӣ. Муаллиф дар нашрияҳои худ, аз ҷумла дар мақолаҳои сершумор, масъалаҳои муҳимтарини омузиши Сибир ва муҳоҷирони онро баррасӣ кардаанд. Аз ҷумла, сухан дар бораи бухориёне меравад, ки дар давраҳои гуногуни таърихӣ дар Сибир маскун шудаанд.

Калидвожаҳо: таърихи омузиш; тоҷикон; Сибир; асарҳои олимони Русия; бухориёни Сибир; маскуншавӣ; Осиёи Марказӣ; асрҳои XVI–XVIII; арзёбии таҳқиқот; асолати таҳқиқот.

УДК 94(575.3):378.4(091)

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-
ТАДЖИКСКОГО (СЛАВЯНСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА)**

Рахматова Заррина Юнусовна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 76 93 (р.)
zarrina-1966@mail.ru

В статье рассматривается российско-таджикское сотрудничество в сфере образования на примере деятельности Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ). Освещаются предпосылки создания университета, его становление и развитие, как совместного образовательного проекта России и Таджикистана. Особое внимание уделяется роли РТСУ в подготовке кадров, развитии научно-образовательных связей, академической мобильности и межкультурного взаимодействия. Отдельно рассматриваются результаты международной деятельности университета и её направленность на повышение качества образования, и расширение академических возможностей студентов и преподавателей. На основе представленных в статье данных характеризуются международные связи университета, включая сотрудничество с вузами России, стран СНГ, Азии и Европы, участие в сетевых университетах СНГ и ШОС, реализацию совместных магистерских программ, стажировок, конференций и других мероприятий. Приводятся сведения о численности студентов, иностранных обучающихся, новых образовательных программах, научной деятельности и диссертационных советах РТСУ. Автор выделяет факторы, способствующие развитию образовательного партнёрства: устойчивую правовую базу, совместное управление, комплексный подход к образованию, научно-исследовательскую деятельность, а также межкультурную и языковую интеграцию. Статья показывает значение РТСУ как одного из ключевых примеров российско-таджикского взаимодействия в образовательной и научной сферах.

Ключевые слова: образование; кадры; университет; проект; рейтинг; признание; взаимодействие; сотрудничество.

На современном этапе во взаимоотношениях государств особое значение приобретает развитие научно-образовательного сотрудничества.

Высшая школа становится одним из ключевых инструментов укрепления межгосударственных связей, формирования кадрового потенциала и трансляции культурных ценностей.

Взаимодействие России и Таджикистана в сфере образования по праву можно считать успешным и взаимовыгодным. В вузах России учатся порядка 30 тыс. студентов (более половины из них – на бюджетной основе), причем с каждым годом число желающих получить российское образование только растет [1]. Увеличивается и количество квот для таджикских абитуриентов на обучение в вузах России за счет федерального бюджета. Если в 2021 году было выделено 645 квот, а в 2022 году – 750 бесплатных мест, то в предстоящем учебном году число таджикских выпускников, которым была предоставили возможность бесплатно получить российское высшее образование, уже достигло 1000 человек. Это одна из самых больших квот на обучение в СНГ [4].

При этом число подавших заявки на участие в отборочных испытаниях в прошлом году превысило 6 тыс. человек [4]. Как отмечают в Россотрудничестве, абитуриенты подают документы на обучение не только в вузы крупнейших российских городов – Москвы и Санкт-Петербурга, но и по всей стране: география поступления довольно широкая [4].

С этим согласна и наша коллега – работавшая заведующей кафедрой культурологии РТСУ, директором НИИ и деканом факультета ИМО Ольга Ладыгина: «Вузы России широко открывают свои двери для таджикских студентов: увеличиваются квоты, проводятся ярмарки вузов, очень многие выпускники школ ориентированы на получение образования в России». Ольга Владимировна подчеркивает, что на своём опыте знает об одинаково качественном и уважительном отношении в России к студентам-иностранцам и к собственным соотечественникам.

Важно отметить, что у таджикистанцев есть возможность получить диплом российского вуза, не покидая пределов республики. В Душанбе открыты филиалы престижных московских университетов, где учатся около 8 тыс. студентов [2]. Уже 17 лет молодежь Таджикистана получает образование в филиале МГУ им. Ломоносова, где можно пройти обучение по различным направлениям. Подготовкой специалистов энергетической отрасли, играющей ведущую роль в экономическом развитии Таджикистана, занимается филиал Национального исследовательского университета «МЭИ». А филиал НИТУ «МИСиС» в Душанбе выпускает высококвалифицированных инженерно-технических специалистов для ведущих предприятий страны, а также реализует в республике научно-исследовательские проекты [2].

Ведущее место в Таджикистане как по качеству преподавания, так и по уровню подготовки специалистов занимает Российско-Таджикский (Славянский) университет, осуществляющий свою деятельность при под-

держке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. На сегодняшний день также рассматривается вопрос об открытии филиала данного вуза в Согдийской области Республики Таджикистан.

Необходимо подчеркнуть, что Российско-Таджикский (Славянский) университет (РТСУ) является уникальным примером взаимодействия России и Таджикистана, построенного на принципах интеграции. История становления РТСУ неразрывно связана с развитием независимого Таджикистана. За прошедшие десятилетия университет укрепил свои позиции, став одним интеллектуальных лидеров в системе высшего образования республики, продемонстрировав высокую академическую зрелость и устойчивый потенциал для дальнейшего развития.

За тридцатилетнюю историю РТСУ прошёл большой и плодотворный путь, превратившись в один из крупнейших и авторитетнейших вузов, реализующих стратегические ориентиры образовательной сферы двух государств. Деятельность университета направлена на подготовку кадров, обладающих устойчивым мировоззрением, широким кругозором, эрудицией и тем объёмом знаний, который обеспечивает их конкурентоспособность на современном рынке труда. Сегодня университет имеет стабильное общественное и государственное признание, что подтверждается его высоким рейтингом и востребованностью выпускников.

90-е годы XX века – это было время глубокого кризиса, который не просто изменил структуру рухнувшего социалистического лагеря, но и трансформировал уклад жизни независимых республик. Именно в этот непростой период у руководства России и Таджикистана возникла идея создания нового совместного учебного заведения. Правовая основа деятельности Российско-Таджикского (Славянского) университета была закреплена Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 мая 1997 года № 604 «Об образовании и введении в действие Российско-Таджикского (Славянского) университета» [7]. В торжественной церемонии открытия вуза принял участие Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон.

Для чего в эти тяжёлые и для Таджикистана, и для России годы возникла необходимость создания нового вуза, и какой именно смысл закладывался в основание Российско-Таджикского (Славянского) университета?

Само название учебного заведения служит ключ к пониманию миссии его создания как сложной системы со своими внутренними законами. Исторический диалог культур, многолетнее взаимопонимание и взаимопомощь между народами, находившимися в течение десятилетий в едином геополитическом пространстве, невозможно разрушить в одночасье. Именно РТСУ был призван стать университетом сохранения и развития

этих прочных связей.

Концепция качественно нового вуза опиралась на примат образования и культуры. Культурное и научное просвещение, основанное на духовности, нравственности и межэтническом взаимодействии, стало необходимой предпосылкой создания РТСУ. Подготовка высококвалифицированных специалистов для независимых государств, поддерживающих дружественные связи, а также выполнение важнейшей миссии по передаче знаний последующим поколениям – всё это легло в основу магистральных задач университета.

Связующим компонентом в структуризации новой системы образования выступил русский язык, ставший рабочим языком РТСУ, что не умаляло значение государственного языка нации. Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своём Послании Парламенту страны отметил: «Уважение государственного языка и его глубокое изучение, а также обязательное изучение иностранных языков, прежде всего, русского и английского, является процессом, который должен находиться под постоянным контролем» [8].

Обучение – это, творческий процесс, своего рода модель научного исследования. Содержание университетского образования напрямую зависит от потребностей общества, поэтому оно непрерывно трансформируется. Сильный вуз постоянно наращивает свой образовательный потенциал.

Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон посетил РТСУ в 1996, 2001, 2006, 2011, 2016, 2021 годах, каждый раз высоко оценивая заслуги молодого университета и оказывая всестороннюю помощь в его дальнейшем развитии. В рамках укрепления межвузовских связей в 2015 году на базе РТСУ прошёл Форум Славянских университетов [3], а в октябре 2026 года запланировано проведение следующего масштабного форума.

Сегодня Российско-Таджикский (Славянский) университет является флагманом в развитии российско-таджикского образовательного и научного сотрудничества.

Анализ показывает, что РТСУ стал ведущим университетом образовательного партнёрства на пространстве Центральной Азии благодаря следующим факторам:

- устойчивой правовой базе;
- эффективной системе совместного управления;
- комплексному подходу к образовательному процессу;
- активной научно-исследовательской деятельности;
- межкультурной и языковой интеграции.

Вуз демонстрирует, что межгосударственная модель образования

может быть успешной и долгосрочной, внося существенный вклад в укрепление региональной стабильности и профессиональное развитие молодёжи. В настоящее время университет имеет 226 соглашений с зарубежными вузами и другими научно-образовательными структурами России, а также других стран СНГ, Азии и Европы [7].

Одним из важнейших направлений международной деятельности РТСУ является сотрудничество с международными организациями, совместно с которыми университет реализует различные проекты, такие как: совместные магистерские программы, стажировки, конференции, круглые столы, семинары. Все эти мероприятия призваны повысить качество образования, расширить академическую мобильность и укрепить межкультурный диалог среди молодёжи. В частности, вуз активно развивает совместные образовательные программы в рамках сетевых университетов СНГ и ШОС:

- Сетевой университет СНГ: реализуются 4 совместные магистерские программы (совместно с РУДН, МГИМО, НГУ, НГАУ);
- Университет ШОС: действуют 3 совместные магистерские программы (совместно с РУДН, УрФУ, АлтГУ, ДУИЯ, СФУ)
- Международные встречи: состоялось 24 приёма иностранных делегаций и встреч с ректором.
- Академическая мобильность: в рамках соглашений между РТСУ и вузами-партнёрами на обучение сроком на один семестр были направлены 14 студентов (13 человек – в РУДН, 1 – в УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина).

В РТСУ обучается 299 иностранных студентов из девяти стран. В 2025 году сотрудники совершили 127 командировок для участия в международных конференциях, форумах и стажировках.

Сегодня РТСУ – это многопрофильный университет с непрерывной структурой образования, которая включает довузовское, высшее профессиональное, послевузовское и дополнительное образование, одноуровневую систему обучения, а также группы интенсивной и целевой подготовки кадров. По состоянию на 1 декабря 2025 года в университете обучается 4451 студент очной формы и 1682 студента заочной (дистанционной) формы. В 2025-2026 учебном году в университет зачислено 2063 человека, в том числе 1610 – по программам бакалавриата.

В 2025 году университет получил лицензии Российской Федерации на 13 новых образовательных программ. Были расширены направления бакалавриата, магистратуры и аспирантуры: открыто направление «Таможенное дело», запущена программа «Социология», а также получено право подготовки научно-педагогических кадров по 8 новым научным специаль-

ностям. Университет обладает всеми действующими лицензиями и аккредитациями. Дипломы установленного образца выдаются в соответствии с законодательством и признаются в рамках межгосударственного сотрудничества. В 2025 году профессорско-преподавательский состав (ППС) вёл работу по 302 научным темам; по результатам исследований было опубликовано 434 научные статьи, 12 монографий и 16 учебных пособий. На базе РТСУ действуют 6 диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций [5].

Высокий статус университета обеспечивает многонациональный, сплочённый единой целью коллектив профессионалов и единомышленников. Сегодня РТСУ по праву является одним из ведущих образовательных и научно-методических центров не только в Республике Таджикистан, он за её пределами – как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Развивающаяся структура вуза, мощная материально-техническая база и признанное научное сообщество позволяют ему оставаться в числе лучших учебных заведений региона. Благодаря целеустремлённости, высокому профессионализму и умению бережно хранить академические традиции коллектив РТСУ неизменно добивается успехов в реализации стратегических планов. Эта многогранная деятельность в областях образования, науки и культуры снискала университету заслуженный авторитет в широких научных и общественных кругах.

Литература

1. Асанов Ю.М. Исторические предпосылки развития партнерских связей в сфере образования России и Таджикистана (1867–1917) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 5 (182). – С. 16-21.
2. Внутренние документы и отчеты Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ) о его деятельности, международных связях, академической мобильности и научных исследованиях за 2025 год: стат. данные. – Душанбе: РТСУ, 2025. – 45 с.
3. Закон Республики Таджикистан «Об образовании» от 22 июля 2013 г. № 1004 (с изм. и доп.) // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2013.
4. Материалы и публикации, касающиеся деятельности филиалов МГУ им. Ломоносова, НИУ МЭИ, НИТУ «МИСиС» в Душанбе: сб. информ.-аналит. материалов. – Душанбе, 2024.
5. Материалы Форума Славянских университетов (Душанбе, 2015 г.) / отв. ред. Н.Н. Салихов. – Душанбе: РТСУ, 2015. – 180 с.
6. Официальные отчеты и данные Россотрудничества по вопросам квот и поступления таджикских абитуриентов в вузы РФ // Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству: официальный сайт. – URL: <https://rs.gov.ru> (дата обращения: 23.09.2026).
7. Погорельская А.М., Погодаев Н.П. Модернизация системы высшего образова-

- ния в Таджикистане и особенности образовательного сотрудничества с Россией в 2022–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 78. – С. 239–248.
8. Погорельская А.М., Погодаев Н.П. Экспорт российских услуг в области высшего образования в Таджикистан: предпосылки, сложности и перспективы // SibScript. – 2024. – Т. 26. – № 3. – С. 492–502.
  9. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Парламенту страны от 24.04.2012 // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: president.tj (дата обращения: 23.09.2026).
  10. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 мая 1997 г., № 604 «Об образовании и введении в действие Российско-Таджикского (Славянского) университета» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997.
  11. Российско-Таджикский (Славянский) университет. Международная деятельность [Электронный ресурс] // Российско-Таджикский (Славянский) университет: официальный сайт. — URL: https://www.rtsu.tj/international_activity/ (дата обращения: 23.09.2026).
  12. Российско-Таджикский (Славянский) университет. Образовательные программы и сведения об образовательной деятельности // РТСУ: официальный сайт. — URL: <https://www.rtsu.tj/sveden/> (дата обращения: 23.09.2026).
  13. Российско-Таджикский (Славянский) университет. Основные сведения об образовательной организации // РТСУ: официальный сайт. — URL: <https://www.rtsu.tj/univer/sveden/common/> (дата обращения: 23.09.2026).
  14. Сангинова З.С. Культурно-гуманитарное сотрудничество Таджикистана и России на современном этапе // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 5 (33). – С. 221–225.
  15. Соглашение между Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации и Министерством образования Республики Таджикистан о сотрудничестве в области образования : заключено в г. Москве 18 марта 1997 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/72044334/>.
  16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о порядке создания и функционирования филиалов высших учебных заведений Российской Федерации на территории Республики Таджикистан и филиалов высших учебных заведений Республики Таджикистан на территории Российской Федерации : заключено в г. Москве 14 декабря 2009 г. // Бюллетень международных договоров. — 2013. — № 10.
  17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма : заключено в г. Москве 19 сентября 1995 г. // Бюллетень международных договоров. — 1996. — № 3. — С. 44–47.
  18. Сотрудничество РТСУ с международными организациями и университетами СНГ, ШОС, Азии и Европы: аналитический обзор. – Душанбе: Отдел международных связей РТСУ, 2025. — URL: <https://www.rtsu.tj/>
  19. Федеральный закон от 18 февраля 2020 г. № 18-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о строительстве и материально-техническом оснащении опорно-образовательных учреждений в городах Душанбе, Куляб, Худжанд, Бохтар и

Турсунзаде, осуществляющих обучение на русском языке» // Российская газета. – 2020. – 21 февр. — № 38.

20. Федченко А.А., Борисова Л.И. Опыт и перспективы развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. –2024. –Т. 18. - № 1. – С. 85-94.

RUSSIAN-TAJIK COOPERATION IN EDUCATION: THROUGH THE EXAMPLE Of RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Rakhmatova Zarrina Yunusovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General and National History

Russian-Tajik (Slavonic) university

734025, Republic of Tajikistan Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30

Ph.: (+992 37) 227 76 93 (ext.)

zarrina-1966@mail.ru

The article examines Russian-Tajik cooperation in the field of education through the example of Russian-Tajik (Slavonic) University (RTSU). It highlights the prerequisites for the university's creation, its establishment, and its development as a joint educational project between Russia and Tajikistan. Special attention is paid to the role of RTSU in personnel training, the development of scientific and educational ties, academic mobility, and intercultural interaction. The results of the university's international activities and their focus on improving the quality of education and expanding the academic opportunities of students and faculty are considered separately. Based on the data presented in the article, the university's international relations are characterized, including cooperation with universities in Russia, the CIS, Asia, and Europe, participation in the CIS and SCO network universities, the implementation of joint master's programs, internships, conferences, and other events. Information on the number of students, foreign learners, new educational programs, scientific activities, and dissertation councils of RTSU is provided. The author identifies factors contributing to the development of the educational partnership: a stable legal framework, joint management, an integrated approach to the educational process, research activities, as well as intercultural and linguistic integration. The article demonstrates the significance of RTSU as one of the key examples of Russian-Tajik interaction in the educational and scientific spheres.

Keywords: education; personnel; university; project; rating; recognition; interaction; cooperation.

**ҲАМКОРИҲОИ РОССИЯВУ ТОҶИКИСТОН ДАР СОҲАИ МАОРИФ
(ДАР МИСОЛИ ДОНИШҒОҲИ (СЛАВЯНИИ)
РОССИЯ ВА ТОҶИКИСТОН - ДСРТ)**

Раҳматова Заррина Юнусовна

номизади илмҳои таърих, дотсенти

кафедраи таърихи умумӣ ва ватанӣ

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992 37) 227 76 93 (к.)

zarrina-1966@mail.ru

Дар мақола ҳамкориҳои Россияву Тоҷикистон дар соҳаи маориф дар мисоли фаъолияти Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон (ДСРТ) мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд. Заминаҳои таъсиси донишгоҳ, ташаккул ва рушди он ҳамчун лоиҳаи муштараки таълимии Россия ва Тоҷикистон инъикос ёфтаанд. Ба нақши ДСРТ дар тайёр кардани кадрҳо, рушди робитаҳои илмӣ таълимӣ, ҳаракати академӣ ва ҳамкориҳои байнифарҳангӣ таваҷҷуҳи махсус зоҳир шудааст. Натиҷаҳои фаъолияти байналмилалӣ донишгоҳ ва нигаронида шудани он ба баланд бардоштани сифати таҳсилот, инчунин тавсеаи имкониятҳои академии донишҷӯён ва устодон ба таври алоҳида баррасӣ мешаванд. Дар асоси маълумоти дар мақола овардашуда, равобити байналмилалӣ донишгоҳ, аз ҷумла ҳамкорӣ бо мактабҳои олии Россия, кишварҳои ИДМ, Осиё ва Аврупо, иштирок дар донишгоҳҳои шабакавии ИДМ ва СҶШ, амалисозии барномаҳои муштараки магистратура, коромӯзиҳо, конференсҳо ва дигар чорабиниҳо тавсиф ёфтаанд. Маълумот дар бораи шумораи донишҷӯён, таълимгирандагони хориҷӣ, барномаҳои нави таълимӣ, фаъолияти илмӣ ва шӯроҳои диссертатсионӣ ДСРТ оварда шудааст. Муаллиф омилҳоро, ки ба рушди шарикӣ таълимӣ мусоидат мекунанд, нишон медиҳад: заминаи устувори ҳуқуқӣ, идоракунии муштарак, муносибати маҷмӯӣ ба раванди таълим, фаъолияти илмӣ тадқиқотӣ, инчунин интегратсияи байнифарҳангӣ ва забонӣ. Мақола аҳамияти ДСРТ-ро ҳамчун яке аз намунаҳои калидии ҳамкориҳои Россияву Тоҷикистон дар соҳаҳои таълимӣ ва илмӣ нишон медиҳад.

Калидвожаҳо: маориф; кадрҳо; донишгоҳ; лоиҳа; рейтинг; эътироф; ҳамкорӣ; шарикӣ.

УДК 94(575.3):745.522.2(=222.8)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА НАБОЙКИ ТАДЖИКОВ

Умарова Зарина Ходжамахмадовна

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой культурологии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 905-22-85-58 (м.)
umarova-zarina@mail.ru

Искусство набойки является одним из традиционных способов художественного оформления ткани у таджиков, основы которого корнями уходят в далёкую старину. У таджиков данное ремесло было известно под названием «читгари», а мастер, который занимался набиванием ткани, – читгар. Искусство набойки в основном было развито в Северном Таджикистане. Крупными центрами этого ремесла были города Худжанд, Канибадам, Истаравшан. На территории Узбекистана центрами развития таджикской набойки были Самарканд, Бухара, Гиждуван. Набивные ткани использовали для оформления скатертей, подклада для верхней одежды, стёганных одеял (курпачи), покрывал и т.д. В начале XX вв. с поступлением на рынки более дешёвых тканей фабричного производства с набивным машинным способом воспроизведения восточных рисунков, многие мастера не выдержав конкуренции, были вынуждены завершить своё дело. В Таджикистане из былых крупных центров набойки сохранился и дошёл до нашего времени лишь центр в г. Истаравшане с единственным домом во главе с усто Миромином Саидовым, который является потомственным мастером и продолжает своё дело в условиях современного Таджикистана. Основной проблемой, препятствующей развитию и продолжению линии преемственности традиций набойки таджиков, выступает отсутствие спроса на ткани со штампованным вручную узором.

Ключевые слова: набойка; читгари; культура таджиков; текстиль; ткани; дизайн; традиции.

Набойка – старинный способ орнаментации текстиля, который предполагает нанесения узора на поверхность ткани (чаще хлопчатобумажная бязь, ситец или лён) с помощью деревянных матриц, на которых вырезаны узоры. Узоры выбивались на поверхности ткани, отсюда и название – набойка. Данный способ декорирования текстиля появился, по мнению исследователей, в Индии и получил в дальнейшем распространение в странах

Азии и Африки, а позже проник через Великий шёлковый путь и в европейские страны [2]. Технология данного ремесла была известна ещё с древних времён, о чём свидетельствуют археологические находки в Древнем Египте и в Риме [17, с.59]

Особое место занимала набойка и в традиционной культуре таджиков. Развивалась она преимущественно в северных районах Таджикистана, где за время её появления и развития сформировались локальные центры её изготовления – в таких городах, как Канибадам, Худжанд, Ура-Тюбе (Истаравшан), и в Исфаринской долине [14, с.63]. В них работали определённые династии мастеров-читгаров и выработались свои собственные традиции как художественного, так и технологического характера. О бытовании этого ремесла, в том числе и в Каратаге, упоминает Н.Н. Ершов [4, с.25]. Об изготовлении набойки в Худжанде отмечает исследователь М.Ф. Иброхимов [6, с.27]. Более подробную информацию о развитии этого ремесла в Худжанде даёт в своём труде Н. Турсунов, который отмечает, что «в начале 70-х годов XIX в. в Худжанде было зафиксировано 30 мастерских набойщиков, в которых работали 70 мастеров» [18, с.103]. По сведениям Н. Турсунова, среди набойщиков Худжанда было много предпринимателей, на производстве которых работали по 4-5, а в отдельных случаях и по 9-11 мастеров набойки – халифов. И каждый из них занимался определённым родом деятельности: были мастера по отвариванию ткани и изготовлению протравы – мозу, а нанесение узоров колабами (деревянными матрицами) красной и чёрной краской осуществляли другие работники. Подготовкой композиции, нанесением орнамента на поверхность ткани чёрной краской – сиёхқалам – занимался сам владелец мастерской [18, с.104]. Все эти данные свидетельствуют о высоком уровне развития и широком распространении ремесла набойки в Худжанде.

Крупным центром изготовления таджикской набойки считался и Канибадам. Исследователь декоративно-прикладного искусства таджиков М. Рузиев в своём труде приводит сообщения известного уратюбинского мастера усто Миробида Читгара и орнаменталиста М. Олимова о том, что «ужителей Ферганской долины большим спросом пользовались изделия набойщиков Канибадама» [13, с.56]. Он также упоминает, что «самые лучшие ткани со штампованным рисунком изготавливались в Канибадаме, в квартале Пулодон, и отмечает имя известного канибадамского мастера усто Ниёза Читгара. [14, с.18] Автором данной статьи при прохождении научной стажировки в Российском этнографическом музее г. Санкт-Петербург, в процессе изучения описей экспонатов было замечено, что в фонд музея в первой половине XX в. было передано большое количество деревянных матриц – набоечных штампов канибадамских мастеров.

Ну и конечно, невозможно не упомянуть о таком известном центре развития таджикской набойки, как Истаравшан (Ура-Тюбе), единственная школа которого сохранилась до настоящего времени в современном Таджикистане. Известным мастером данной школы был усто Миробиди Читгар, чьё дело в настоящее время продолжают его потомки [14, с.18].

Были известны и другие центры таджикской набойки. В Бухаре в конце XIX – начале XX вв. существовал крупный рынок набивных тканей. Они не производились в самом городе, а изготавливались населением мелких и крупных окружных поселений, таких как Гиждуван, Рометан, Вартонзе и Читгарон (само название селения говорит о том, что здесь жили набойщики-читгары) [16, с.79]. Искусство набойки получило широкое развитие также в Самарканде, Коканде, Фергане и Чусте (Узбекистан) [14, с.63]. Эти местности населяли преимущественно таджики, которые и развивали данный промысел, поэтому данные города также могут также рассматриваться как таджикские центры изготовления набойки.

Ткани с набивным узором в быту таджиков находили широкое применение и использовались для различных целей: их использовали в качестве подкладки для верхней одежды (чапонов и джома), для пошива платьев, шили из них метровые стёганные одеяла – курпачи, скатерти, постельное бельё, покрывала, молитвенные коврики – джойнамоз и другие предметы обихода. Они не только выполняли утилитарные функции, но и служили украшением быта [17, с.61].

Технология набивания тканей узором являлась трудоёмким и сложным процессом, требовавшим знания химических реакций и владения высоким орнаментальным искусством. В среднеазиатской набойке применяли исключительно хлопчатобумажную ткань. Как правило, перед нанесением узора на ткань белую хлопчатобумажную материю закладывали в щелочной раствор, после чего промывали и высушивали, затем вновь замачивали, но уже в растворе галлов фисташкового дерева – «бузгундж» («мозу»), который выступал в качестве протравы. Деревянные штампы – қолаб – для нанесения узора на ткань вырезали, в зависимости от характера узора, из грушевого дерева, акации или тополя [15]. Интересное описание процесса нанесения узоров на ткань путём набивания приводит в своём отчёте о поездках в Среднюю Азию С.М. Дудин: «Печатают на узкой доске, обтянутой войлоком, накатывание же краски на қолаб производится при посредстве сита, обтянутого холстом, на к[ото]рый и накладывается краска и разравнивается щётками с длинным волосом. Чёрная краска для печатания получается из кусков ржавого железа, настоянных в кислом растворе ширеша (клея) [10, с.61-99], загущается же краска вишнёвым клеем [10, с.61-96]; жёлтая – квасцовой вытяжкой из тухумлика, красная – отмывкой в руяне, зелёную краску привозят из Персии, синяя – индиго». [10, с.352] Позже красная растительная краска была заменена ализарином, загущённые кле-

ем из смолы абрикосового дерева зелёный, синий и жёлтый цвета – анилиновыми красителями [15].

С искусством набойки неразрывно связано и мастерство изготовления резчиками высококачественных деревянных матриц, которые были выполнены с большим художественным вкусом и на высоком профессиональном уровне. От качества резьбы по дереву и красоты воспроизведённых узоров на штампах во многом зависела красота набоек. Мастера-набойщики работали в тесном сотрудничестве с мастерами-резчиками по дереву. Деревянные матрицы в зависимости от характера узора были разной формы и конфигурации, включая в себя многочисленные и разнообразные мотивы: квадраты, круги-розетки и полукруги, ромбы и треугольники, шестиконечные звёзды и различные завитки, арки и эллипсы, точки и линии. Помимо этого, на штампах мастерами вырезались разнообразные растительные элементы, которые пользовались большой популярностью и широко использовались в орнаментации тканей.

Следует отметить, что в культуре древнеиранских народов образы растительного мира всегда занимали особое место и были тесно связаны с древним культом плодородия. Согласно мнению известного таджикского учёного-философа С. Рахимова, в древнеиранском мышлении природа наделялась и одушевлённостью (панпсихизмом) и одухотворённостью (пантеизмом), что отражало сакральное значение её элементов в иранской культуре [11, с.173]. Излюбленными мотивами среди них были образы цветка и плода граната, «перчика» (миндаля), а также тюльпана и арабской вязи ислими – бесконечного переплетения побегов и выюнов, которые широко встречаются в восточных набивных тканях. Образу граната древнеиранские народы придавали большое значение, связывая его с идеей плодородия; в древности у земледельцев Средней Азии узор плода граната олицетворял благополучие, богатство и счастье. [20, с.7] В древнеиранском искусстве гранатовый плод, помимо прочего, выступал важным атрибутом богини священных вод и плодородия Ардвисуры Анахиты; воспринимаясь как символ плодородия, он способствовал увеличению потомства [5, с.26]. Эмблемой-оберегом, связанным с культом плодородия, являлся в искусстве таджиков и образ миндаля-перчика (бодом – каланфурак) [1, с.54]. Образ цветка нередко олицетворял в себе образ древа жизни (как часть целого) и встречался, по мнению искусствоведа Л.И. Ремпеля, в искусстве всех народов мира, начиная с эпохи энеолита и вплоть до народного искусства XIX–XX вв. [12, с.98]. В исламский период художественная трактовка древа жизни видоизменяется, и чаще на предметах декоративно-прикладного искусства разного направления, в том числе и набойке, воспроизводится в виде цветущего букета, цветка или куста [20, с. 8].

Особую группу составляли штампы с вырезанными на них эпиграфическими мотивами, которые пользовались широкой популярностью во всех сферах искусства исламского периода [3, с.41]. Излюбленными узорами таджикской набойки также были занчирак (цепочка), фалаки хурдй (малый круг), чорбарга (четырёхлистник), мох (луна), тухми харбуза (семена тыквы), кирмак (червячок) [6, с.55]. В Худжанде были популярны узоры зулфак (локон), занчира (цепочка), чиннифалак (китайский круг), чиннигул (китайский цветок), мехча (гвоздик), тиконак (сверчок), тагсиёх (чернофонный) [11, с.106]. Астральная символика играла важную роль в оформлении среднеазиатских набоек и встречалась в декоре предметов декоративно-прикладного искусства ещё с эпохи древности [19, с.147]. Согласно мнению отдельных исследователей, развитие «небесных» культов было связано с началом разложения родового общества в эпоху бронзового века [3, с.56].

Таким образом, можно констатировать, что в Средней Азии небесная символика в искусстве встречается с эпохи бронзы. В дальнейшем культ небесных светил оказал значительное влияние на идеологию зороастризма. Как отмечает И. Мухиддинов, «в авестийском пантеоне божеств особое место занимал Митра (Михр) – ангел, один из Амеша Спента, олицетворявший утреннюю зарю, победу дня над ночью и, соответственно, Солнце» [9, с. 91]. Издревле образы небесных светил – солнца и луны – выполняли в предметах искусства сакральную функцию: они должны были обеспечивать людям, в доме которых присутствовали, счастье и благополучие, а также оберегать жилище от негативного влияния тёмных сил. Мастера-читгары называли узоры с образами небесных светил мох (луна), фалак (круг), ситора (звезда).

Многообразие узоров воспроизводилось в композиционном плане на поверхности набивных изделий в рамках строгих канонов, однако иногда они неожиданно представляли в свободной форме.

Деревянные матрицы изготавливали из разных видов древесины. Как отмечает в своей работе исследователь среднеазиатских набоек Т.И. Мезурнова: «Для изготовления штампов для чёрного цвета применялись твердые породы дерева: груша, орех, абрикосовое дерево и миндаль. Предпочтение, однако, отдавалось грушевому дереву, которое у набойщиков считалось лучшим. Оно хорошо выдерживалось, обрабатывалось кипячением в бараньем жире, разрезалось по торцу.

Штампы, предназначавшиеся для получения красного цвета, изготавливались из мягких пород: тополя, вербы, ивы. Иногда они делались из тыквы-горлянки, с верхней части которой срезали круг и вырезали по его краю зубья» [8, с.41].

Таким образом, следует отметить, что в общем для среднеазиатской набойки была характерна преимущественно красно-чёрная окраска, иногда

с добавлением жёлтого и зелёного цветов, и, соответственно, для каждого цвета использовалась отдельная деревянная матрица. Деревянные матрицы для набивания узоров состояли, как правило, из двух частей, поэтому в народе их образно называли «оча-бача» (в пер. «мать и дитя») [13, с.56].

Прекрасные образцы высокохудожественной среднеазиатской набойки в настоящее время хранятся в собраниях музеев Таджикистана, Узбекистана и России. В России крупнейшее собрание среднеазиатских набоек хранится в фондах Российского этнографического музея (РЭМ), который насчитывает около 200 произведений этого вида народного творчества, датируемых 1860- 1980 годами [15]. Большое количество набоек было приобретено и передано РЭМ русским художником и фотографом С.М. Дудиным; они были собраны им во время экспедиций в Среднюю Азию в 1900-1902 годах. Среди них более 70 образцов составляет метражная набойка – астар чит (астар – «подкладка»), которая использовалась преимущественно в качестве подклада к мужской верхней одежде, а также для одеял (*курпа, курпача*) и скатертей (*дастархан*). Из этих тканей также изготавливали различные предметы обихода. В годы советской власти в фонд РЭМ поступали набивные изделия производства различных художественных предприятий и артелей Узбекистана и Таджикистана, выполненные в традиционном стиле [15].

В Таджикистане самые большие коллекции старинных набоек и деревянных матриц – колабов – хранятся в Институте истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также в фондах Национального музея Таджикистана при Исполнительном аппарате Президента Республики Таджикистан.

В настоящее время в Таджикистане единственным сохранившимся центром развития таджикской набойки является Истаравшан, представляющий уратюбинскую школу набойки. И, соответственно, единственным сохранившимся мастером-читгаром является усто Миромин Саидов из клана известного потомственного уратюбинского набойщика Миробида Читгара.

В советское время многие народные ремесленники, в том числе и набойщики, не выдержав конкуренции с появившейся на рынках более дешёвой фабричной и заводской продукцией, были вынуждены закрыть своё дело. Соответственно, это привело к угасанию многих направлений художественных ремёсел. По словам истаравшанского мастера-набойщика Миромина Саидова, «к началу 70-х годов прошлого века искусство читгари практически исчезло в Средней Азии. Многие сдали свои инструменты и приспособления в музеи и забыли вековые традиции предков» [7]. Отец Миромина Саидова также прекратил своё дело, однако не расстался со своим станком и другим приспособлениями для набойки и бережно их

хранил. В их доме годами сберегались не только инструменты, но и краски, собственноручно приготовленные их предками [7].

Миромин Саидов в настоящее время – единственный мастер в Таджикистане, который бережно хранит традиции и секреты потомственных мастеров-набойщиков своей семьи. В технологии изготовления набойки он придерживается старинных методов, которые находят отражение как в обработке ткани, так и в технологии окрашивания. Мастер традиционно использует натуральные самодельные красители растительного происхождения. Например, для получения красного и жёлтого цветов он применяет растение руян (марену), а чёрный цвет добывает путём долгой выварки скорлупы грецких орехов – бугчум (это орехи в особом состоянии, которые встречаются в природе редко - когда дерево перестаёт нормально плодоносить и в плодах нет ядер). Дома по сей день мастер хранится старинный кувшин с корнями растений, кожурой фруктов и ржавыми железными гвоздями [7]. Однако в современных условиях мастеру иногда приходится вносить и некоторые коррективы в процесс набойки. Например, если в старину в Истаравшане использовали ткань карбос (разновидность плотной хлопчатобумажной ткани), то сегодня мастера всё чаще применяют ткань хомсуф – тонкий вид ситца, производимый на фабриках Таджикистана [7].

По воспоминаниям истаравшанского мастера Миромина Саидова можно проследить историю прерывания и возобновления ремесленной деятельности его семьи за последние десятилетия. По его словам, в 1970-е годы прошлого века советский этнограф Тамара Ивановна Мезурнова собирала материалы по среднеазиатской набойке и с этой целью посетила в поиске мастеров такие города, как Бухара, Самарканд, Худжанд, Пенджикент и другие местности. Однако там не осталось ни одного мастера-читгара, и она была вынуждена поехать, по совету людей, в Истаравшан (Ура-Тюбе), где посетила семью Саидовых. Миромин Саидов вспоминает: «После приезда этой учёной, которая просила показать ей все этапы набивки на ткань, отец снова взялся за ремесло. Тамара Ивановна месяцами жила в Истаравшане и постигала тонкости нашего мастерства, а затем вернулась домой и написала об этом книгу. Позже о нас написали в СМИ, и постепенно мы снова обратились к нашему ремеслу» [7].

Миромин Саидов отмечает, «что его отец в последние годы советской эпохи после долгого перерыва вновь взялся за своё ремесло по просьбе одного старика из дальнего селения. Причиной тому послужило, по словам мастера, традиция обязательного включения в приданое невесты одежды из ситца ручной работы, без которой было не принято проводить свадьбу. Старик периодически приходил и заказывал такие ситцевые изделия для невест своего селения. После его смерти односельчане перестали придерживаться этого обычая, и изготовление изделий со штампованным узором вновь кануло в забвение [7]. Несмотря на неоднократные перерывы, обу-

словленные внешними обстоятельствами, усто Миромин Саидов всё же продолжил дело и не оставил ремесло предков. Однако развивать этот промысел в сложных экономических условиях современной страны крайне трудно. В первую очередь это связано с отсутствием массового спроса на набивные изделия. Учитывая, что ручной процесс изготовления является весьма трудоёмким, работа без стабильной прибыли становится для мастера невыгодной. Аналогичные сложности наблюдаются и в Узбекистане, где традиции старинного искусства набойки сохраняют и развивают лишь два-три потомственных мастера, которые в основном создают декоративные изделия для украшения интерьера жилищ и общественных пространств [15].

Подводя итоги, следует отметить, что искусство набойки, так же как и другие виды народных художественных промыслов, нуждается в создании особых условий для сохранения традиций и передачи их последующим поколениям. Важным фактором жизнеспособности ремесла и его дальнейшего развития является поддержание цепочки преемственности навыков – подготовка мастеров, продолжателей традиций. Однако всё это невозможно без спроса на предметы народных ремёсел. Безусловно, немаловажное, а возможно, даже главное значение имеет развитие сферы туризма и модной индустрии. Поскольку основными потребителями народных ремесленных продукции являются туристы, именно они определяют соотношение спроса и предложения на традиционные художественные изделия. В свете современных тенденций большую роль в сохранении народных промыслов играет внедрение их традиций в дизайн как интерьера, так и одежды. В коллаборации с дизайнерами мастера могли бы создавать изделия, отвечающие современным эстетическим требованиям и пользующиеся спросом у широкого круга населения. Кроме того, для поддержки народных промыслов, включая набойку, крайне важно обеспечить участие таджикских мастеров в международных форумах и фестивалях. Это поможет ремесленникам не только реализовать свою продукцию, но и расширить круг контактов, найти заказчиков, наладить сотрудничество с зарубежными коллегами и заявить о себе на более высоком уровне.

Литература

1. Белинская Н.А. Декоративное искусство горного Таджикистана: монография. – Душанбе, 1965. – 155 с.
2. Бирюкова Н. Ю. Западноевропейские набивные ткани XVI–XVIII века : собрание Государственного Эрмитажа. — М.: Искусство, 1973. — 175 с.
3. Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси //СА. – 1960. – №4. – С.56-67.

4. Ершов Н.Н. Каратаг и его ремесла: историко-этнографический очерк / Н.Н. Ершов. – Душанбе: Дониш, 1984. – 120 с.
5. Заславская Ф.А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени // История материальной культуры Узбекистана. – 1959. – Вып. 1. – С. 22-59.
6. Иброхимов М.Ф. История текстильного производства таджиков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Душанбе, 2013. – 43 с.
7. Когда в казане вместо плова — ткань. Как таджикский мастер-читгар сохранил это древнее ремесло // YOUR.tj: [Электронный ресурс]. — 2025. — 5 дек. — URL: <https://your.tj/kogda-v-kazane-vmesto-plova-tkan-kak-tadzhikskij-master-chitgar-sohranil-jeto-drevnee-remeslo/> (дата обращения: 22.09.2026).
8. Мезурнова Т.И. О среднеазиатской набойке / Т. И. Мезурнова // Этнография Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1974. – С. 36-44.
9. Мухиддин И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. – М., 1986. – С. 70-94.
10. Отчет С.М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900-1902 гг. / подг. текста, вступ. ст. и прим. Т.Г. Емельяненко. – М.: Фонд Марджани, 2021. – 560 с.
11. Рахимов С.Х. Три этапа из истории эстетических воззрений таджикского народа: монография. – Душанбе: Главная научная редакция Таджикской Национальной Энциклопедии, 2006. – 247 с.
12. Ремпель Л.И. Цепь времен: монография. – М.: Наука; Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1987. – 192 с.
13. Рузиев М.А. Декоративно-прикладное искусство таджиков: монография. – Душанбе: Дониш, 2003. – 185 с.
14. Рузиев М.А. Народные умельцы: монография. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 72 с.
15. Среднеазиатская набойка // Российский этнографический музей: [Электронный ресурс]. — URL: ethnomuseum.ru/collections/ (дата обращения: 22.09.2026).
16. Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX вв.: Ремесленная промышленность: монография. – Ташкент, 1962. – 194 с.
17. Торебаев Б.П., Рахимова З.И. Набойка Центральной Азии // Материалы и технологии. – 2021. – № 1 (7). – С. 59-63.
18. Турсунов Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (Ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX – начале XX вв.): монография. – Душанбе, 1974.
19. Умарова З.Х. Влияние культов и религий на декор, формообразование и традиции ношения в ювелирном искусстве Центральной Азии // Вестник университета РТСУ. – Душанбе: РТСУ, 2014. – № 4 (47). – С. 145-150.
20. Умарова З.Х. Историческая интерпретация мотива “Древо жизни” в ювелирном искусстве и других видах декоративно-прикладного искусства таджиков // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2023. – № 7. – С.5-11.

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF TAJIK TRADITIONAL BLOCK PRINTING ART

Umarova Zarina Khodjamahmadovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Cultural Studies,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30
Тел.: (+992) 905 22 85 58 (м.)
umarova-zarina@mail.ru

The art of block printing is one of the traditional methods of textile decoration among the Tajiks, with its foundations rooted in ancient times. Among the Tajiks, this craft was known as *chitgari*, and the master artisan engaged in fabric printing was called a *chitgar*. The art of block printing was primarily developed in Northern Tajikistan. Such cities as Khujand, Kanibadam, and Istaravshan served as major centers for this craft. Within the territory of Uzbekistan, Samarkand, Bukhara, and Gijduvan were the prominent centers for the development of Tajik block printing. Printed fabrics were used for decorating tablecloths, linings for outerwear, quilted blankets (*kurpachi*), bedspreads, etc. At the beginning of the 20th century, with the arrival of cheaper factory-made fabrics featuring machine-printed Eastern patterns, many artisans were unable to withstand the competition and were forced to close their businesses. In Tajikistan, out of the former major printing centers, only the center in Istaravshan has survived to the present day, represented by a single household led by *usto* Miromin Saidov, who is a hereditary master and continues his work in modern Tajikistan. The main problem hindering the development and continuity of the Tajik block printing tradition is the lack of demand for hand-stamped fabrics.

Keywords: block printing; *chitgari*; Tajik culture; textile; fabrics; design; traditions.

МУШКИЛОТ ВА ОЯНДАИ РУШДИ САНЪАТИ ЧИТГАРИИ ТОЧИКОН

Умарова Зарина Хочамаҳмадовна

номзади илмҳои таърих, доцент,
мудири кафедраи фарҳангшиносӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 905-22-85-58 (м.)
umarova-zarina@mail.ru

Санъати читгарӣ (набойка) яке аз усулҳои суннати ороиши бадеии матоъ дар байни тоҷикон мебошад, ки асосҳои он ба гузаштаи дур реша пайванд мекунад. Дар байни тоҷикон ин ҳунар бо номи «читгарӣ» машҳур буд ва устоеро, ки ба нақшзанӣ ва чоп дар рӯи матоъ машғул буд, «читгар» менамуданд. Санъати читгарӣ асосан дар Тоҷикистони Шимолӣ рушд ёфта буд. Шаҳрҳои Хучанд, Конибодом ва Истаравшан марказҳои бузурги ин ҳунар ба шумор мерафтанд. Дар ҳудуди Ёзбекистон марказҳои рушди читгарии тоҷикон шаҳрҳои Самарқанд, Бухоро ва Ғиждувон буданд. Матоҳои читгариро барои ороиши дастархон, астари либосҳои беруна, кӯрпаву кӯрпачаҳо, рӯйҷоҳо ва ғайра истифода мебуданд. Дар аввали асри XX бо ворид шудани матоҳои арзонтари истеҳсоли фабрикавӣ ба бозорҳо, ки нақшҳои шарқиро бо усули чопи машинӣ инъикос мекарданд, бисёр устоҳо ба рақобат тоб наоварда, маҷбур шуданд, ки кори худро қатъ кунанд. Дар Тоҷикистон аз марказҳои бузурги читгарии пешина танҳо марказ дар ш. Истаравшан бо ягона хонавода таҳти сарвари усто Миромин Саидов, ки ҳунарманди авлодӣ буда, кори худро дар шароити Тоҷикистони муосир давом медиҳад, боқӣ монда ва то рӯзгори мо расидааст. Мушкили асосие, ки ба рушд ва идомаи занҷираи ворисияти анъанаҳои читгарии тоҷикон монеъ мешавад, набудани талабот ба матоҳои дорои нақшҳои бо даст чопшуда мебошад.

Калидвожаҳо: читгарӣ; набойка; фарҳанги тоҷикон; насосҷӣ; матоҳо; дизайн; анъанаҳо.

УДК 94(575.3):621.311.21

ГИДРОЭНЕРГЕТИКА ТАДЖИКИСТАНА В ГОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Артыков Абдурафик Абдраманджанович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 907 98 61 71 (м.)
rafick_rtsu@mail.ru

В статье исследуется процесс развития гидроэнергетики Республики Таджикистан в период государственной независимости и её роль в достижении энергетической независимости страны. Рассматриваются основные этапы становления национального энергетического комплекса после распада СССР, проблемы электроэнергетики в условиях социально-экономического кризиса 1990-х годов, развитие малой гидроэнергетики и формирование нормативно-правовой и инвестиционной базы отрасли. Особое внимание уделяется возобновлению и реализации крупных гидроэнергетических проектов, прежде всего Рогунской ГЭС и Сангтудинских гидроэлектростанций, а также реконструкции и модернизации действующих энергетических объектов. Анализируется значение гидроэнергетики для обеспечения энергетической безопасности, устойчивого экономического развития и ускоренной индустриализации страны. Показана взаимосвязь развития энергетической инфраструктуры с повышением качества жизни населения, расширением регионального сотрудничества и экспортного потенциала Таджикистана. Рассматриваются современные направления развития отрасли, связанные с цифровизацией управления, повышением энергоэффективности, развитием «зелёной» экономики и рациональным использованием водных ресурсов. Делается вывод о том, что достижение энергетической независимости является результатом последовательной государственной политики, направленной на наращивание генерирующих мощностей, модернизацию существующей инфраструктуры, развитие малой гидроэнергетики и реализацию стратегических гидроэнергетических проектов.

Ключевые слова: Таджикистан; гидроэнергетика; энергетическая независимость; энергетическая безопасность; электроэнергетика; Рогунская ГЭС; Сангтудинская ГЭС; малая гидроэнергетика; модернизация; реконструкция; энергетическая инфраструктура; индустриализация; устойчивое развитие; водные ресурсы; региональное энергетическое сотрудничество.

После распада СССР и приобретения государственной независимости Республика Таджикистан оказалась в сложных социально-экономических условиях. Разрыв ранее сложившихся хозяйственных связей, сокращение поставок топлива и энергоносителей, падение промышленного производства и последствия гражданского противостояния существенно осложнили функционирование национального энергетического комплекса. Особенно остро эти процессы проявились в электроэнергетике, которая в новых условиях должна была одновременно обеспечивать текущие потребности населения и экономики и создавать основу для последующего восстановления страны [3, с. 12].

В первые годы независимости существовавшая транспортно-энергетическая схема показала свою уязвимость. Существенно выросли расходы по доставке энергоносителей, снизилась устойчивость межгосударственных энергетических связей, а горные и отдалённые районы столкнулись с дополнительными трудностями энергоснабжения. Вместе с тем именно независимость поставила вопрос о более полном использовании внутренних ресурсов, прежде всего огромного гидроэнергетического потенциала республики. В научной литературе того периода подчёркивалась необходимость поиска новых форм управления энергетикой, повышения эффективности использования ресурсов и укрепления энергетических связей внутри страны [4, с.124].

Энергетический комплекс Республики Таджикистан имеет особое значение для устойчивого развития экономики, решения социальных задач и расширения экономического взаимодействия со странами Центральной Азии. Природной основой гидроэнергетики являются многочисленные реки, значительная часть которых формируется за счёт ледникового и снегового питания. К крупнейшим водным артериям относятся Амударья, Сырдарья, Вахш, Зеравшан, Кафарниган, Пяндж и их многочисленные притоки. Ещё в советский период на территории республики были созданы Нурекская, Кайраккумская, Байпазинская, Головная, каскад Варзобских ГЭС и другие гидроэлектростанции. Тем самым была сформирована материальная база, которая в годы независимости стала важнейшим элементом национальной энергетической системы [22].

В то же время развитие отрасли не может рассматриваться только как наращивание объёмов производства электроэнергии. Мировой опыт показывает, что энергетическое производство связано с экологическими последствиями, а потому современная энергетическая политика должна учитывать вопросы рационального природопользования, технологической эффективности и перехода к возобновляемым источникам энергии [5, с.9]. Для Таджикистана это обстоятельство имеет особое значение: гидроэнергетика одновременно выступает экономическим ресурсом, фактором энер-

гетической безопасности и частью более широкой системы использования водных ресурсов Центральной Азии.

На первом этапе независимости энергетическая отрасль в значительной мере опиралась на запас устойчивости, сформированный ранее. Однако кризис 1990-х годов привёл к сокращению производства, снижению платёжеспособности предприятий и населения, ухудшению технического состояния оборудования. Производственные мощности многих предприятий использовались лишь частично, а дефицит электроэнергии в отдельные периоды достигал значительных размеров. В этих условиях население и малый бизнес всё шире использовали электроэнергию для домашнего производства, хлебопечения, переработки сельскохозяйственной продукции и других видов деятельности, что дополнительно увеличивало нагрузку на энергосистему [8, с. 167].

Особую тревогу вызывало состояние действующих генерирующих мощностей. Оборудование Нурекской и Кайраккумской ГЭС, Вахшского и Варзобского каскадов нуждалось в ремонте и модернизации. Поэтому наряду со строительством новых объектов уже в первые годы независимости стала очевидной необходимость реконструкции существующих гидроэлектростанций, восстановления электрических сетей, внедрения современных средств связи, телемеханики и управления [6]. В дальнейшем это направление стало одной из устойчивых составляющих государственной энергетической политики.

Важным ответом на энергетические трудности стало развитие малой гидроэнергетики. Для горных районов, где строительство протяжённых линий электропередачи было экономически затруднено, локальные ГЭС имели не только хозяйственное, но и социальное значение. Были разработаны программы использования потенциала малых и средних водотоков, предполагавшие строительство электростанций в удалённых населённых пунктах. В рамках Программы развития малых ГЭС на 2007-2020 гг. намечалось сооружение большого количества таких объектов, прежде всего в горных районах [9, с.59].

Развитие малой энергетики сопровождалось формированием нормативно-правовой и инвестиционной базы. В стране принимались законодательные акты об инвестициях и энергетике, утверждались правительственные решения по развитию малой гидроэнергетики. Важным шагом стало принятие Концепции развития отраслей топливно-энергетического комплекса Республики Таджикистан на период 2003-2015 гг. В реализации проектов участвовали государственные структуры, энергетические предприятия и международные организации. В Горно-Бадахшанской автономной области строительство малых станций осуществлялось, в частности, с участием Фонда Ага Хана. Эти меры способствовали расширению локаль-

ного энергоснабжения и снижению зависимости удалённых районов от централизованных сетей [7, с. 10].

В научных и практических материалах начала 2000-х годов развитие энергетики связывалось с несколькими взаимосвязанными задачами: объективной оценкой имеющихся ресурсов, определением приоритетного энергетического ресурса, ориентацией отрасли на внутренний и внешний рынки, формированием инвестиционной политики и реформированием системы управления [1, с.3]. Для Таджикистана основным базовым ресурсом закономерно выступила гидроэнергетика, поскольку именно водные ресурсы создавали наиболее реальные возможности для долгосрочного роста производства электроэнергии.

После достижения мира и национального согласия векторы энергетической политики начали последовательно увязываться с национальными стратегическими целями. Так, в Послании Президента Республики Таджикистан Парламенту страны от 20 апреля 2006 года восстановление и развитие государства рассматривались в контексте укрепления независимой государственности и решения ключевых социально-экономических задач [16]. В последующие годы достижение энергетической независимости закрепились как одно из приоритетных направлений государственной политики.

Важным этапом стало возобновление крупных гидроэнергетических проектов. Строительство Рогунской ГЭС и Сангтудинских гидроэлектростанций, остановленное в кризисный период, вновь приобрело стратегическое значение. В материалах и исследованиях того времени Рогунская ГЭС рассматривалась не только как масштабный гидроузел, но и как средство регулирования водного режима, расширения возможностей национальной энергосистемы и будущего экспорта электроэнергии. Сангтудинская ГЭС-1, в свою очередь, стала одним из наиболее значимых проектов сотрудничества Таджикистана с Российской Федерацией [19; 6].

В ежегодных Посланиях Президента Республики Таджикистан вопросы энергетики последовательно занимали особое место. В Послании 2008 года подчёркивалось, «что строительство Рогунской ГЭС было начато ещё в советское время и к моменту прекращения работ на объекте уже был выполнен значительный объём строительно-монтажных работ» [17]. В этот же период были активизированы работы по вводу в эксплуатацию Сангтудинской ГЭС-1, строительству Сангтудинской ГЭС-2 и развитию малых электростанций. Тем самым энергетическая политика стала переходить от антикризисных мер к последовательному наращиванию и обновлению мощностей.

Рогунская ГЭС постепенно заняла центральное место в системе мер по достижению энергетической независимости. В Послании 2009 года строительство этого объекта связывалось с будущим страны, энергетиче-

ской безопасностью и снижением зависимости от импорта энергоносителей [18]. Вместе с тем развитие Рогуна сопровождалось вопросами финансирования, международной экспертизы, экологической и социальной оценки проекта. Это подчёркивает комплексный характер гидроэнергетического строительства, которое затрагивает не только производство электроэнергии, но и инвестиционные, водохозяйственные и межгосударственные отношения.

Наряду с крупными стройками продолжалось развитие малой энергетики. К концу 2000-х годов в стране были построены сотни малых гидроэлектростанций, позволивших улучшить энергоснабжение горных населённых пунктов. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 февраля 2009 года № 73 была предусмотрена перспективная программа строительства малых и средних электростанций на период до 2020 года. Её реализация предполагала поэтапное создание новых мощностей и более полное использование гидроэнергетического потенциала малых рек [8; с.98].

Следующий этап характеризовался сочетанием строительства новых объектов и реконструкции действующих станций. В 2010-е годы особое внимание уделялось Нурекской и Кайраккумской ГЭС, Вахшскому и Варзобскому каскадам, а также развитию электросетевой инфраструктуры. Необходимость модернизации объяснялась длительными сроками эксплуатации оборудования и ростом требований к надёжности энергоснабжения. В Посланиях Президента Республики Таджикистан подчёркивалось, «что изношенность оборудования действующих ГЭС требует системных инвестиционных решений» [17; 12].

В 2014-2016 гг. энергетическая инфраструктура страны продолжала расширяться. Были введены новые мощности Сангтудинской ГЭС-2 и ТЭЦ «Душанбе-2», продолжались проектные работы по ряду гидроэнергетических объектов. Одновременно началось техническое перевооружение отдельных действующих станций. Эти меры имели принципиальное значение, поскольку позволяли диверсифицировать источники производства, повысить надёжность энергосистемы и постепенно уменьшать сезонный дефицит электроэнергии.

К 2017 году в энергоснабжении страны произошёл заметный перелом: в осенне-зимний период стало возможным обеспечивать отрасли экономики, социальную сферу и население электроэнергией без прежних масштабных ограничений. В 2018 году был введён в действие первый агрегат Рогунской ГЭС. Это событие имело не только производственное, но и политико-экономическое значение, поскольку непосредственно связывалось с реализацией стратегической цели энергетической независимости

[13]. В том же году в высокогорных районах продолжалось развитие локальной гидроэнергетики.

Развитие гидроэнергетики тесно связано с ускоренной индустриализацией страны. Рост промышленного производства требует устойчивой и доступной энергетической базы. Поэтому увеличение генерирующих мощностей, реконструкция ГЭС и развитие сетей создают условия не только для покрытия бытового спроса, но и для размещения новых промышленных предприятий. Энергетическая независимость в этом смысле выступает не изолированной отраслевой задачей, а важнейшей предпосылкой структурного преобразования национальной экономики.

Современный этап развития отрасли отличается более тесной связью энергетического сектора с цифровизацией, «зелёной» экономикой и повышением эффективности управления. В Послании Президента Республики Таджикистан от 28 декабря 2024 года было отмечено продвижение страны по пути цифровизации национальной экономики и одновременно продолжение модернизации крупных гидроэнергетических объектов. В этот период велись работы по реконструкции Нурекской и Кайраккумской ГЭС, строительству Себзорской ГЭС, а также продолжалось масштабное строительство Рогунской ГЭС [11].

Реконструкция Кайраккумской ГЭС показывает значение технического перевооружения уже существующих активов. Обновление оборудования позволяет увеличить установленную мощность без создания нового крупного водохранилища и одновременно повысить техническую надёжность станции. Аналогичный подход применяется при реконструкции Нурекской ГЭС. Таким образом, современная энергетическая политика объединяет два направления: строительство новых мощностей и продление эффективного срока эксплуатации действующих объектов.

В Послании Президента Республики Таджикистан от 16 декабря 2025 года энергетическая проблематика вновь была включена в систему задач устойчивого социально-экономического развития [15]. К этому времени рост производства электроэнергии, модернизация станций и ускорение строительства Рогунской ГЭС сформировали качественно иную ситуацию по сравнению с началом 1990-х годов. Если в первые годы независимости главной задачей было удержание энергосистемы от дальнейшего спада и обеспечение минимальных потребностей населения, то современная политика ориентирована на наращивание генерирующих мощностей, повышение надёжности, эффективности и экспортного потенциала.

При этом Рогунская ГЭС сохраняет ключевое значение. Завершение её строительства должно существенно увеличить возможности национальной энергосистемы, укрепить устойчивость снабжения внутреннего рынка и расширить экспорт электроэнергии. В официальных выступлениях подчёркивается необходимость соблюдения высокого качества строительных

работ, безопасности, современных технических требований, а также защиты жизни и здоровья работников. Для гидроузла такого масштаба эти требования являются принципиальными, поскольку надёжность Рогунской ГЭС непосредственно связана с энергетической и экономической безопасностью страны [11].

Гидроэнергетическая политика Таджикистана имеет и региональное измерение. В советский период вопросы распределения водных и энергетических ресурсов решались внутри единой хозяйственной системы, тогда как после образования независимых государств они приобрели межгосударственный характер. Это требует сочетания национальных интересов с развитием взаимовыгодного сотрудничества, согласованием режимов водно-энергетических систем и расширением региональной торговли электроэнергией. В перспективе комплексное освоение ресурсов Вахша, Пянджа, Зеравшана, Кафарнигана и других рек способно обеспечить как внутренние потребности, так и экспортные возможности страны [8, с. 22].

Важно подчеркнуть, что развитие гидроэнергетики имеет непосредственное социальное значение. Стабильное электроснабжение улучшает условия жизни населения, расширяет возможности образования, здравоохранения и малого предпринимательства, способствует созданию рабочих мест и снижению инфраструктурных различий между регионами. Особенно наглядно это проявляется в горных районах, где малые гидроэлектростанции в своё время стали одним из наиболее практичных способов обеспечения удалённых населённых пунктов энергией.

Таким образом, развитие гидроэнергетики Таджикистана в период государственной независимости прошло несколько взаимосвязанных этапов. Первый был связан с преодолением последствий распада единой энергетической системы и глубокого экономического кризиса. Вторым характеризовался формированием национальной нормативно-правовой и инвестиционной базы, развитием малой гидроэнергетики и возобновлением крупных проектов. На третьем этапе основное внимание было сосредоточено на строительстве Рогунской ГЭС и Сангтудинских гидроэлектростанций, реконструкции действующих мощностей и укреплении сетевой инфраструктуры. Современный этап объединяет дальнейшее наращивание генерирующих мощностей с цифровизацией управления, развитием «зелёной» экономики, техническим перевооружением объектов и подготовкой к более активному участию Таджикистана в региональном энергетическом рынке.

Проведённый анализ показывает, что достижение энергетической независимости является результатом длительной и последовательной государственной политики. Значение гидроэнергетики выходит далеко за пределы самой отрасли: она формирует условия для индустриализации, устойчивого экономического роста, повышения качества жизни населения

и укрепления национальной безопасности. Дальнейшая эффективность этого направления будет зависеть от своевременного завершения строительства стратегических объектов, модернизации действующих ГЭС, рационального использования водных ресурсов, привлечения инвестиций и соблюдения современных требований безопасности и экологической устойчивости.

Литература

1. Авазов Т., Петров Г. Гидроэнергетика Таджикистана // Народная газета. – 2003. – 23 янв. (№ 4). – С. 3.
2. Аджиев Т. А. Энергетический фактор в международных отношениях стран СНГ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Аджиев Тамерлан Алиевич; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – М., 2005. – 179 с.
3. Ахмадов Х. История электричества Истаравшана // Неру (Энергия). – 2004. – № 2. – С. 14-22.
4. Ахророва А.Д., Аминджонов Р.М., Доронкин К.А. Современные тенденции и перспективы устойчивого развития. Энергетика Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 238 с.
5. Безруких П.П., Стребков Д.С. Нетрадиционная возобновляемая энергетика: состояние и ближайшая перспектива // Малая энергетика. – М.: ВИЭСХ, 2002. – № 1. – С. 5-18.
6. Валомат-Заде Т.Г. О некоторых мировых тенденциях в энергетической политике Республики Таджикистан // Неру (Энергия). – 2005. – № 1. – С. 18-24.
7. Леонидова Н., Фролов В. Гидроэнергетика Таджикистана // Научно-аналитический вестник ТНЦ. – Душанбе, 2005. – № 3. – С. 8-14.
8. Маликов М.Х. Энергетическая независимость Таджикистана: история, проблемы и перспективы: монография / М.Х. Маликов; М-во образования и науки РТ, Таджикский нац. ун-т. – Душанбе: Эр-граф, 2013. – 215 с.
9. Нурмахмадов Ч.Н. Барки обии Тоҷикистон: захираҳо ва нақшаҳо = Гидроэнергетика Таджикистана: запасы и планы. – Душанбе: Эҷод, 2005. – 160 с.
10. Нурмухамедов Д.Н. Гидроэнергетика Таджикистана: ресурсы и перспектива. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 188 с.
11. Рахмон Э. Выступление Президента Республики Таджикистан на встрече со строителями Рогунской гидроэлектростанции (28.09.2024) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: <https://president.tj> (дата обращения: 06.08.2026).
12. Рахмон Э. Послание Лидера нации, Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан (20.01.2016) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: president.tj (дата обращения: 05.08.2026).
13. Рахмон Э. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан (26.12.2018) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: <https://president.tj> (дата обращения: 06.08.2026).
14. Рахмон Э. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики (28.12.2024) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: <https://president.tj> (дата обращения: 06.08.2026).

15. Рахмон Э. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики (16.12.2025) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: <https://president.tj> (дата обращения: 05.08.2026).
16. Рахмон Э. Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны (20.04.2006) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: <https://president.tj> (дата обращения: 06.08.2026).
17. Рахмон Э. Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны (15.04.2008) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: <https://president.tj> (дата обращения: 06.08.2026).
18. Рахмон Э. Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны (15.04.2009) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: president.tj (дата обращения: 05.08.2026).
19. Рахмон Э. Речь Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона на церемонии начала строительства Сангтудинской ГЭС-2 // Неру (Энергия). – 2006. – № 1-4. – С. 4-11.
20. Тилоев В. Программы реализуются // Энергетика и промышленность / Министерство энергетики и промышленности РТ. – Душанбе, 2009. – № 4. – С. 12-15.
21. Хотамов Н.Б. Социально-экономические преобразования Республики Таджикистан в период суверенитета (1991–2006 гг.). – Душанбе: Дониш, 2006. – 312 с.
22. Экономическая характеристика Таджикистана. Экономическая география по классификации Международной Ассоциации энергетиков: статистический сборник / отв. ред. С.К. Негматов. – Душанбе: Статистика, 2004. — 112 с.

HYDROPOWER DEVELOPMENT IN TAJIKISTAN DURING THE YEARS OF STATE INDEPENDENCE: STAGES OF DEVELOPMENT AND PATHWAYS TO ACHIEVING ENERGY INDEPENDENCE

Artykov Abdurafik Abdramanzhanovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General and National History
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzode, 30
Ph.: (+992) 907 98 61 71 (m.)
rafick_rtsu@mail.ru

The paper investigates the development of hydropower engineering in the Republic of Tajikistan during the period of state independence and analyzes its role in achieving the country's energy independence. It examines the main stages in the formation of the national energy complex after the collapse of the USSR, the challenges faced by the electric power industry amid the socio-economic crisis of the 1990s, the development of small-scale hydropower, and the establishment of the regulatory, legal, and investment framework of the sector. Particular

attention is paid to the resumption and implementation of large-scale hydropower projects, primarily the Rogun HPP and the Sangtuda hydroelectric power plants, as well as the rehabilitation and modernization of existing energy facilities. The study analyzes the significance of hydropower for ensuring energy security, sustainable economic growth, and accelerated industrialization of the country. It demonstrates the correlation between the development of energy infrastructure and the improvement of the population's quality of life, alongside the expansion of regional cooperation and Tajikistan's export potential. Modern trends in the industry's development are considered, including the digitalization of management, energy efficiency improvement, the advancement of a "green" economy, and the rational use of water resources. It is concluded that achieving energy independence is the result of a consistent state policy aimed at expanding generating capacities, modernizing existing infrastructure, developing small-scale hydropower, and executing strategic hydropower projects.

Keywords: Tajikistan; hydropower; energy independence; energy security; electric power industry; Rogun HPP; Sangtuda HPP; small hydropower; modernization; reconstruction; energy infrastructure; industrialization; sustainable development; water resources; regional energy cooperation.

ГИДРОЭНЕРГЕТИКАИ ТОЧИКИСТОН ДАР СОЛҲОИ ИСТИҚЛОЛИЯТИ ДАВЛАТӢ: МАРҲИЛАҲОИ РУШД ВА РОҲҲОИ РАСИДАН БА ИСТИҚЛОЛИЯТИ ЭНЕРГЕТИКӢ

Артиқов Абдурафиқ Абдраманҷонович

номзади илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 907 98 61 71 (м.)
rafick_rtsu@mail.ru

Дар мақола раванди рушди гидроэнергетикаи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи истиқлолияти давлатӣ ва нақши он дар заминаи дастбӣ ба истиқлолияти энергетикӣ кишвар мавриди пажӯҳиш қарор гирифтааст. Марҳалаҳои асосии ташаккули маҷмаи энергетикӣ миллӣ пас аз пошхӯрии Иттиҳоди Шӯравӣ (СССР), мушкилоти соҳаи электроэнергетика дар шароити бӯҳрони иқтисодии солҳои 1990-ум, рушди гидроэнергетикаи хурд ва таҳияву ташаккули заминаҳои меъёрию ҳуқуқӣ ва сармоягузори соҳа баррасӣ мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба эҳё ва татбиқи лоиҳаҳои бузурги гидроэнергетикӣ, пеш аз ҳама НБО-и Роғун ва неруғоҳҳои барқи обии Сангтӯда, инчунин таҷдиду азнавсозии иншооти энергетикӣ амалкунанда зоҳир шудааст. Аҳамияти гидроэнергетика дар таъмини амнияти энергетикӣ, рушди устувори иқтисодӣ ва саноаткунории босуръати кишвар таҳлил мегардад. Робитаи мутақобилаи рушди зерсохтори (инфрасохтори) энергетикӣ бо баланд бардоштани сатҳи сифати зиндагии аҳоли, тавсеаи ҳамкориҳои минтақавӣ ва иқтисодии содиротии Тоҷикистон нишон дода шудааст. Самтҳои муосири рушди соҳа, ки бо рақамикунории идоракунии баланд бардоштани

самаранокии энергия, рушди иқтисоди «сабз» ва истифодаи оқилонаи захираҳои об алоқаманданд, мавриди баррасӣ қарор мегиранд. Хулоса бароварда мешавад, ки ноил шудан ба истиқлолияти энергетикӣ натиҷаи сиёсати пайвастаи давлатӣ мебошад, ки ба афзун намудани иқтидорҳои тавлидӣ (генератсия), таҷдиди инфрасохтори мавҷуда, рушди гидроэнергетикаи хурд ва татбиқи лоиҳаҳои стратегии гидроэнергетикӣ нигаронида шудааст.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон; гидроэнергетика; истиқлолияти энергетикӣ; амнияти энергетикӣ; электроэнергетика; НБО-и Роғун; НБО-и Сангтӯда; гидроэнергетикаи хурд; навсозӣ; бозсозӣ; инфрасохтори энергетикӣ; саноатикунонӣ; рушди устувор; захираҳои обӣ; ҳамкориҳои минтақавии энергетикӣ.

УДК 130.2:321.011(575.3)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Диноршоева Зарина Мусоевна

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела истории философии
Институт философии и права
имени А.М. Баховаддинова

Национальная академия наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 33
Тел.: (+992) 902 22 28 86 (м.)

В статье автор обращает внимание на раскрытие сущности и содержания понятия независимости с политико-правовой и философской точек зрения, на основе чего приходит к выводу об относительности этого понятия и явления, что подтверждается и рядом существующих в политологии подходов к этому вопросу. В современном мире экономическая и информационная взаимозависимость государств еще более усиливается, увеличиваются международные политические и правовые обязательства между государствами, что лишает их абсолютной независимости. Одной из основ независимости, в том числе и государственной, автор считает культурное бытие народа, нации, включающее язык, фольклор, традиции, религиозно-философскую рефлексии. Укрепление и сохранение своей культуры, обеспечивающей народу свою идентичность, нуждается в защите путем принятия превентивных мер от деструктивного влияния иных, чуждых идеологий. В работе детально рассмотрены ключевые причины, социокультурные функции и общественно-политическая значимость официального празднования Дня независимости. Этот праздник выступает важнейшим инструментом укрепления «национального духа», являющегося базовым элементом культуры. Также в тексте ведется глубокое аналитическое рассуждение о национальной философии и самобытной философской традиции как о высшем проявлении культурного бытия суверенного народа.

Ключевые слова: независимость; политика; культура; культурное бытие народа; нация; народ; национальный дух; самосознание; идентичность; историческая память; язык; национальная философия; национальная философская традиция.

Когда мы говорим о государственной независимости, мы, в первую очередь, имеем в виду международно-правовое состояние государства, при котором оно самостоятельно определяет свою внешнюю и внутреннюю политику. Это значит, что государство способно самостоятельно ставить

перед собой и своими гражданами определенные цели и задачи в любых отраслях жизнедеятельности общества, определять приоритеты развития и самостоятельно решать свои внутренние и внешние задачи. Отсюда следует, что независимым государство может быть при условии признания его другими государствами субъектом международного права, поэтому независимость — это политико-правовое состояние государства в международной системе. Этот аспект раскрывает сущность и содержание независимости как политико-правовой категории.

Но что же представляет собой независимость с точки зрения ее философского осмысления? На мой взгляд, понятие независимости, прежде всего, является некоей идеей, подобно идее свободы, равенства, справедливости, которые, реализуясь и обретая политико-правовой характер, становятся относительными. Конечно, формально в международном праве независимость признается полной и равной для всех государств, и это закреплено в Уставе ООН. Но всем понятно, что это утверждение имеет относительный характер. Возникает вопрос: чем обусловлена относительность независимости, в том числе и государственной?

На мой взгляд, на этот вопрос можно ответить посредством всеобщего философского принципа о всеобщей связи, взаимозависимости и взаимообусловленности всех явлений. Что здесь имеется в виду? Государства, народы, общества, для того чтобы существовать и развиваться, а главное — удовлетворять свои потребности, объективно нуждаются друг в друге, а именно: они ради достижения своих внутренних и внешних целей, удовлетворения потребностей начинают взаимодействовать между собой. Соответственно, между ними в процессе этого взаимодействия формируются взаимоотношения — политические, экономические, культурные, на основе чего формируются взаимосвязи, взаимодействие, взаимное общение. Это обуславливает их зависимость друг от друга, что объективно ограничивает их независимость, придавая ей относительный характер.

Поэтому в связи с тем, что любая страна в той или иной степени включена в мировую систему как политически, так и экономически, она не может быть абсолютно независимой. Следовательно, независимость всегда относительна, и её уровень меняется в зависимости от политической, экономической, военной, технологической мощи государства.

В философии и политологии существует ряд теорий и подходов, исследующих вопрос об абсолютной и относительной независимости: классический реализм, структурный реализм, либерализм, марксизм, конструктивизм и т.д., которые в основном признают идею о том, что независимость относительна. Но является ли относительность независимости абсолютной? Конечно, нет. В любой относительности существует элемент абсолютности, то есть существует некий устойчивый фактор, сохраняющий

независимость в качестве таковой. И этот фактор, на мой взгляд, — культурологический.

Каковы же культурологические факторы независимости?

Во-первых, это национальная идентичность и самосознание народа, наличие собственной культуры и культурной традиции, которая исторически формировалась и развивалась; наличие национального языка и исторической памяти, научного и религиозно-духовного наследия, которые формируют коллективную идентичность и укрепляют дух народа. Конечно, когда я использую понятие «национальный дух» или «дух народа», я понимаю, что в качестве философской категории оно не признано и не закреплено. Но под этим понятием – понятием национального духа – я имею в виду тот стержень, ту опору либо механизм, который позволяет выживать народу, не ассимилироваться, не исчезнуть в любых условиях. К примеру, наш таджикский народ после падения государства Саманидов веками находился под управлением тюркских династий, но благодаря культуре, сохранившей этнический дух таджиков, а именно благодаря культурному бытию таджикский народ, сохранил свою идентичность, историческую память и самосознание.

Во-вторых, составляющими национального духа, обуславливающими независимость народа и нации, являются своеобразная ментальность народа, чувство патриотизма, любовь к Родине, гордость за свой народ и его достижения, которые обеспечивают культурную независимость народа, а следовательно, и государственную независимость. Именно эти факторы обеспечивают устойчивость государственной независимости изнутри. Ведь понятно, что угрозы государственной независимости существуют всегда, но пока внутренние устои государства крепки, государственную независимость сохранить намного легче.

С этой целью, а именно с целью укрепления национальной идентичности, национального сознания и самосознания, и, следовательно, укрепления государственной независимости, государствами празднуется День независимости, выполняющий ряд функций: психологически-объединительную, воспитательную, демонстративную. Понятно, что празднование как массовое и упорядоченное мероприятие, в котором задействовано огромное количество людей – как непосредственных участников, так и наблюдателей, – объединяет их, в том числе и на психологическом уровне. Это даёт массам ощущение приобщения к единому великому делу и порождает такие чувства, как гордость, радость, удовлетворение, что на определенное время отдаляет людей от их повседневных забот и рутины. В этом смысле празднование Дня независимости, как и других праздников, даёт народу чувство единения и значимости, так как на это время стираются, в определенном смысле, социальные различия. Немало-

важной и связанной с первой функцией является и воспитательная функция, которая особенно влияет на молодое поколение, являющееся основным участником празднества. Именно подобные мероприятия призваны сформировать у молодого поколения чувства гражданственности, патриотизма и национального единства. Важное значение имеет и демонстративная функция, имеющая внутреннюю и внешнюю составляющую, призванную показать самому народу величие страны, её процветание, а также продемонстрировать это мировому сообществу. Это позволяет показать государство в выгодном свете, создав для него благоприятный имидж, что может способствовать привлечению инвестиций, развитию туризма и т.д.

Таким образом, главным фактором, способствующим сохранению государственной независимости, является укрепление внутренних основ независимости, одной из которых является доверие народа к власти и государству, при отсутствии или слабости которого расшатывается и национальный дух народа. Следует сказать, что этим подтверждается факт того, что культурное бытие народа есть основа государственной независимости, что, естественно, не принижает роли политико-правовой, экономической, социальной, технологично-информационной составляющей государственной независимости. Так как мы говорим о культурной составляющей государственной независимости, следует говорить и о механизмах и мерах ее защиты в эпоху информационного давления и экспансии. В этом смысле независимыми национальными государствами, в том числе Республика Таджикистан формируются различные превентивные меры по защите и сохранению собственного культурного наследия. Еще в XVIII веке немецкий просветитель Иоганн Готфрид Гердер одним из первых связал культуру с бытием конкретных наций. Вообще эта эпоха характеризовалась становлением национальных государств в Европе, что и привлекло внимание европейских исследователей к этому вопросу. Гердер отверг идею о единой общечеловеческой культуре и показал, что каждый народ обладает своим уникальным историческим и культурным бытием, которое выражается через язык, фольклор и национальный дух [4]. Хочется добавить к факторам, определяющим культурное бытие народа, способ мышления и рефлексии, характерные для того или иного народа. В этом смысле в современном мире говорят о национальной философии и национальной философской традиции, которые, несомненно, определяют особенности культурного бытия народа. В эпоху расцвета постмодернизма и его ценностных основ, перевернувших классическое представление человечества о морали, ценностях, о роли и месте культур различных народов, появилась идея об их равнозначности, в том числе о равнозначности всех философских традиций. Спор об этом, а именно существует ли единая философия, либо можно говорить о национальных философиях, отражающих особый способ

рефлексии того или иного народа, продолжается до сих пор. Мы затронули этот вопрос по причине того, что философия как высший уровень рефлексии народа, включая в себя художественную и религиозную рефлексии, создает строгую систему знаний, определяющих духовную основу культуры народа.

Н.И. Осмонова утверждает: «Одной из насущных проблем современной философии является проблема теоретического изучения национальной философии, которая связана с переосмыслением и поиском соответствующих методологических оснований и принципов, ценностных критериев и мировоззренческих установок в условиях формирования новой теории историко-философского процесса о соотношении общего и особенного, универсального и национально-самобытного. Значимость данной проблемы еще более усиливается в связи с тем, что теоретическое изучение национальной философии, как неотъемлемой составной части мировой философии, существенно обновляет категориальный и методологический инструментарий историко-философского исследования, позволяет представить философские дискурсы в единстве их многообразия. Разработка методологии познания национальной философии – сложный и одновременно творческий процесс, поскольку сама методология – это не источник готовых ответов и решений, а средство их поиска. В этой связи попытка теоретического исследования проблемы национальной философии представляет собой стремление обогатить методологию познания философии, разрабатывающую и формирующую различные принципы, методы и способы на основе постоянно развивающейся и меняющейся общественно-исторической практики и самого историко-философского процесса» [15, с. 151].

Что касается понятия «национальная философская традиция», которое также обсуждается в современном философском сообществе, то достаточно полное описание этого понятия дано А.В. Соколовым и Л.Е. Яковлевой: «... Преемственная связь философских учений в рамках национального философского сообщества, независимо от степени осознания этого момента самим философствующим субъектом, выражается в проблематике, в её понятийно-категориальном наполнении, в содержательной интерпретации понятий и категорий... в подходах к решению проблем, в типичных для данного сообщества способах выражения философского знания, в языке изложения, в жанровых особенностях философских произведений и т.д. ... Философские традиции могут испытывать различные превращения. Они могут возникать (формироваться), распадаться, прерываться, они могут воздействовать одна на другую и взаимодействовать друг с другом» [16, с.39]. Таким образом, национальный характер философской традиции придают способы, механизмы, стиль, формы передачи философского знания

из поколения в поколение, и эти способы и механизмы освоения, осмысления, рефлексии, решения проблем и т.д. преемственны, то есть также передаются из поколения в поколение, приобретая устойчивый характер. В этом смысле философская традиция существует в рамках социокультурного, социально-политического, морально-аксиологического пространства определенной нации, но в определенные моменты может отставать от исторического развития этих общественных сфер ввиду приобретения устойчивых черт, закрепляющихся в создавшихся парадигмах. Но процесс изменения и развития объективен и непрерывен, поэтому рано или поздно любая национальная философская традиция вбирает в себя новые способы, механизмы и формы постановки, осмысления проблем и передачи знаний под воздействием межкультурного влияния. Мы согласны с тем, что «национальная философия – идея, которая воплощает высшую форму проявления национального самосознания, то есть выражение «духа народа» или «идеи народа». Она связана с менталитетом, культурой, национальной картиной мира и типичной для данного сообщества иерархией ценностей, задающей критерии национальной и культурной идентичности. «Дух народа», или «идея народа» – это понятие-символ, означающее совокупность специфических черт и особенностей, характеризующих менталитет, образ мышления, культуру, духовные искания, гуманистические идеалы того или иного народа на протяжении всей его истории, движущейся в русле конкретных социокультурных и этнических традиций. Содержание его раскрывается в различных аспектах и связях через понятия «судьба народа», «национальная история», «национальное самосознание», «национальная культура», «национальная картина мира», «национальная традиция», «национальная идеология». Национальная философия, таким образом, как духовный, социокультурный и этнопсихологический феномен глубочайшим образом выражает «душу» конкретного народа, его ценности и идеалы, самосознание в различные периоды развития. Ее предметом, в отличие от общественно-политической мысли, является совокупность тех специфических идей, которые отражают сложную и многоуровневую систему архетипов сознания, и устойчивых ментальных и мировоззренческих установок конкретного народа» [15, с.152].

Следовательно, если «национальная философия» – это дух народа, то «национальная философская традиция» является механизмом сохранения, закрепления и передачи этого духа другим поколениям. Даже если национальная философская традиция подвергается влиянию извне, она адаптирует это «вобранное» под свой национальный дух. Таким образом, если культура и культурное бытие являются одной из основ независимости нации, в том числе государственной независимости, то основой самого культурного бытия является способ мышления и рефлексии народа, фор-

мирующийся исторически и впитывающий политико-экономические и социокультурные особенности региона, что характеризует особенности данного народа и его культуры.

Таким образом, культура народа, формирующаяся на основе национального языка, исторической саморефлексии и общности, художественно-религиозного, рационально-философского и научного отражения мировых явлений, определяющих единую духовную основу народа или нации, становится одной из значимых основ его независимости.

Литература

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Культурная идентичность в условиях глобализации: контуры цивилизационного диалога // Вестник славянских культур. – 2015. – Т. 36. – № 2. – С. 9-22.
2. Акмалова М.А. Становление и развитие политической независимости Республики Таджикистан. – Худжанд, 2010. – 212 с.
3. Ботоева Ч.К., Жаркынбаев Т.Ж. О концепции независимости и суверенитета в контексте конституционных реформ [Электронный ресурс] // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. – 2024. – № 2. – С. 196–201. – URL: <https://ilim.uia.gov.kg/index.php/main/article/view/434> (дата обращения: 17.07.2026).
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – Электронная библиотека Института философии РАН: [сайт]. – URL: <https://iphlib.ru/> (дата обращения: 04.07.2026).
5. Грачев Н.И. Государственный суверенитет как политико-правовой феномен: философские и теоретико-методологические основания // Вестник Волгоградского государственного университета. - Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 1(16). – С. 7-16.
6. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие конституционализма в современную эпоху // Журнал конституционного правосудия. – 2017. – № 3 (57). – С. 1-13.
7. Иванова М.И. Становление и развитие политико-философской школы республиканизма [Электронный ресурс]// Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 12. – С. 38–44. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-politiko-filosofskoy-shkoly-respublikanizma> (дата обращения: 28.07.2026).
8. Каримзода И.Х. Роль государственной независимости в укреплении новой государственности. // Вестник Таджикского национального университета. – 2022. – № 2. – С. 45-51.
9. Каримова М.А. Понятие национальной независимости и государственного суверенитета [Электронный ресурс]// Вестник Педагогического университета. – 2015. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 17.07.2026).
10. Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки. [Электронный ресурс]// Полис. Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 149–167. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kontseptologiya-pervye-itogi-razrabotki-2> (дата обращения: 28.07.2026).

11. Маликов М.Х. Преимущества независимости и суверенитета для Таджикистана. // Вестник Таджикского национального университета. – 2021. – № 3. – С. 112-119.
12. Мамедов А.А. Национальная философия: теоретико-методологические основания // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (22). – С. 102-110.
13. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации: монография. – М.: Проспект, 2015. – 400 с. – ISBN 978-5-392-16447-9.
14. Михайлова Р.В. Праздник как фактор консолидации общества и репрезентация «национального духа» // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 138-142.
15. Осмонова Н.И. Теоретические проблемы изучения национальной философии [Электронный ресурс] // Вестник КРСУ. – 2009. – Т. 9, № 6. – С. 149-154. // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: [сайт]. – URL: elibrary.ru (дата обращения: 14.07.2026).
16. Соколов А.В., Яковлева Л.Е. Национальная философия и взаимодействие философских традиций [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. - Серия 7. Философия. – 2003. – № 6. – С. 34-48. // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-moskovskogo-universiteta-seriya-7-filosofiya> (дата обращения: 14.07.2026).
17. Терентьева Л.В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов [Электронный ресурс] // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-suvereniteta-gosudarstva-v-usloviyah-globalizatsionnyh-i-informatsionno-kommunikatsionnyh-protsessov> (дата обращения: 17.07.2026).
18. Хабибулин А.Г., Морозов И.Л. Государственный суверенитет в эпоху информационно-коммуникационных войн // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 2. – С. 81-86.
19. Холназаров Б.М. Особенности приобретения национальной независимости в Таджикистане и пути ее укрепления. // Вестник Таджикского национального университета. – 2023. – № 5. – С. 88-94.
20. Шарипов Ф.А. К вопросу о государственной независимости Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. – 2016. – № 3/3 (202). – С. 12-16.
21. Шарифзода А. Государственная независимость и ее значение. // Вестник Таджикского национального университета. – 2021. – № 4. – С. 15-22.

CULTUROLOGICAL ASPECTS OF INDEPENDENCE

Dinorshoeva Zarina Musoevna

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher of the Department of the History of Philosophy
the Institute of Philosophy and Law
after A.M. Bakhovaddinov
National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33
Ph.: (+992) 902 22 28 86 (m.)

In the presented scientific article, the theoretical, methodological, philosophical, and political-legal foundations of state independence are investigated in detail. The author pays special attention to revealing the inner essence and socio-cultural content of the concept of independence, based on which comes to a well-grounded conclusion about the relativity of this phenomenon in modern realities. In the era of globalization, the economic, technological, and information interdependence of states is rapidly increasing, and international political and legal obligations are steadily growing. These processes objectively deprive modern countries of absolute, isolated independence. The author identifies the cultural existence of a nation and people, including a unique national language, folklore, centuries-old traditions, and religious-philosophical reflection, as the fundamental basis of sovereignty. The strengthening and preservation of a distinctive culture that provides society with a historical identity is in urgent need of preventive protection against the destructive external influence of alien ideologies. The paper examines in detail the key causes, socio-cultural functions, and socio-political significance of the official celebration of Independence Day. This holiday acts as a crucial instrument for strengthening the "national spirit," which is a basic element of the people's culture. Furthermore, the text provides a deep analytical discussion on national philosophy and original philosophical tradition as the highest manifestation of the cultural existence of a sovereign nation.

Keywords: independence; politics; culture; cultural existence of a people; nation; people; national spirit; self-consciousness; identity; historical memory; language; national philosophy; national philosophical tradition.

ЧИҲАТҲОИ ФАРҲАНГИИ ИСТИҚЛОЛИЯТ

Диноршоева Зарина Мусоевна

доктори илмҳои фалсафа, профессор,
сарходими Шӯъбаи таърихи фалсафаи

Институти фалсафа ва ҳуқуқи
ба номи А.М. Баховаддинов

Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33

Тел.: (+992) 902 22 28 86 (м.)

Дар мақолаи илмӣ пешниҳодшуда асосҳои назариявӣ методологӣ, фалсафӣ ва сиёсӣ ҳуқуқии истиқлолияти давлатӣ ба таври муфассал тадқиқ карда шудаанд. Муаллиф ба қушодани моҳияти ботинӣ ва мазмунӣ иҷтимоӣ фарҳангии мафҳуми истиқлолият таваҷҷуҳи махсус зоҳир намуда, дар ин замина ба ҳулосаи асоснок дар бораи нисбӣ будани ин падида дар воқеияти муосир меояд. Дар давраи ҷаҳонишавӣ вобастагии мутақобилаи иқтисодӣ, технологӣ ва иттилоотӣ давлатҳо босуръат пурзӯр гардида, уҳдадориҳои байналмилалӣ сиёсӣ ва ҳуқуқӣ мунтазам меафзоянд. Ин равандҳо кишварҳои муосирро ба таври объективӣ аз истиқлолияти мутлақ ва ҷудогона маҳрум месозанд. Муаллиф ҳастии фарҳангии халқ ва миллатро, ки забони нотақрори миллий, фольклор, анъанаҳои ҷаҳониро ва тафаккури динӣ фалсафиро дар бар мегирад, ҳамчун заминаи бунёди соҳибхитӣ арзёбӣ мекунад. Мустақамкунӣ ва ҳифзи фарҳанги асолатманд, ки ба ҷомеа ҳувияти таърихӣ таъмин менамояд, ба муҳофизати пешгирикунанда (превентивӣ) аз таъсири харобиовари берунаи идеологияҳои бегона нӣзи шадид дорад. Дар асар сабабҳои асосӣ, вазифаҳои иҷтимоӣ фарҳангӣ ва аҳамияти ҷамъиятӣ сиёсӣ таҷлили расмӣ Рӯзи Истиқлолият ба таври муфассал баррасӣ шудаанд. Ин ҷашн ҳамчун воситаи муҳимтарини мустақам намудани «руҳи миллий», ки унсури заминавии фарҳанги халқ мебошад, баромад мекунад. Инчунин, дар матн дар бораи фалсафаи миллий ва суннати фалсафии миллий ҳамчун зухуроти олиӣ ҳастии фарҳангии халқ соҳибхитӣ мулоҳизаронӣ амиқи таҳлилӣ сурат гирифтааст.

Калидвожаҳо: истиқлолият; сиёсат; фарҳанг; ҳастии фарҳангии халқ; миллат; руҳи миллий; худшиносӣ; айният; хотираи таърихӣ; забон; фалсафаи миллий; суннати фалсафии миллий.

УДК 101.1:314.742(575.3)

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ
ЗА 35 ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ:
ТЕНДЕНЦИИ, ВЫЗОВЫ И ПРОГНОЗЫ**

Ульмасов Рахмон

доктор экономических наук, профессор
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 985 73 83 20 (м.)
ulmasovr@gmail.com

Статья представляет собой социально-философское осмысление тридцатипяти-летней эпохи независимости Таджикистана, рассматриваемой через призму экзистенциального и исторического опыта миграции. Автор исследует диалектику национальной трагедии и созидания, анализируя онтологическую цену гражданской войны, которая выступила катализатором тектонических демографических сдвигов. Миграция осмысливается не как сугубо экономическое явление, а как фундаментальный социальный институт и «университет жизни», трансформировавший сознание миллионов людей. Через категории мужества, ответственности и человеческого достоинства реконструируется феномен преодоления кризиса, где повседневный тяжелый труд репрезентируется как созидательный акт и базис суверенной государственности.

В контексте глобальных тенденций XXI века и формулы рынка труда автор разverteбывает философскую концепцию эволюции мигранта от субъекта стихийного отчуждения к носителю развитого человеческого капитала – демиургу современного национального пространства. Особое внимание уделяется этико-философскому измерению: за сухой статистикой переводов раскрывается феномен укорененности человека, сохраняющего ментальную связь с родиной. Статья манифестирует цивилизационный сдвиг нового столетия, обосновывая императив перехода от экзистенциального экспорта рабочей силы к осознанному воспроизводству интеллектуального потенциала. Инвестиции в образованность и профессионализм личности утверждаются в качестве высшей ценности и главного метафизического ресурса будущего страны.

Ключевые слова: миграция; трудовая миграция; Таджикистан; человеческий капитал; суверенитет; ментальная укоренённость; труд; Родина; человеческое достоинство.

Прошло тридцать пять лет со дня Государственной Независимости Республики Таджикистан. Для истории это лишь мгновение, короткий от-

резок времени. Но для человека это целая жизнь – жизнь, наполненная испытаниями, потерями, надеждами и великим трудом народа. В отличие от многих других республик бывшего Союза, Таджикистану пришлось начинать практически с нуля. Создание армии, правоохранительных органов, государственных институтов, экономики, дипломатии – всё это строилось не в мирное и спокойное время, а на руинах гражданской войны. Это были страшные годы боли, слёз и испытаний для всего народа. Но таджикский народ выстоял. Выстоял благодаря терпению, мудрости, вере и любви к Родине. Сегодня Таджикистан живёт в мире, стабильности и созидании. Над страной звучит смех детей, строятся дороги и города, развивается экономика, укрепляется авторитет государства на международной арене.

Путь к этой стабильности был оплачен невероятно дорогой ценой. Гражданская война начала 1990-х годов нанесла стране колоссальный экономический удар. Таджикистан потерял около 7 миллиардов долларов. Но за этой сухой цифрой скрываются не только разрушенные здания и потерянные годы. Это цена несбывшихся надежд миллионов людей, утраченных возможностей и замедленного развития целого поколения. Если представить, что эти средства были направлены на созидание, то на 7 миллиардов долларов можно было построить около 7 тысяч современных школ стоимостью по 1 миллиону долларов каждая или более 14 тысяч детских садов стоимостью по 500 тысяч долларов. За эти средства можно было возвести свыше 140 современных больниц стоимостью по 50 миллионов долларов каждая, обеспечить жильём сотни тысяч семей, построить тысячи километров автомобильных дорог, современные университетские кампусы, научные центры и спортивные комплексы. Но самое главное – эти средства могли стать инвестициями в человеческий капитал страны. Тысячи молодых людей получили бы качественное образование, миллионы граждан – более доступную медицинскую помощь, а экономика Таджикистана получила бы мощный импульс для развития. Гражданская война отняла у Таджикистана не только человеческие жизни и материальные ресурсы. Она отняла у страны время – самый ценный и невозполнимый ресурс. Поэтому мир, национальное единство и общественное согласие являются не только политическими ценностями, но и важнейшим условием устойчивого развития государства. Цена мира всегда несоизмеримо меньше цены войны.

Именно гражданская война стала главным катализатором массовой миграции населения Таджикистана. Она не только унесла более 150 тысяч человеческих жизней, но и заставила сотни тысяч людей покинуть свои дома в поисках безопасности, работы и будущего для своих детей. Эти 150 тысяч погибших – это словно целый город молодых, сильных и талантливых людей, стёртых с карты истории. Это будто 3 000 полностью уком-

плектованных школьных классов по 50 учеников, которые навсегда остались пустыми. Вместе с ними Таджикистан потерял тысячи будущих инженеров, учителей, врачей, учёных, родителей и миллионы неродившихся судеб.

Можно сказать, что война породила три волны потерь. Первая – это человеческие потери: более 150 тысяч погибших, большинство из которых были молодыми людьми. Эти 150 тысяч – это целый город молодых, сильных и талантливых людей, стёртый с карты истории. Вместе с ним Таджикистан потерял тысячи инженеров, учителей, врачей, ученых, родителей и миллионы нарождённых судеб. Вторая – экономические потери, оцениваемые в 7 миллиардов долларов. Третья – миграционные потери, когда страна начала терять свой самый ценный ресурс – человеческий капитал.

По существу, современная трудовая миграция Таджикистана имеет не только экономические, но и исторические корни. Именно гражданская война разрушила рынок труда, привела к закрытию многих предприятий, массовому внутреннему и внешнему перемещению населения и сформировала миграционные сети, которые впоследствии стали важным фактором роста трудовой миграции. Она стала отправной точкой крупнейших демографических и социальных изменений в истории независимого Таджикистана.

И вот один символический факт, который особенно заставляет задуматься и внушает чувство национальной гордости. В мае 2026 года Председатель Си Цзиньпин провёл важнейшие переговоры с лидерами ведущих мировых держав. В этом же ряду на самом высоком уровне был принят и глава Таджикистана. Лидера нашей нации приветствовали со всеми высшими государственными почестями – наравне с руководителями ключевых государств мира. Разве это не повод для гордости?

С 2000 по 2023 год масштабы миграции на планете увеличились с 13 миллионов до рекордных 35 миллионов человек в год. Эти данные, опубликованные в журнале Nature, основаны на самых подробных картах мировых миграционных потоков за последние три десятилетия, сообщает пресс-служба научного издательства. Авторы проанализировали перемещения населения между 230 странами и территориями с 1990 по 2023 год, обучив модель искусственного интеллекта на огромном массиве разнородных источников. ООН прогнозирует: к 2054 году в 52 странах, а к 2100 году уже в 62 странах именно иммиграция станет главным источником роста населения [22]. Это означает фундаментальный сдвиг в мировой демографической модели, где формула экономического роста всё чаще будет определяться сочетанием демографии и миграции. Формула рынка труда XXI века: демография + миграция = экономический рост. Это означает:

- Демография: естественный прирост населения, возрастная структура, уровень рождаемости.

- Миграция: компенсирует дефицит трудовых ресурсов, влияет на инновации и культурное разнообразие.

- Экономический эффект: Поддержание пенсионных систем и здравоохранения, увеличение числа занятых в ключевых секторах экономики, рост ВВП за счёт вклада мигрантов в производство и налогообложение. Мигрант не приезжает в страну с пустыми руками. Его главный капитал – это его труд. Каждый его рабочий день превращается в кирпич экономического роста государства. Трудовые мигранты создают ВВП, платят налоги, помогают решать проблему дефицита рабочей силы, поддерживают устойчивость пенсионных систем и способствуют развитию ключевых отраслей экономики. Их вклад представляет собой инвестицию не только в экономику страны происхождения, но и в благополучие принимающих государств. Вот несколько фактов:

- ✓ В Москве иностранные работники перечислили почти 32 млрд рублей налогов по патентам только за 2022 год

- ✓ В 2024 году налоговые поступления от иностранных граждан, работающих по патенту, превысили 123 млрд рублей.

- ✓ В 2025 году сумма авансовых платежей по НДФЛ за патенты составила уже 172 млрд рублей.

- ✓ Только за первые пять месяцев 2025 года в бюджеты субъектов РФ поступило более 63 млрд рублей.[5].

Таким образом, современная трудовая миграция – это уже не просто перемещение рабочей силы через границы. Это важнейший экономический институт XXI века, обеспечивающий устойчивость национальных экономик в условиях глобального демографического кризиса и усиливающейся конкуренции за человеческий капитал. Если же рассматривать весь период трудовой миграции в Россию за последние 30-35 лет, включая подоходные налоги, патентные платежи, страховые и социальные отчисления, косвенные налоги и обязательные сборы, то совокупный вклад трудовых мигрантов в российскую экономику исчисляется уже не миллиардами, а многими триллионами рублей. Официальной агрегированной статистики за весь период государственные органы России не публиковали, однако даже имеющиеся данные свидетельствуют о том, что экономический эффект миграции для России является одним из крупнейших среди факторов, обеспечивающих устойчивость рынка труда и бюджетных поступлений [10, с.74]. Ярким подтверждением этой тенденции служат современные показатели: так, Президент России Владимир Путин заявил, что «за последние полтора года миграционные процессы принесли государству 321 млрд рублей доходов. Из этой суммы более 60 млрд рублей поступило в федеральный

бюджет, а свыше 250–260 млрд рублей – в региональные бюджеты, преимущественно за счет приобретения трудовых патентов» [8].

Тридцать пять лет – это целая эпоха в жизни страны и народа. Это 12 784 дня истории, наполненных испытаниями, достижениями, надеждами и переменами. Все эти годы тема миграции оставалась одной из самых обсуждаемых в обществе. О ней говорили президенты и министры, депутаты и дипломаты, ученые и журналисты, эксперты и простые граждане. Но прежде всего историю миграции писали миллионы обычных людей – трудовых мигрантов, которые в разные годы покидали родные дома в поисках работы, достойного заработка и лучшего будущего для своих семей. Миграционный вопрос – краеугольный камень в отношениях республик Центральной Азии, оказывающий влияние на весь комплекс их международных связей. За 35 лет трудовая миграция стала крупнейшим университетом Таджикистана без единого кампуса. Его аудиториями были строительные площадки Москвы и Санкт-Петербурга, заводы и предприятия России. Через этот университет прошли 3–4 миллиона граждан Таджикистана. Они получили не дипломы, а бесценный практический опыт, профессиональные навыки, трудовую дисциплину и способность работать в условиях современной экономики [13].

Если тридцать пять лет независимости представить, как одну большую книгу, то миграция стала одной из самых значимых её глав. Если бы каждая страница этой книги рассказывала об одном дне трудовой миграции, то книга насчитывала бы более 12700 страниц. Если бы каждая страница была посвящена одной тысяче трудовых мигрантов, то для описания всех, кто прошёл эту школу, потребовалось бы несколько тысяч томов.

В масштабах этой исторической хроники миграция стала не просто экономическим явлением, а важнейшим социальным институтом. Она коренным образом изменила судьбы миллионов людей, способствовала строительству домов, развитию бизнеса, обучению детей и улучшению качества жизни многих семей. За последние 20–25 лет трудовые мигранты перевели в Таджикистан десятки миллиардов долларов. Только в 2024 году объём денежных переводов составил около 5,8 млрд долларов [5, с.116]. Эти средства стали крупнейшим негосударственным источником доходов для миллионов семей.

За эти годы таджикский мигрант пережил многое. Он стал свидетелем распада старой экономической системы, гражданской войны и послевоенного восстановления страны. Он видел финансовые кризисы, пандемию COVID-19, изменения миграционного законодательства, периоды экономического подъема и спада. Он сталкивался с трудностями адаптации, бюрократическими барьерами, непониманием и порой предвзятым отношением. Но при этом продолжал работать, поддерживать родных и

сохранять связь с родиной. Каждый день мигранта вдали от родины – это не просто рабочий день. Это настоящий университет жизни. Граждане Таджикистана изучали языки, осваивали новые профессии, знакомились с другими культурами, учились жить в условиях жесткой конкуренции и брать ответственность за судьбу своих близких.

Вместе с экономическими эпохами менялся и сам человек, кардинально изменился и образ таджикского мигранта. Носильщик с Черкизовского рынка превратился в предпринимателя, крупного бизнесмена, специалиста в строительной отрасли, инженера, врача, учёного. Кто-то получил образование, кто-то создал собственный бизнес, кто-то вошёл в политику, культуру и общественную жизнь. Сегодня выходцы из Таджикистана выступают на российских и мировых сценах, работают в международных компаниях, строят города, создают рабочие места и представляют свой народ далеко за пределами Родины. Если говорить метафорически, российский рынок труда стал для таджикской молодёжи огромным жизненным ПТУ под открытым небом, где вместо учебников были стройки, вместо лекций – тяжёлый труд, а вместо экзаменов – сама жизнь.

Тысячи молодых людей, которые когда-то уезжали без профессии, без опыта, а порой и без уверенности в завтрашнем дне, именно там научились работать руками, ценить дисциплину, понимать цену хлеба и ответственности. Кто-то освоил строительное дело, кто-то – сварку, электрику, отделочные работы, инженерные навыки, логистику, предпринимательство. Да, путь был тяжёлым. Не всё было гладко. Были трудности, унижения, бессонные ночи, холодные общежития и тоска по Родине. Но был и главный результат – школа жизни, которая закалила целое поколение.

Сегодня достаточно посмотреть на современный Таджикистан. По всей стране идёт настоящий строительный бум: возводятся жилые комплексы, школы, дороги, мосты, тоннели, предприятия, современные здания. И возникает простой вопрос: кто всё это строит? Во многом – именно те люди, которые прошли российскую трудовую школу. Те самые вчерашние мигранты, которые когда-то начинали разнорабочими на стройках Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других городов. Сегодня они возвращаются домой уже мастерами, прорабами, инженерами, предпринимателями, создателями собственного дела.

И здесь возникает очень важный вопрос для размышления: сколько десятилетий понадобилось бы Таджикистану, чтобы самостоятельно подготовить такое количество строительных кадров? Сколько нужно было бы открыть колледжей, техникумов, учебных центров? Сколько миллиардов долларов вложить в профессиональное образование?

Но главный итог этих тридцати пяти лет заключается не только в денежных переводах. Самым ценным приобретением стали люди. За годы независимости сформировалось поколение граждан, обладающих международным опытом, профессиональными навыками, знаниями современных технологий и пониманием глобального мира. Многие из них сегодня работают предпринимателями, руководителями, специалистами и инвесторами уже на родине. За тридцать пять лет Таджикистан экспортировал рабочую силу, но импортировал человеческий капитал. Главным багажом, который трудовые мигранты привезли домой, стали не чемоданы с вещами, а знания, профессии, дисциплина труда и новое видение своего будущего.

За каждым денежным переводом скрывается человеческая судьба. Это повесть об отце, который годами трудился вдали от детей ради их образования. Это летопись матери, преданно ждавшей возвращения сына. Это хроника молодых людей, которые строили планы на будущее, преодолевая тысячи километров между домом и рабочим местом. Миграция – это не только экономика. Это история человеческого достоинства, ответственности и искренней любви к своей семье. За каждой статистической единицей стоит жизнь конкретного человека. Именно поэтому главной ценностью трудовой миграции являются не денежные переводы сами по себе, а люди, которые ценой огромного труда создавали будущее своих детей и своей страны.

В конечном итоге за прошедшие десятилетия независимости таджикский мигрант прошёл путь от человека, вынужденного искать работу за границей, до важного участника экономического и общественного развития страны. Он стал связующим мостом между Таджикистаном и внешним миром, между национальной экономикой и глобальным рынком труда. Пройдя через этот колоссальный опыт, трудовой мигрант изменился сам и изменил свою страну. Он стал не только источником денежных переводов, но и носителем человеческого капитала, предпринимательского опыта и современных знаний. Его вклад измеряется не только миллиардами долларов, но и миллионами человеческих историй успеха. Поэтому главный итог миграции – это не деньги, а люди, которые стали важнейшим стратегическим ресурсом независимого Таджикистана.

Однако сегодня, когда страна преодолела последствия кризиса прошлых десятилетий, на первый план выходят задачи совершенно иного масштаба. Стихийный этап перемещения масс уступает место стратегическому планированию, где пройденный исторический опыт должен послужить основой для качественной модернизации.

Главная задача – превращение трудовой миграции в механизм накопления человеческого капитала. Перейти от экспорта рабочей силы к экспорту человеческого капитала. Государственная политика должна быть

направлена не на отправку неквалифицированных работников, а на продвижение квалифицированных специалистов, конкурентоспособных на мировом рынке труда.

Сегодня, когда мир вступает в эпоху конкуренции за человеческий капитал, всё более очевидно, что главным богатством государства являются не только природные ресурсы и инфраструктура, а люди. И среди этих людей особое место занимают трудовые мигранты – поколение, которое своим трудом помогло стране пройти через сложнейшие этапы становления независимости. Именно поэтому общественный интерес к этой теме перерос в глубокое изучение, а само изучение сегодня перерастает в конкретные государственные действия.

XX век был эпохой экспорта рабочей силы. XXI век обязан стать эпохой экспорта человеческого капитала. Главным ресурсом Таджикистана являются не полезные ископаемые и не денежные переводы сами по себе, а образованный, профессионально подготовленный человек. Инвестиции в образование трудового мигранта – это прямые инвестиции в долгосрочное будущее страны.

В последнее время мы наблюдаем существенные изменения в отношении к трудовым мигрантам как в Российской Федерации, так и во многих странах мира. Меняются подходы государственной политики, общественные настроения и требования к иностранной рабочей силе. Эти тенденции могут оказать заметное влияние на характер и тональность будущих контактов между странами, а также на развитие международного сотрудничества в сфере трудовой миграции.

Тридцать пять лет назад Таджикистан сделал исторический выбор в пользу самостоятельного и суверенного развития. Все эти годы рядом с государством были миллионы его граждан, которые, находясь далеко от родины, никогда не теряли экзистенциональной и социокультурной связи с ней. Они строили свою жизнь за тысячи километров от дома, но сердцем всегда оставались в Таджикистане. Поэтому история таджикской миграции – это не изолированная или отдельная страница истории независимости. Это её неотъемлемая, органическая часть. Это история мужества и терпения, созидательного труда и высокой личной ответственности, диалектика разлук и встреч, суровых испытаний и непреходящей надежды. Речь идёт о людях, которые на протяжении 12 784 дней независимости ежедневно вносили свой неоценимый вклад в развитие своей страны. И когда будущие поколения будут вспоминать первые 35 лет независимого Таджикистана, они обязательно вспомнят и тех, кто в далёких городах и странах своим трудом помогал строить фундамент современного государства – таджикских трудовых мигрантов. Их жизненный путь стал частью истории суверенитета, а их труд – неотъемлемым элементом национального успеха.

Переосмысление этого масштабного исторического опыта требует перехода от пассивного наблюдения за миграционными потоками к их проактивному государственному регулированию. На основе комплексного тридцатипятилетнего опыта миграционных процессов и в целях раскрытия человеческого потенциала Таджикистана, нами предлагается внедрение комплексной стратегии непрерывного образования и праксеологической поддержки мигрантов, состоящей из трёх ключевых векторов развития:

Во первых, необходимо открыть специализированные Центры подготовки трудовых мигрантов во всех регионах страны. Деятельность данных центров должна быть сфокусирована на пяти базовых модулях:

- Языковая адаптация, которая предполагает углубленное изучение русского и английского языков;
- Профессиональная квалификация: подготовка и сертификация по востребованным на международном рынке специалистов;
- Цифровизация – развитие компьютерной грамотности;
- Финансовая грамотность: освоение основ современной финансовой культуры и управления капиталом;
- Правовой комплекс: правовая подготовка и изучение тонкостей трудового законодательства принимающих стран.

Должна быть сформирована сквозная система непрерывного обучения, сопровождающая гражданина на всех этапах его трудовой биографии: до выезда (предмиграционная подготовка), во время работы за рубежом (дистанционное сопровождение) и после возвращения на родину (реадаптация). В качестве основных инструментов предлагается использовать гибкие цифровые решения, а именно онлайн-курсы, специализированные мобильные приложения и интерактивные дистанционные образовательные платформы.

Логическим завершением данной стратегии должен стать пересмотр отношения к возвращающимся гражданам. Государству необходимо уйти от устаревшей парадигмы восприятия миграции как безвозвратной потери человеческих ресурсов и начать активно использовать внутренний потенциал реэмиграции. Первоочередным шагом в данном направлении должно стать создание единого государственного Реестра специалистов, вернувшихся из-за рубежа. Это позволит государству системно аккумулировать накопленный гражданами международный профессиональный опыт, новые компетенции и инновационные навыки для их последующей эффективной интеграции в реальный сектор экономики Таджикистана, превращая миграционный опыт в драйвер национального развития.

Литература

1. Агеева А.Ф. Вопросы трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. // Экономика Центральной Азии. – 2026. – Т. 10, № 2. – DOI 10.18334/asia.10.2.124941. – EDN EYXZYS.
2. Доклады МВД РФ по миграционной статистике за 2023–2025 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 11.08.2026).
3. Евразийский банк развития (ЕАБР) // Евразийский банк развития: официальный сайт. – URL: <https://eabr.org> (дата обращения: 11.08.2026). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст: электронный.
4. Ионайтис Ю.А. Социально-философские аспекты академической и трудовой миграции в эпоху глобализации // Философия и общество. – 2024. – № 3 (112). – С. 84–95.
5. Каримов Ш.К. Влияние денежных переводов мигрантов на социально-экономическую трансформацию таджикского общества. // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2025. – № 4. – С. 112–121.
6. Мирзоев С.А. Демографическое развитие и экспорт рабочей силы в Республике Таджикистан: вызовы XXI века. – Душанбе: Дониш, 2024. – 188 с.
7. Олимова С. Трудовая миграция и социальные изменения в Таджикистане. – Душанбе, 2022.
8. Путин: миграционные процессы принесли бюджету РФ 321 млрд рублей // ИА «Авеста»: [информационный портал]. – 2026. – 10 сентября. – URL: avesta.tj (дата обращения: 16.08.2026).
9. Рахмонов А.А. Человеческий капитал и трансформация ценностных ориентаций молодежи стран Центральной Азии под влиянием миграционных волн. // Социологические исследования. – 2025. – № 8. – С. 59–68.
10. Рязанцев С.В. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию. – М., 2023. – 120 с.
11. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации: статистический доклад / Министерство внутренних дел Российской Федерации. – М.: МВД России, 2025. – URL: <https://мвд.рф/opendata> (дата обращения: 12.08.2026). – Режим доступа: раздел «Статистика и аналитика» / Открытые данные. – Текст: электронный.
12. Трудовая миграция и дипломатизация миграции в Центральной Азии: аналитический доклад / Евразийский научно-исследовательский институт. – Алматы: ЕНИИ, 2021. – URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/labor-migration-and-emerging-migrant-diplomacy-in-central-asia/?lang=ru> (дата обращения: 14.08.2026).
13. Ульмасов Р. Миграция и человеческий потенциал Таджикистана: итоги 35 лет и векторы развития. – Текст: электронный // Блог Рахмона Ульмасова: [интернет-блог]. – 2026. – 26 июня. – URL: <https://ulmasov.tj> (дата обращения: 13.08.2026).
14. Холиков А.Н. Экзистенциальный и социокультурный статус трудового мигранта в глобализирующемся мире: социально-философский анализ. // Вопросы философии. – 2025. – № 5. – С. 141–150.
15. Эмиграционные процессы в истории независимого Таджикистана: монография. – Душанбе: Ирфон, 2023.

16. Asadov S. Social and Cultural Adaptability of Central Asian Migrants: A Long-term Perspective. // Central Asian Survey. – 2024. – Vol. 43, no. 2. – P. 201–218.
17. Boboev M. Economic Aspects of Migration from Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan // Общество и экономика. – 2025. – № 10. – С.76-87 - DOI 10.7868/S3034598725100052.
18. Eurasian Research Institute // Eurasian Research Institute: [official website]. – URL: eurasian-research.org (date of access: 10.08.2026). – Text: electronic.
19. International Labour Organization (ILO). Research and publications: global report repository / International Labour Organization. – Geneva: ILO, 2025. – URL: <https://ilo.org> (date of access: 10.08.2026). – Text: electronic.
20. International Organization for Migration (IOM) // International Organization for Migration: [official website]. – URL: <https://www.iom.int> (date of access: 10.08.2026). – Text: electronic.
21. International Organization for Migration (IOM) // International Organization for Migration: [official website]. – URL: iom.int (date of access: 10.09.2026). Text: electronic.
22. World Population Prospects 2024: summary of results / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. – New York: United Nations, 2024. – URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/immigration-card4> (date of access: 18.08.2026). – Text: electronic.

MIGRATION PROCESSES IN TAJIKISTAN OVER 35 YEARS OF INDEPENDENCE: TRENDS, CHALLENGES AND PROJECTS

Ulmasov Rakhmon

Doctor of Economics, Professor
of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 985 73 83 20 (m.)
ulmasovr@gmail.com

The article presents a socio-philosophical reflection on the thirty-five-year era of Tajikistan's independence, viewed through the prism of the existential and historical experience of migration. The author explores the dialectics of national tragedy and creation, analyzing the ontological cost of the civil war, which acted as a catalyst for tectonic demographic shifts. Migration is conceptualized not merely as an economic phenomenon, but as a fundamental social institution and a "university of life" that has transformed the consciousness of millions of people. Through the categories of courage, responsibility, and human dignity, the phenomenon of overcoming the crisis is reconstructed, where daily hard labor is represented as a creative act and the basis of sovereign statehood.

In the context of 21st-century global trends and the labor market formula, the author deploys a philosophical concept of the migrant's evolution from a subject of spontaneous al-

iation to a bearer of developed human capital – the demiurge of the modern national space. Special attention is paid to the ethical-philosophical dimension: behind the dry statistics of remittances, the phenomenon of a person's rootedness, maintaining a mental connection with the homeland, is revealed. The article manifests the civilizational shift of the new century, justifying the imperative of transitioning from the existential export of labor to the conscious reproduction of intellectual potential. Investments in the education and professionalism of the individual are asserted as the highest value and the main metaphysical resource for the country's future.

Keywords: migration; labor migration; Tajikistan; human capital; sovereignty; mental rootedness; labor; Motherland; human dignity.

РАВАНДҲОИ МУҲОЧИРАТ ДАР ТОҶИКИСТОН ДАР ТУЛИ 35 СОЛИ ИСТИҚЛОЛИЯТ: ТЕНДЕНСИЯҲО, ЧАШМДОШТҲО ВА ПЕШГЌИҲО

Улмасов Раҳмон

доктори илмҳои иқтисодӣ, профессори
кафедраи минтақашиносии хориҷӣ ва сиёсати хориҷӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 985 73 83 20 (м.)
ulmasovr@gmail.com

Мақола инъикоси иҷтимоӣ-фалсафии даврони сивупанҷсолаи истиқлолияти Тоҷикистон мебошад, ки тавассути призмаи таҷрибаи экзистенсиалӣ ва таърихии муҳоҷират баррасӣ мешавад. Муаллиф диалектикаи ғоҷиҳои миллӣ ва созандагиро тадқиқ намуда, баҳои онтологӣи ҷанги шаҳрвандиро, ки ҳамчун катализатори тағироти тектоникӣи демографӣ баромад кардааст, таҳлил менамояд. Муҳоҷират на танҳо ҳамчун падидаи сирф иқтисодӣ, балки ҳамчун як ниҳоди бунёдии иҷтимоӣ ва «донишгоҳи ҳаёт» маънидод мешавад, ки шуури миллионҳо одамонро тағйир додааст. Тавассути категорияҳои ҷасорат, масъулият ва шарафи инсонӣ феномени паси сар кардани бухрон азнавсозӣ мешавад, ки дар он меҳнати вазнини ҳамарӯза ҳамчун акти созандагӣ ва заминаи давлатдорӣи соҳибхитёр нишон дода шудааст. Дар заминаи тамоюлҳои ҷаҳонӣи асри XXI ва формулаи бозори меҳнат, муаллиф консепсияи фалсафии таҳаввули муҳоҷирро аз субъекти бегонашавӣи стихиявӣ ба барандаи сармояи пешрафтаи инсонӣ – демиурги фазои муосири миллӣ нишон медиҳад. Таваҷҷуҳи махсус ба ҷанбаи ахлоқӣи фалсафӣи зоҳир шудааст: дар паси омори хушкӣи интиқоли пул падидаи решапайвандӣи инсон, ки робитаи зехнӣи худро бо Ватан нигоҳ медорад, ошкор мегардад. Мақола ҷаҳиши тамаддунии асри навро нишон дода, зарурати гузаришро аз содироти экзистенсиалӣи қувваи корӣ ба таҷдиди бошуурунаи потенциали зехнӣи асос мебахшад. Сармоягузорӣ ба маърифат ва касбияти шахсият ҳамчун арзиши олӣ ва манбаи асосии метафизикӣи ояндаи кишвар эътироф карда мешавад.

Калидвожаҳо: муҳоҷират; муҳоҷирати меҳнатӣ; Тоҷикистон; сармояи инсонӣ; соҳибхитёрӣ; решапайвандӣи зехнӣ; меҳнат; Ватан; шарафи инсонӣ.

УДК 316.346.2-054.72(575.3:470)

ТАДЖИКСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ В XXI В.: ЖЕНСКИЙ АСПЕКТ

Урядова Анна Владимировна

доктор исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой новейшей отечественной истории
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150003, Российская Федерация, Ярославль, ул. Советская, д.14
Тел.: +7 (4852) 30 31 37 (м.)
uryadovaanna@gmail.com

В статье исследуется феномен феминизации миграционных потоков из Республики Таджикистан в Российскую Федерацию, развивающийся под воздействием экономического давления и трансформации традиционных гендерных ролей. Автор проводит критический анализ изменения статуса таджикстанских женщин, остающихся на родине в качестве глав домохозяйств из-за массового выезда мужчин, а также специфики положения самостоятельных женщин-мигранток. В работе сопоставляются различные исследовательские подходы к изучению репродуктивного поведения, мотивации и структуры занятости женщин в странах-реципиентах. Особое внимание уделено детерминантам женской миграции, среди которых ключевое значение имеют безработица, дефицит рабочих мест и поиск путей преодоления бедности. Автор выявляет серьёзные социальные риски, включая стигматизацию и трудности адаптации в России, а также проблемы последующей реинтеграции женщин после возвращения на родину. В статье детально анализируется актуальная нормативно-правовая база Республики Таджикистан, в частности Стратегия регулирования миграционных процессов до 2040 года и реформы трудового законодательства 2024 года по сокращению списка запрещённых для женщин профессий. Делается вывод о необходимости разработки специализированных государственных программ и систем поддержки для минимизации гендерных рисков и обеспечения успешной интеграции вернувшихся женщин-мигранток.

Ключевые слова: женская миграция; Республика Таджикистан; Россия; феминизация миграционных потоков; гендерные роли; трудовая миграция; реинтеграция; социальная стигматизация; рынок труда; Стратегия регулирования миграционных процессов.

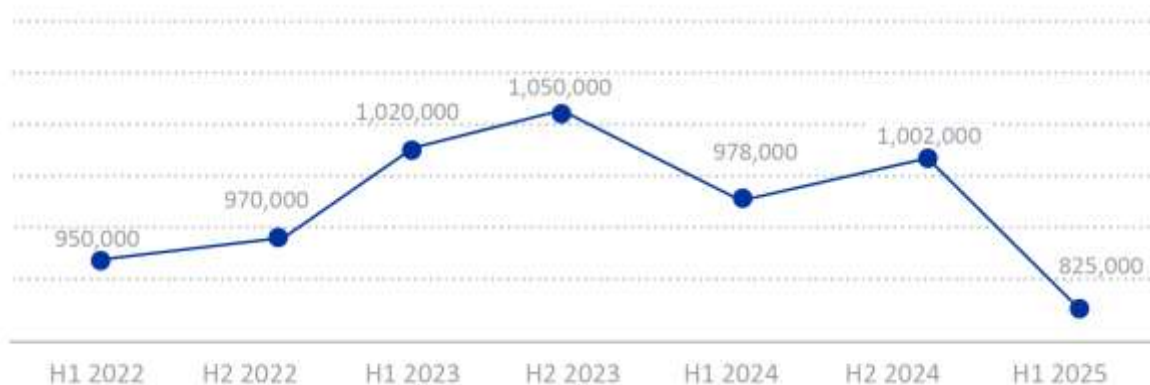
В миграционном потоке из Таджикистана в Россию, в котором традиционно доминировали мужчины, всё более заметной становится роль женщин, покидающих регион под воздействием экономического давления и трансформации гендерных ролей. Если вопрос о таджикской трудовой,

образовательной, молодёжной миграции изучен в историографии достаточно хорошо, то женской миграции уделено чуть меньше внимания [1; 2; 5; 11; 13;16]. Об актуальности вопроса свидетельствуют и публикации в СМИ [3-4; 7].

Вместе с тем, предвзяв данную работу, хотелось бы отметить, что её цель заключается не только в изучении собственно женской миграции, но и в стремлении разобраться, как массовая мужская миграция влияет на положение и роль женщины в Таджикистане.

Россия стоит на первом месте среди стран-реципиентов трудовых мигрантов из Таджикистана, в том числе она является основным направлением миграции женщин (97%) [2, с.9]. Сами мигранты объясняют это безвизовым въездом, существующими семейными сетями и сохранившимся со времён СССР знанием русского языка (в противоположность сложной языковой адаптации в других странах). Чтобы иметь общее представление об этих процессах, рассмотрим данные последних лет (по полугодиям) (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1. Прибытие граждан Таджикистана в РФ, 2022-2025 гг. (Н1/Н2) [20; 22, с.21-24]

А теперь разберёмся, как же миграция связана с женским вопросом и на что она влияет. Начнём с того, что в Таджикистане, по официальным данным, проживает примерно равное количество мужчин и женщин. Однако массовая миграция мужчин приводит к *фактическому гендерному дисбалансу*.

Второй момент связан с изменением *традиционных гендерных ролей*. Ряд международных и таджикостанских организаций по вопросам миграции (Международная федерация за права человека (FIDH), Антидискриминационный центр «Мемориал», Ассоциация научно-технической интеллигенции Таджикистана (АНТИТ), Международный фонд толерантности (FTI) при финансовой поддержке Механизма быстрого реагирования Женского миротворческого и гуманитарного фонда ООН и при содействии Глобального партнёрства по предотвращению вооружённых конфликтов (GPPAC) и др.) изучали этот вопрос, проводя глубинные интервью, анке-

тирование и другие социологические исследования. Они пришли к следующим выводам: хотя получение денежных переводов от мигрантов, несомненно, ведёт к повышению уровня жизни, отъезд члена семьи сопряжён с серьёзными социальными проблемами. Происходит увеличение нагрузки на женщин (особенно в сельской местности), что приводит к ухудшению их здоровья, росту экономической уязвимости [19]. Молодые женщины оказываются в ещё более уязвимом положении (особенно если у них есть дети), поскольку мужа порой посылают деньги не им, а своим матерям.

Отсутствие мужчин *меняет роль, статус и поведение женщин: на семейном уровне* женщина сама решает большинство бытовых вопросов (за исключением крупных расходов). Происходит трансформация традиционных взаимоотношений – женщина, по сути, становится главой домохозяйства. К тому же некоторые респонденты отмечали, что отсутствие мужчин приводит к росту женской мобильности вне семьи и более свободному выражению женщинами своего мнения. Эти изменения становятся ещё более очевидными по возвращении мужей: в домохозяйствах вернувшихся мигрантов женщины играют более важную роль, чем в домохозяйствах без мигрантов. Вернувшийся муж сталкивается с возросшим влиянием жены в семье и её нежеланием снова полностью зависеть от супруга, что в свою очередь, приводит к конфликтам. Традиционный взгляд на гендерные роли мужчин-возвращенцев конфликтует с увеличившейся активностью их жён [10, с.120].

Женщины стали не только главами домохозяйств. Поскольку многие мужчины-лидеры физически выбыли из общественного пространства и жизни Таджикистана, в ряде джамоатов *лидерами становятся женщины* [20, с.21-24]. Это идёт в разрез с культурно-историческими традициями, но является ответом на вызовы времени и массовую трудовую миграцию мужчин.

Большинство современных мигрантов – это молодые трудоспособные мужчины в возрасте от 18 до 29. Поэтому вполне естественно, что миграция влияет также и на *рождаемость*. Во-первых, она разделяет пары и тем самым откладывает рождение детей. Во-вторых, мигранты, возвратившиеся на родину (как мужчины, так и женщины), могут транслировать новые репродуктивные модели принимающей страны (а Россия – страна с низкой рождаемостью). Данные о влиянии миграции на рождаемость в Таджикистане противоречивы. С одной стороны, в работе 2008 года швейцарского исследователя М. Лехарха (М. Lerch) отмечаются следующие тенденции: таджикские женщины, чьи домохозяйства затронуты миграцией одного из членов семьи, откладывают свой репродуктивный календарь (примерно на год) и имеют меньше детей, чем те, у кого в семье нет мигрантов. Вместе с тем интенсивность рождаемости у женщин-мигрантов

(4,8 ребёнка на женщину), выше по сравнению с немигрантами (4 ребёнка на женщину), особенно в сельской местности [16, с.597]. Вероятно, полагает автор, первоначальный дефицит рождений компенсируется после эмиграции в более старшем возрасте. С другой стороны, М.С. Шоидарвозова и Г.Г. Имомербекова, подводя в 2025 году итог полевым исследованиям домохозяйств Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, пришли к выводу о том, что рост миграции женщин из региона привёл к снижению рождаемости, что через 5-10 лет может вызвать старение населения [13, с. 485]. Они также полагают, что с увеличением количества женщин-мигрантов связано и серьёзное изменение другого показателя – снижение суммарного коэффициента фертильности в Республике Таджикистан [13, с. 490].

В данной работе мы не ставим своей целью изучение *влияния трудовой миграции мужчин на детей*, но здесь также существуют определённые риски. К ним относятся: повышение вероятности девиантного поведения детей из-за отсутствия отцов, а также проблемы с получением образования, поскольку несовершеннолетним приходится замещать ушедшую рабочую силу и помогать матерям выполнять работу отцов. Из-за этого они пропускают школу, что формирует социальную прослойку детей с низкой успеваемостью. Эти вопросы не могут не тревожить женщин.

Хотя трудовая миграция по-прежнему остаётся преимущественно мужской, по данным исследователей, в приграничных сообществах наблюдается переход от индивидуальной мужской миграции *к семейной*. Так, 74 % женщин мигрировали из Таджикистана ради воссоединения с семьёй [2, с.8]. При этом лишь около 44% из них эпизодически участвовали в трудовой деятельности мужчин-родственников [18, с. 27].

Что касается женщин-мигрантов из РТ, Г.Д. Бобоходжаева выделяет четыре группы, увязывая их со статусом и причиной миграции: «1. Женщины-мигрантки, которые являются старшими в семье, если нет другого кормильца-мужчины. 2. Женщины-мигрантки, которые вместе со своими родителями, братьями и мужьями выезжают в зарубежные страны как на заработки, так и в поисках временного или постоянного места жительства. 3. Женщины - временные или сезонные мигранты, которые едут в ближнее зарубежье в поисках оптимальной работы с более высокой заработной платой для решения своих семейных и финансовых проблем на родине. 4. Женщины - мигрантки-одиночки, желающие обустроить свою личную жизнь и ищущие различные пути решения своих проблем» [1, с.252]. Думается, что данная классификация несколько усложнена. На наш взгляд, достаточно выделить две основные категории: самостоятельные женщины-мигрантки и женщины, выезжающие из Таджикистана в Россию вместе с семьёй.

Исследования показывают, что среди мужчин-мигрантов, особенно тех, кто отсутствует долгое время, есть те, кто заводит «гостевые браки» в стране пребывания, или оставляет жену и детей без поддержки; некоторые затем разводятся и переезжают на ПМЖ в Россию. Такая ситуация, а точнее опасение, что это может произойти, заставляет таджикистанских женщин *ехать вслед за мужьями*. Как считают Р. Ульмасов и Д. Икромов: «Если часть из них едут в Россию с целью поиска своих супругов, можно предположить, что вторая часть едет туда со своими мужьями из-за страха быть оставленной на родине» [12, с.61].

Некоторые женщины-мигрантки, выехавшие с семьёй или с мужем, находятся в России в статусе иждивенков и, следовательно, могут не работать. Исследование Европейского фонда образования (European Training Foundation – ETF) показало, что 12,9% трудовых мигрантов брали с собой жён по разным причинам, среди которых необходимость помощи за границей, желание находиться рядом с семьёй и детьми, а также финансовая выгода (если супруги могли найти работу) [17]. Однако это не касается сезонных мигрантов, поскольку в их случае речь идёт о коротком сроке пребывания, что делает совместный выезд финансово труднореализуемым.

В середине 2010-х годов исследователи обратили внимание на рост доли женщин среди мигрантов, или феминизацию миграционных потоков из Таджикистана, отмечая, что эта тенденция будет продолжаться в силу целого ряда причин: «всё большее число *женщин мигрируют самостоятельно*, а не только в качестве сопровождающего члена семьи; мотивацией миграции женщин служит и тот факт, что у них, как и у мужчин, появляется желание заниматься экономической деятельностью, продвигаться по карьерной лестнице; вследствие старения населения в различных странах растёт спрос на работниц различной квалификации в самых различных сегментах рынка труда...» [6, с. 118].

Появление самостоятельных женщин-мигранток, приехавших без семьи, свидетельствует об изменении менталитета современных женщин Таджикистана и сломе гендерных стереотипов в отношении восточной женщины. Здесь, как и в домохозяйствах мужчин-мигрантов, произошла смена ролей: женщина-мигрантка – это уже не традиционная хранительница очага, а добытчик, то есть она перенимает традиционно мужскую роль. К сожалению, на сегодняшний день нет сравнительных исследований женщин-мигранток (разделяющих их на группы с самостоятельной миграцией или миграцией вместе с мужем или семьёй), но существуют работы, посвящённые собственно женской миграции.

Журналист А. Захватов считает, что причины роста миграционных настроений и женской трудовой миграции в Таджикистане мало чем отличаются от причин трудовой миграции женщин в других постсоветских

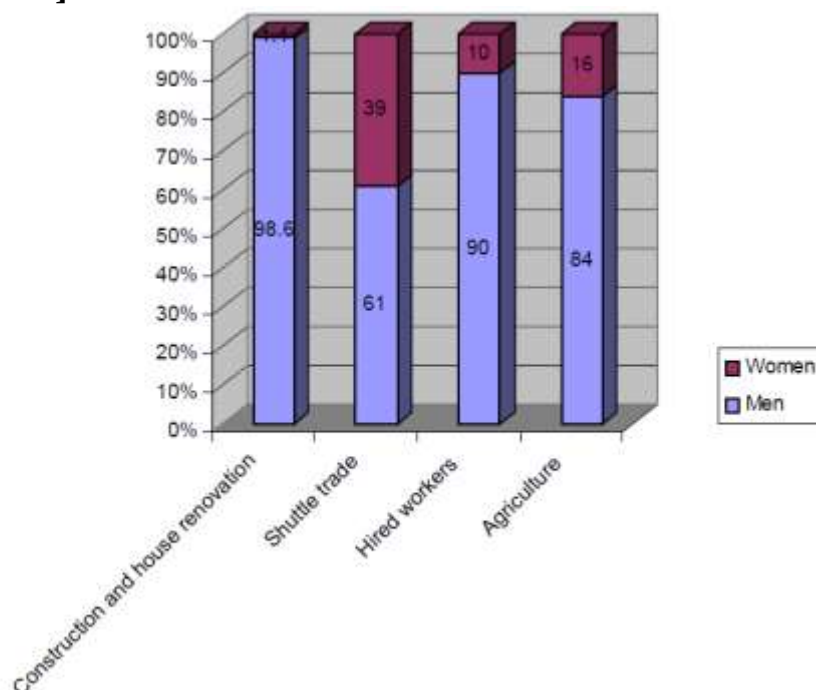
странах. В числе основных факторов он называет бедность, безработицу и отсутствие перспектив трудоустройства на родине, низкий уровень социальной поддержки беднейших слоёв населения со стороны государства, а также субъективные причины (сравнение образа жизни в Таджикистане и других странах по телерепортажам, опыт успешной адаптации знакомых). К последним относятся и личные мотивы – желание незамужних таджичек заработать деньги для себя и родственников, получить образование, приобрести нужную профессию или устроить личную жизнь далеко за пределами своего дома [4].

С последним тезисом не согласны исследователи гендерной миграции Н.А. Зотова и Р. Гленн. Они считают, что самостоятельно мигрируют в основном женщины старшей возрастной группы (старше 40 лет) – либо имеющие взрослых детей, либо матери-одиночки и вдовы, однако среди них есть и замужние женщины, чьи семьи остаются на родине [5, с. 76; 14]. Главной причиной выступает экономическая, причём часто это именно крайняя необходимость, что подтверждают и исследования 2024-2025 годов [2, с.24-25]. В отличие от мужчин, таджикистанским женщинам для миграции требуется одобрение семьи, а сам выезд может быть единственным способом обеспечить детей или пожилых родителей. Н.А. Зотова подчёркивает роль авлода в миграции женщин: это помощь советом, деньгами, а также в вопросах адаптации [5, с. 78]. Согласно опросу домохозяйств, проведённому в 2018 году Японским агентством международного сотрудничества, причинами миграции женщин стали высокая безработица, отсутствие детских садов (особенно в сельской местности), высокая стоимость оплаты дошкольных учреждений и дефицит рабочих мест для женщин [21].

В России они работают главным образом в торговой инфраструктуре: 39% всех таджикистанских «челноков» в РФ – женщины; 74,5% всех женщин-мигранток из Таджикистана в России работают именно в челночной торговле. Другая сфера – сельское хозяйство, где мигранты заняты в основном на сезонных работах и сборе урожая: 16% всех таджикистанских мигрантов, занятых в аграрном секторе, – женщины; при этом 5,5% всех женщин-мигранток из Таджикистана в России задействованы в сельском хозяйстве, уезжая на эти работы, как правило, целыми семьями. Еще одна сфера – услуги (общественное питание, уборка помещений, уход за пожилыми людьми, работа нянями или продавцами), иногда женщины трудятся в качестве медицинского персонала. При этом специалисты с профессиональным образованием часто работают по специальности, но занимают низкооплачиваемые или неквалифицированные должности (например, врач в должности младшего медперсонала). В этих сферах заняты 10% всех наёмных работников и 14,5% всех женщин-мигранток. Наименьшее число женщин работает в строительстве (1,4% от общего числа мигрантов

в отрасли и 3,6% всех женщин-трудовых мигранток) (см. подробнее диаграмму 2) [18, с.27-28]. Средняя заработная плата таджикистанских женщин-мигранток составляла от 300 до 600 долларов США, что в 1,5-3 раза ниже заработка мужчин-мигрантов (600-900 долларов США) [2, с.27]. Большинство современных женщин из Таджикистана (58%) не сталкиваются при переезде на работу с какими-либо трудностями, а 10 % в качестве главной проблемы отметили невозможность физически заботиться о своей семье на родине

Диаграмма 2. Сфера занятости таджикских мужчин и женщин за рубежом [18, с.28]

Н.А. Зотова отмечает, что возможности трудоустройства в России у женщин из Средней Азии, в том числе из Таджикистана, в отличие от возможностей мужчин, ограничены [5, с.83]. Вместе с тем условия труда женщин-мигранток зачастую лучше, чем у мужчин, поскольку их деятельность в сферах обслуживания и торговли носит иной характер.

Конечно, количество таджикистанских женщин-мигранток по сравнению с мировым уровнем относительно не велико. По данным МОМ (Международной организации по миграции - International Organization for Migration), в 2020 году в структуре мировой миграции на долю женщин приходилось 48%. По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в том же году численность женщин-мигранток в странах Европы, Северной Америки, Австралии и Океании превысила численность мужчин-мигрантов [11, с.9-10].

В случае с Таджикистаном цифры гораздо ниже (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3. Общее число внешней трудовой миграции населения по РТ с 2003–2022 гг. и % женщин в ее составе [8, с.528].

Очевидно, что доля мужчин стабильно превышает долю женщин. Кроме того, несмотря на незначительное сокращение общей численности мигрантов из Таджикистана в последние два года (см. диаграмму 1), *доля женщин в общем потоке мигрантов увеличивается*: если в начале 2000-х годов количество женщин-мигранток было достаточно низким (от 2 до 10 % общего объёма миграции), то с 2014 года оно находилось уже на уровне 13-16% (см. диаграмму 3), в 2023 году составило 20%, а в 2024 году – 21 % (по данным Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан). Это относительно немного, особенно по сравнению с соседними странами (так, например, в 2016 году женщины составили 39 % от общего числа мигрантов из Кыргызстана в Россию [4]).

Еще в 2007 году Н.А. Зотова, изучая миграцию таджикистанских женщин, отмечала, что на тот момент это были в основном женщины, вынужденные зарабатывать самостоятельно в силу личных и семейных причин. При этом она прогнозировала, что со временем женщины начнут выезжать не от безысходности, а под влиянием примеров успешной мобильности знакомых и родственников [5, с.85], что собственно и происходит в 2020-е годы.

Хотя выезд женщин из Таджикистана на заработки в другую страну непривычен для центральноазиатского общества, в целом он укладывается в основные закономерности развития мировых миграционных процессов. Более того, несмотря на гендерную диспропорцию уезжающих, соотношение мужчин и женщин из Таджикистана в РФ (по данным ООН) постепенно выравнивается: из числа находящихся в России таджикистанских мигрантов 59% составляют мужчины и 41% – женщины, хотя этот показатель всё ещё отстаёт от других стран-реципиентов (например, в Казахстане чис-

ленность мигрантов-мужчин и мигрантов-женщин из Таджикистана примерно равна) [15].

Существуют ещё две проблемы, с которыми сталкиваются женщины-мигрантки: это трудности адаптации в России, а после возвращения на родину – проблемы реинтеграции.

В первом случае могут наблюдаться дискриминация на рынке труда, недостаточная правовая защита. Несмотря на то, что большинство мигранток работает на основании письменных договоров, их осведомлённость о защите от увольнения остаётся низкой: 17% женщин из Таджикистана не знают о своих правах; а оплачиваемый отпуск им предоставляется редко (64% вернувшихся на родину таджикистанских женщин сообщили об отсутствии такового) [2, с.9-10]. В целом трудности, переживаемые гражданами за границей, различаются по гендерному признаку: женщины чаще всего упоминали сложности с совмещением работы и семейных обязанностей, а мужчины – бюрократию и длительный рабочий день.

Притом что одной из причин возвращения на родину (для 45% женщин) являлись семейные обстоятельства (например, уход за детьми – 23% женщин опрошенных), по возвращении на родину может наблюдаться их стигматизация (особенно это касается тех, кто жил за границей самостоятельно). Также они сталкиваются с трудностями при реинтеграции в семье и обществе, дискриминацией на рынке труда и ограниченной институциональной поддержкой. Вместе с тем, если раньше социальная стигма была достаточно сильной, к середине 2020-х годов она ослабела. Восприятие женщин-мигранток в обществе, по их собственным свидетельствам, изменилось – женская миграция стала восприниматься как естественный процесс. Сегодня не только мужчин, но и женщин-мигранток рассматривают как вкладчиков в семейную экономику, особенно если их семьи получают финансовую выгоду от миграции. Сплетни о женщинах, мигрировавших в одиночку, сохраняются, однако родственники всё чаще защищают их. Вернувшись в Таджикистан, значительная часть женщин (63%) оказываются безработными или не ищут работу, так как планируют вновь выехать на заработки в другую страну (36%) [2, с.10-11].

Укоренившиеся гендерные нормы продолжают ограничивать автономию женщин, их возможности и доступ к правам после возвращения. Без постоянного внимания со стороны государства и без культурно адаптированных систем поддержки вернувшиеся женщины остаются в ловушке экономической нестабильности и социальной невидимости.

В июне 2023 года была утверждена Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года, в которой кратко отмечается растущее участие женщин в трудовой миграции [9]. Подчёркивается, что эта тенденция часто противоречит традици-

онным гендерным нормам и может быть обусловлена семейными обстоятельствами, такими как депортация мужчин-родственников. Однако стратегия не содержит конкретных программ или целевых мер по реинтеграции и поддержке вернувшихся женщин-мигранток. В 2024 году в Таджикистане был снят запрет на ряд профессий для женщин, что позволило сократить их перечень с 334 до 194 и продемонстрировало постепенный прогресс на пути к гендерному равенству на рынке труда [8]. Таким образом, несмотря на то, что Республика Таджикистан уже предприняла первые шаги по снижению гендерных рисков в миграции, специализированные программы реинтеграции для женщин после возвращения на родину по-прежнему отсутствуют.

Литература

1. Бобоходжаева Г.Д. Таджикская женская трудовая миграция в годы независимости // Вестник Педагогического университета. - 2019. - №6 (83). - С. 252-254.
2. Гендерные аспекты в процессе миграции и по возвращении: из опыта женщин Кыргызстана и Таджикистана. - Berlin: IMO, 2025. - 62 р.
3. Женщины из Таджикистана стали активнее уезжать в Россию: причина // ИА Sputnik. Таджикистан. - URL <https://tj.sputniknews.ru> (дата обращения: 18.04.2026)
4. Захватов А. Женская трудовая миграция из Таджикистана: в поисках европейской жизни // ИА Sputnik. Таджикистан. 25.09.2019 (обновлено 27.01.2022) - URL: <https://sputniknews.ru> (дата обращения: 18.04.2026)
5. Зотова Н.А. Женщины-трудовые мигранты из Таджикистана (старшая возрастная группа) // Вестник Евразии. - 2007. - №2. - С. 72-87.
6. Кандиерова Д.О. Миграционные процессы в Республике Таджикистан: вызовы, риски, тенденции // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление: материалы ежегодной международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений (16 заседание), 20 мая 2016 г. / ред. колл.: А.А. Федченко, О.А. Колесникова; Воронежский государственный университет [и др.]. - Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. - С. 116–120.
7. Молодые женщины Таджикистана массово уезжают в Россию в поисках заработка // StanRadar: новости Центральной Азии. - 2014. - 4 февр. - URL: <https://stanradar.com/news/full/7575-molodye-zhenschiny-tadzhikistana-massovo-uezzhajut-v-rossiju-v-poiskah-zarabotka.html> (дата обращения: 27.04.2026).
8. Муродов М.К. Динамика численности внешних трудовых мигрантов Таджикистана и уровень их денежных переводов // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сборник научных статей. - Екатеринбург Институт экономики УрО РАН, 2023. - С. 525–533.
9. О Стратегии регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года: постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2023 г. - № 309 // ИС Континент: [сайт]. - URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=38412351 (дата обращения: 27.04.2026).

10. Олимова С., Олимов М. Мигранты из Таджикистана на фоне кризиса // Россия и мусульманский мир. - 2010. - №11. - С. 120.
11. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Сивоплясова С.Ю. Феминизация миграции из стран Центральной Азии в Турецкую Республику // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. - Серия: Социально-экономические науки. - 2021. - Т. 14. - № 6. - С. 7–20.
12. Ульмасов Р., Икромов Д. Таджикистан в зеркале миграции. - Душанбе: Эргграф, 2016. - 132 с.
13. Шоидарвозова М.С., Имомербекова Г.Г. Влияние миграции женщин на рынок труда в Горнобадахшанской автономной области республики Таджикистан // Паёми молия ва иқтисод. Финансово-экономический вестник. - 2025. - №1 (44). - С. 485-495.
14. Glenn R. Study on the conditions and behaviors associated with families left behind of Tajik labor migrants / International Organization for Migration (IOM). - Dushanbe, 2022.
15. International Migrant Stock // United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA): [site]. 2025. - URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 27.04.2026).
16. Lerch M. L’impact de l’émigration sur la fécondité, le cas de l’Albanie et du Tadjikistan // Démographie et cultures. Colloque international de Québec (Canada, 25-29 août 2008). – AIDELF, 2008. - P. 593-694.
17. Migration Survey: Migration and Skills in Tajikistan / European Training Foundation. - Turin, 2010.
18. Olimova S., Bosc I. Labour migration from Tajikistan. International Organization for Migration in Cooperation with the Sharq Scientific Research. - Dushanbe: Mission of the International Organization for Migration, 2003. - 132 p.
19. Protecting Tajik migrants’ rights: positive aspects of new migration policy require implementation. 18.07.2013// Fédération internationale des ligues des Droits de l’Homme. - URL: <https://www.fidh.org/en/region/europe-central-asia/tajikistan/13695-protecting-tajik-migrants-rights-positive-aspects-of-new-migration-policy> (Дата обращения: 27.04.2026).
20. Report on the Consultations Women of the Ferghana Valley for Peace / Foundation for Tolerance International, Association of Scientific and Technical Intelligentsia of Tajikistan. Tajikistan, 2024. - 26 p.
21. Skills and Employability Enhancement Project (SEEP), Republic of Tajikistan: TA Draft Final Report / Asian Development Bank. - Manila, 2019.
22. Tajikistan expands global labor ties and employment opportunities abroad // Asia-Plus: [news site]. - 2025. - 30 July. - URL: <https://asiaplustj.info/en/news/tajikistan/society/20250730/tajikistan-expands-global-labor-ties-and-employment-opportunities-abroad> (дата обращения: 27.04.2026).

TAJIK MIGRATION TO RUSSIA IN THE 21-ST CENTURY: THE FEMALE ASPECT

Uryadova Anna Vladimirovna

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Modern History of Russia
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov
150003, Russian Federation, Yaroslavl, St. Sovetskaya, 14
Ph.: +7 (4852) 30 31 37 (m.)
uryadovaanna@gmail.com

The article examines the phenomenon of the feminization of migration flows from the Republic of Tajikistan to the Russian Federation, which is developing under the influence of economic pressure and the transformation of traditional gender roles. The author conducts a critical analysis of the changing status of Tajikistani women who remain in their homeland as heads of households due to the mass departure of men, as well as the specific situation of independent female migrants. The article compares various research approaches to studying reproductive behavior, motivation, and the structure of women's employment in recipient countries. Particular attention is paid to the determinants of female migration, among which unemployment, shortage of jobs, and the search for ways to overcome poverty are of key importance. The author identifies serious social risks, including stigmatization and difficulties of adaptation in Russia, as well as the problems of subsequent reintegration of women after returning to their homeland. The article analyzes in detail the current regulatory and legal framework of the Republic of Tajikistan, in particular, the Strategy for Regulating Migration Processes until 2040 and the 2024 labor legislation reforms aimed at reducing the list of professions prohibited for women. It is concluded that it is necessary to develop specialized government programs and support systems to minimize gender risks and ensure the successful integration of returning female migrants.

Keywords: female migration; Republic of Tajikistan; Russia; feminization of migration flows; gender roles; labor migration; reintegration; social stigmatization; labor market; Strategy for Regulating Migration Processes.

МУҲОЦИРАТИ ТОЧИКОН БА РУСИЯ ДАР АСРИ XXI: ҶАНБАИ ЗАНОНА

Урядова Анна Владимировна

доктори илмҳои таърих, дотсент,
мудир кафедраи таърихи нави ватанӣ
Донишгоҳи давлатии Ярославл ба номи П.Г. Демидов
150003, Федератсияи Русия, Ярославл, кӯч. Советская, х. 14
Тел.: +7 (4852) 30 31 37 (м.)
uryadovaanna@gmail.com

Дар мақола падидаи феминизатсияи ҷараёнҳои муҳоҷират аз Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Федератсияи Русия, ки таҳти таъсири фишори иқтисодӣ ва таҳаввули нақшҳои анъанавии гендерӣ рушд меёбад, мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Муаллиф тағйирёбии мақоми занони тоҷикистониро, ки бо сабаби хуруҷи оммавии мардон дар ватан ҳамчун сарвари хонавода боқӣ мемонанд, инчунин хусусиятҳои мавқеи занони муҳоҷири мустақилро ба таври интиқодӣ таҳлил мекунад. Дар қор равишҳои гуногуни тадқиқотӣ оид ба омӯзиши рафтори репродуктивӣ, ангежа ва сохтори шугли занон дар кишварҳои қабулкунанда муқоиса карда шудаанд. Ба муайянкунандаҳои муҳоҷирати занон, ки дар байни онҳо бекорӣ, камбудӣ ҷойҳои қорӣ ва ҷустуҷӯи роҳҳои рафӣи камбизоатӣ аҳамияти калидӣ доранд, тавачҷуҳи махсус зоҳир шудааст. Муаллиф хавфҳои ҷиддии иҷтимоӣ, аз ҷумла стигматизатсия ва мушкilotи мутобиқшавӣ дар Русия, инчунин масъалаҳои реинтегратсияи минбаъдаи занонро пас аз бозгашт ба ватан ошкор менамояд. Дар мақола заминаҳои меёрию ҳуқуқии кунунии Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз ҷумла Стратегияи танзими равандҳои муҳоҷират то давраи соли 2040 ва ислоҳоти қонунгузории меҳнат дар соли 2024 оид ба кӯтоҳ кардани рӯйхати касбҳои барои занон мамнӯъ, ба таври муфассал таҳлил карда шудаанд. Хулоса бароварда мешавад, ки барои коҳиш додани хавфҳои гендерӣ ва таъмини интегратсияи муваффақи занони муҳоҷири баватанбаргашта таҳияи барномаҳои махсуси давлатӣ ва системаҳои дастгирӣ зарур аст.

Калидвожаҳо: муҳоҷирати занон; Ҷумҳурии Тоҷикистон; Русия; феминизатсияи ҷараёнҳои муҳоҷират; нақшҳои гендерӣ; муҳоҷирати меҳнатӣ; реинтегратсия; стигматизатсияи иҷтимоӣ; бозори меҳнат; Стратегияи танзими равандҳои муҳоҷират.

УДК 1(091):141.319.8

ФИЛОСОФСКИЙ ГУМАНИЗМ МИРЗО АБДУЛКОДИРА БЕДИЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИНДИЙСКО-МУСУЛЬМАНСКОГО КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА

Содики Насиба Нуруллозода

доктор философских наук, профессор,
директор государственного учреждения
Образовательного центра женщин «Сарвар»
734064, Республика Таджикистан, Душанбе, ул.А. Гуломова, 18/1
Тел.: (+992) 935 98 59 99 (м.)
bedil68@mai.ru

В статье исследуется философский гуманизм Мирзо Абдулкодир Бедия (1644–1720) в контексте индийско-мусульманского культурного синтеза XVII–XVIII вв. Особое внимание уделяется философско-антропологическим представлениям мыслителя о человеке как микрокосме, в котором отражается единство мира и Божественного начала. Рассматривается проблема самопознания и соотношения индивидуального «Я» и абсолютного «Я», а также понимание Бедилем свободы, духовного совершенствования и нравственного предназначения человека. На основе анализа произведений «Чахор унсур» («Четыре элемента»), «Мухити аъзам» («Великий океан»), «Тилисми хайрат» («Талисман изумления») и «Ирфон» раскрывается синкретический характер философии Бедия, сформировавшейся под воздействием суфизма, восточного перипатетизма и индийских философско-религиозных учений, прежде всего ведантической традиции. Особое место отводится исследованиям академика Кароматулло Олимова, который внёс значительный вклад в изучение онтологических, гносеологических и антропологических аспектов философии Бедия. Показано, что творческое освоение различных духовных традиций позволило Бедию выработать гуманистическое мировоззрение, основанное на идеях единства человечества, веротерпимости, взаимоуважения и духовной свободы. Делается вывод о значении философского наследия Бедия для современного межкультурного и межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: Мирзо Абдулкодир Бедил; философский гуманизм; философская антропология; человек; микрокосм; свобода; самопознание; суфизм; веданта; индийская философия; исламская философия; индийско-мусульманский культурный синтез; веротерпимость.

Сегодня изучение философии Бедия весьма актуально, так как существует необходимость творческого освоения достижений философской,

религиозной, этической и эстетической мысли различных регионов и народов. На примере Бедия можно более наглядно представить взаимодействие индуистской и исламской, индийской и ираноязычной духовных традиций, положительные стороны которых способствовали формированию веротерпимости, совместного созидания, установления мира и взаимодоверия между разными народами. Эти идеи особенно актуальны сегодня, когда мировое сообщество нуждается в консолидации для борьбы против мракобесия, религиозным фанатизмом, терроризмом, наркоманией и другими угрозами, способствующими моральному разложению человечества.

Изучение наследия Мирзо Абдулкодира Бедия уже было начато его современниками. И в разные периоды, многими исследователями разных стран в основном изучалась его поэтика и мистика. Творчество и личность Бедия до настоящего времени находятся в центре внимания литераторов и учёных Центральной Азии, Индии, Ирана и Афганистана. Для изучения и интерпретации наследия Бедия образовались специальные школы «бедилхони» и «бедилшиноси» («чтение Бедия», «изучение Бедия») в Афганистане и Средней Азии – прежде всего в литературных кругах Бухары, Самарканда, Худжанда, Истаравшана, Кабула, Герата, Балха и других городов. С.Айни, отмечая роль этих кружков в развитии культуры таджикского народа, высоко оценил их значение. Он говорил, что «благодаря, действительно, грамотным знатокам Бедия большинство поклонников его творчества не только правильно понимали труднодоступные философские мысли мыслителя, но и многие поэты стали его последователями» [2, с.67]. Особая работа Садриддина Айни «Мирзо Абдулкодир Бедил», посвященная жизни и литературному наследию мыслителя, занимает важное место в бедиловедении. Именно за эту монографию ему (С.Айни) было присвоено ученая степень доктора филологических наук. (О степени изученности наследия Бедия см. Садикова Насиба Нуруллаевна]. [22, с.5-12.]). Хочу особенно отметить исследования академика Кароматулло Олимова, посвященные Мирзо Абдулкодиру Бедилу. Академик К. Олимов признан одним из ведущих знаков Бедия, а его труды являются неотъемлемой частью современного бедиловедения. Учёный рассматривает Бедия прежде всего, как философа, для которого проблема человека и его бытия занимает центральное место во всём творчестве. Анализируя поэмы «Талисман изумления» и «Великий океан», он исследует онтологические и гносеологические основания философии Бедия, а также уделяет особое внимание его философской антропологии [18, с.97-122.]. Как отмечают исследователи, эти «важные поэмы Бедия как «Талисман изумления» и «Великий океан» стали предметом философского анализа в статьях К. Олимова, где автор впервые рассматривает их с точки зрения онтологии и гносеологии, а также об-

рацает внимание на необходимость специального изучения эстетических воззрений мыслителя» [21, с.8]

Индия всегда поражала наблюдателей своим многообразием и в то же время единством. Однако одного лишь явного многообразия недостаточно, чтобы охарактеризовать древнюю цивилизацию этой страны. В Индии по существу не сохранилась историческая литература. То немногое, что дошло до нас, настолько смутно, что вплоть до мусульманского периода почти ни одна дата, связанная с какими-либо историческими деятелями Индии, не может считаться точной [8, с.19]. Очень трудно определить фактические размеры территорий, находившихся под властью того или иного великого царя, так как до нас не дошли труды придворных летописцев. Сами литературные произведения сохранились, но даты жизни их авторов, как правило, неизвестны. Это не значит, что Индия не имеет своей истории. Историю Индии можно реконструировать по преданиям, переходившим от одного поколения к другому. Хотя мы и отметили, что о цивилизации домусульманской Индии до наших дней дошли немногие источники, однако даже то малое, что осталось, поражает глубиной мысли, разнообразием идей и воззрений. Всё это оставило глубокий след в истории философской мысли. Последователи этих учений, начиная с древних времён по сей день, черпают основы для своих школ и направлений в данных источниках. Таким образом, о культуре и цивилизации Древней Индии наряду с археологическими данными можно узнать из хронологии Вед, Упанишад и истории брахманизма. Следует отметить, что по сравнению с древней историографией, начиная со Средних веков, число как памятников, так и исторических произведений об Индии стало возрастать.

С появлением миссионеров в Индии исторические события, хроника правления той или иной династии, а также этнические и социокультурные отношения стали фиксироваться как в их записях, так и в трудах коренных летописцев, благодаря чему сегодня нам доступна более ясная картина индийского Средневековья. Как было отмечено выше, источниковая база по истории Древней Индии недостаточна, чего нельзя сказать о средневековом периоде. Миссионеры XVI-XVIII веков сыграли немалую роль в первоначальном ознакомлении европейской общественности с культурными ценностями народов Индии.

Последствия мусульманских завоеваний в начале XI века для Индии и индуизма были двоякими и противоречивыми. Если, с одной стороны, часть населения спасалась бегством от завоевателей, то с другой – наблюдалось постепенное и почти бессознательное приспособление к иноземному образу жизни и мышлению. Возник своего рода синтез: появились новые архитектурные стили, иная одежда и пища, жизнь оказалась изменённой во многих отношениях. Этот синтез особенно проявился в музыке, ко-

торая, сохраняя древние индийские классические традиции, получила разностороннее развитие. Персидский язык стал официальным придворным языком, и многие персидские слова вошли в широкий обиход. Одновременно с этим развивались и народные языки.

Средневековье в Индии составляет весьма значительный и сложный период в истории её народов. Воздействие ислама на политическую, социально-экономическую и духовную жизнь Индии стало особенно ощутимым с той поры, когда в результате завоевательных походов со стороны Средней, Центральной Азии и северо-запада региона установилось господство мусульманских династий, в дальнейшем распространившееся на восток, вплоть до Бенгалии, и на юг, вплоть до Майсора. Установление власти мусульманских феодалов привело к резкой эксплуатации не только сельского, но и городского населения, что не могло не сказаться на духовной сфере [23, с.380]. Возникшая в этот период синтетическая культура, сохранявшая многие традиции Востока, сильно отличалась от арабской. Ислам занял господствующее положение, однако его содержание значительно обогатилось. Как писал Джавахарлал Неру: «Культура, которую арабы несли в далёкие страны, непрерывно менялась и развивалась. На ней был сильный отпечаток новых идей ислама, но всё же назвать её культурой ислама было бы неправильно, и это лишь запутало бы нас» [23, с.65].

Индийское Средневековье делится на два относительно самостоятельных этапа с точки зрения социально-экономического и политического развития. Литературно-исторический и культурно-духовный процесс народов Индии в средние века традиционно рассматривается в рамках следующих периодов: первый – с VII по XIII вв., второй – с XVI по XVII вв. Такое разделение уже не раз принималось многими исследователями.

Бедил ещё в молодости посещал собрания и слушал беседы, которые устраивали его дяди. Именно участие в этих кругах и беседах оставило яркий след в мировоззрении юного мыслителя. Здесь он ближе знакомится с Мавлоно Камолом, которого знал ещё с детства. Камол был блестящим знатоком суфизма и религиозных наук, а также последователем суфийского братства Кадирия. Как сообщает Бедил в «Чахор унсуре»: «Мавлоно Шайх Камол сделал многое для распространения кадиритского братства, занимал высокое положение в суфизме и отличался высокими нравственными качествами» [12, с.13]

Влияние Шайха Камола на Бедиля было огромным, особенно в начальный период формирования его личности. В частности, Шайх Камол обучил его методу исцеления больных путём «азоимхони», то есть священночтения. Однажды Бедилу удалось таким способом вылечить женщину, страдавшую душевным расстройством [12, с. 16-17]. Большое влияние на становление мировоззрения Бедиля оказали также его встречи с ма-

джзубами. Иногда он и сам подвергал себя тем же испытаниям, что и они. В этот период в Индии существовало множество различных школ, направлений и групп маджзубов.

Маджзубы – это последователи суфизма, которые зачастую не подчинялись внешним религиозным ритуалам и догмам; они считали, что человек приближается к Богу через самоограничение, аскезу и сознательное предание себя страданиям. Внешне они походили на христианских юродивых [24, с. 31]. При этом среди маджзубов было много истинных знатоков поэзии, религии и истории, они являлись известными мыслителями той эпохи. Как отмечают исследователи, «среди тех маджзубов, которых знал Бедил, были поэты, литераторы, философы, представители суфизма, знатоки литературы и философии Древней Индии, а некоторые были специалистами в области арабского языка и литературы» [24, с. 32]. В своём произведении «Чахор унсур» Бедил подробно рассказывает о шести маджзубах, с которыми он был очень близок. Рассказывая о каждом из них в отдельности, мыслитель отмечает их немаловажную роль в формировании своего мировоззрения.

Под влиянием того же Шайха Камола Бедил отходит от пути маджзубов. Согласно сообщению Бедил в «Чахор унсур», Шайх Камол резко отрицательно относился к вызывающему поведению маджзубов, считая их дикарями. Он проповедовал углублённое познание, дающее возможность постигать истину и совершенствовать свою нравственность. Шайх Камолу претило юродство маджзубов и их поведение, вызывавшее неприятие у просвещённых людей [12, с. 22]. В этот период всё более широкое распространение получило умеренное суфийское учение, которое проповедовали последователи накшбандии. Они выступали против абсолютного аскетизма и отказа от мирских дел, советовали пользоваться благами реального бытия, а также призывали к сочетанию активной трудовой жизни с требованиями шариата и суфизма.

Жестокая эксплуатация крестьян и ремесленников военно-феодальной знатю в период правления Аурангзеба привела к обнищанию миллионов людей и к обострению классовой борьбы. По словам Бедил, крестьяне работали круглый год, а урожай, полученный их трудом, становился объектом лёгкой добычи знати и корыстных чиновников. Всё это вызывало недовольство не только индусов, но и мусульман. Особо активизировались последователи суфизма. Им импонировала идея суфиев о преходящем характере и непостоянстве земной жизни, а также о мнимой реальности и вечности жизни потусторонней. Ряд суфиев, абсолютизируя эту идею, проповедовали полное презрение к материальному миру. Впоследствии, глубже изучая философию суфизма, Бедил подвергает критике тех мистиков, которые проводили жизнь в одиночестве и бездействии.

Деятельность свободолюбивых мыслителей, учёных и поэтов в условиях усиления религиозной реакции всё больше ограничивалась. Однако противодействие этому проявилось в более утончённой форме – вобретении особо сложного стиля, понимание которого было доступно только наиболее подготовленным людям, обладающим даром проницательности, способным уловить иронию, сарказм и высокое поэтическое мастерство. Мирзо Бедил, конечно, не мог оставаться вне исторических событий своего времени. Он всегда выступал за единство народов Индии, одинаково относясь как к мусульманам, так и к индусам.

Аурангзеб начал преследовать не только иноверцев, но даже тех, кто подозревался в принадлежности к сектам или течениям, сочувствовавшим немусульманским религиям Индии. Это ещё больше оценило и усилило влияние суфизма, терминами которого поэты зачастую стали пользоваться для скрытого выражения своих идей. Данная терминология вместе с «индийским стилем», ещё больше усложняла язык, делая мысли чрезвычайно туманными. Однако она же послужила для наиболее прогрессивных писателей своего рода ширмой, дававшей им возможность отвести глаза свирепствовавшей реакции [22, с. 40].

Подобные мыслители выступали против фанатизма, религиозной и расовой исключительности, а также любых форм притеснения. К числу поэтов этого периода относятся такие видные деятели как Мухаммад Эджот, а также ученик и друг Бедилы – Анандрам, творивший на таджикском языке под псевдонимом Мухлис. В эту же плеяду входят Гулом Алихон Озод – автор «Хизонаи Омири» и группа упомянутых в этом источнике поэтов: Мирзо Мазхар, Джони Джонон, Хаким Лохури, Сироджуддини Алихон Орзу, Мирзо Мухаммад Афзал Собит, Мирзо Абдулгани Кобули Кашмири.

Наиболее известными поэтами XVII века в Индии были Носир Али, Косимбек Девони, Зебуннисо-Махфи. [23, с.41] В этот период (XVI-XVII вв.) политическая власть мусульманских феодалов распространилась практически по всей Индии. Она сосуществовала, несмотря на многочисленные конфликты, с теми или иными местными индусскими династиями или отдельными правителями. Однако в конце XVIII века империя вновь начала распадаться. Протест против феодальной эксплуатации находил различное идеологическое выражение, направленное прежде всего против религиозной ортодоксии – как индуистской, так и мусульманской.

Выше мы упоминали о персоязычных деятелях, поэтах и мыслителях, однако это не значит, что в эпоху Бедилы не творили на индийском языке. К этому времени относится создание известных ныне произведений кашмирской литературы. В трудах её представителей предпринимались попытки синтеза, казалось бы, таких взаимоисключающих начал, как суфизм и кашмирский шиваизм. Распад Южной Индии на многочисленные

феодалы, возглавляемые индускими или мусульманскими правителями, сказался на развитии тамильской литературы усилением в ней местных тенденций и возникновением мусульманской тематики в поэзии. В трудах представителей этой традиции, таких как Умару Пулавар и Падикашу Пулавар, переосмыслились сюжеты древнеиндийских эпосов, носившие философский характер, а также использовались эпизоды из жизнеописания пророка Мухаммада. В их творчестве предпринимались попытки синкретического синтеза различных мировоззрений и религиозно-философских течений. Тенденция к индо-мусульманскому синтезу встречалась по всей территории Индии: и в Бенгалии, и в Авадхи, и в Ассаме.

Буддизм и джайнизм – это те философские течения Индии, которые сыграли огромную роль в формировании мировоззрения мыслителей эпохи Бедия. В Индии XVI–XVIII веков продолжали развиваться, а также пробиться другие самостоятельные литературные направления, в рамках которых возникали собственные иерархии и каноны. Наследие былых дискуссий между буддизмом, джайнизмом и брахманизмом наложило глубокий отпечаток на духовное и социальное развитие народов Индии. Рационализм джайнов, усиленный мощным развитием торговли и ремёсел, обусловил более трезвое, активное отношение к жизни, способствуя преодолению буддийского и брахманского квиетизма.

Если среди суфиев были широко распространены отшельничество и маджзубизм, сторонники которых подвергали себя чудовищным истязаниям, впадали в экстаз, морили себя голодом, отказывались от одежды, жили в развалинах и упорно молчали, пытаясь таким путём доказать, что они «привлечены» Богом (само слово «маджзуб» буквально означает «привлечённый к Богу») [19, с. 21], то в буддизме и джайнизме также делался акцент на уходе от мирской жизни. В индийской истории наблюдалось широкое распространение подобных практик – например, когда множество людей уходило в буддийские монастыри (вихары) [15, с. 57].

В XVII веке волна бхакти захватила почти всю территорию Индии. Начав с проповеди религиозно-реформаторских идей, во времена Аурангзеба это движение приняло форму всенародного выступления мартхов и объединило в борьбе против Великих Моголов ремесленников, крестьян и мелких феодалов. Движение бхакти возникло в среде городских торговцев, ремесленников и ростовщиков. Направленное против ортодоксального индуизма, это движение зародилось в XV–XVI веках. Особое место в социальной и культурной жизни региона принадлежало самому бхакти (букв. «преданность», «любовь к Богу») – религиозному течению в индуизме, которое провозглашало равенство людей перед Богом и отрицало кастовое деление [25, с. 184].

Позже, в XVI–XVII веках, возник сикхизм – религиозное течение, развившееся главным образом в Пенджабе и впоследствии превратившееся в самостоятельную религию. Основой сикхизма являются единобожие, отрицание идолопоклонства, аскетизма и кастовой системы, а также проповедь равенства сикхов перед Богом и священной войны с притеснителями. В силу своей близости к индийским религиозным учениям оппозиционные суфийские воззрения, сформировавшиеся на индийской почве, были распространены среди населения шире, чем ортодоксальный ислам, хотя последний и являлся господствующей религией в Индии, насильственно насаждавшейся среди населения. В эпоху Бедиля, в противоположность фанатизму официальной мусульманской догматики, требовавшей от своих приверженцев религиозной нетерпимости, суфийские учения в большинстве случаев признавали право на свободное существование и других конфессий [25, с. 1206]. С их точки зрения, все религии различными путями ведут к Богу. Об этом синтезе и влиянии ислама на индийскую культуру Дж. Неру пишет: «Буддизм и джайнизм, несомненно, не были индуизмом или даже ведической дхармой. Однако они возникли в Индии и были неотъемлемым элементом индийской жизни, культуры и философии. Буддисты и джайны в Индии – стопроцентный продукт индийского мышления и культуры, и всё же ни те, ни другие не являются индусами по религии. Поэтому совершенно неправильно говорить об индийской культуре как о культуре индусской. В дальнейшем эта культура подвергалась сильному влиянию ислама, но тем не менее осталась определённо индийской по своей сущности» [15, с. 48].

Мировоззрение Мирзо Абдулкодира Бедиля сформировалось главным образом на основе ислама, который являлся господствующей религией в средневековой Индии. Однако наряду с ним в эпоху Бедиля в Индии широко были распространены древние индийские религиозно-философские учения: индуизм, буддизм, джайнизм, веданта, а также суфизм и другие мистические и теологические течения. Суфизм по-своему синтезировал в себе всё ценное, что соответствовало духу индийской культуры на основе ислама. Терпимость к чужой мысли была характерна для индийского мировоззрения. Ещё в глубокой древности индиец чувствовал, что истина многогранна и что различные воззрения представляют собой лишь различные стороны Истины, которая не может быть выражена полностью. Он не страшился усваивать даже крамольные учения, если они были логически обоснованы. Если это было в его силах, индиец не позволял погибнуть самой незначительной из традиций, пытаясь примирить их между собой [21, с. 484].

Возникновение индийских философских систем относится к добуддийской эре. Они развивались постепенно. Брахманские школы функцио-

нировали бок о бок с буддийскими, часто критикуя друг друга или заимствуя элементы смежных учений. Ещё до начала христианской эры из множества таких концепций выкристаллизовались шесть ортодоксальных брахманских систем. Каждой из них были свойственны собственный метод и особая аргументация, однако они не были изолированы друг от друга, а представляли собой скорее части более широкого общего плана [15, с. 284]. Благодаря своим наставникам Бедил хорошо изучил индийскую философию, в том числе ведийскую традицию. Стоит отметить, что длительное время Веда рассматривались европейской наукой только как памятник собственно религиозный, функционально аналогичный Библии или Корану [23, с. 23]. Однако выяснилось, что значение их выходит далеко за пределы религии; их истинный смысл заключается в «раскрытии человеческого разума на самых ранних стадиях мышления» [15, с. 120].

Слово «Веда» происходит от санскритского корня *вид* – «ведать» (что означает «ведение», «знание»); они создавались как сборник знаний своей эпохи. Веда включают в себя гимны, молитвы, описания жертвенных обрядов и элементы магии. При этом в ведийской традиции нет идолопоклонства и храмов для богов [15, с. 120]. В текстах Вед постепенно зарождаются размышления о тайнах природы и дух исследования. Именно на этой основе возникла философия Упанишад, которая сыграла большую роль в формировании взглядов Бедиля о познании. Древние гимны свидетельствуют о стремлении к постижению тайн бытия. Рабиндранат Тагор охарактеризовал эти гимны как «веру народа, не обременённого мрачным раздумьем о противоречивом многообразии объективного мира, хотя время от времени озарявшегося интуитивным знанием – например, тем, что истина едина, хотя мудрецы называют её по-разному». В текстах Упанишад эти идеи о мире, Вселенной и душе эволюционировали, принимая изменённую и более зрелую философскую форму.

В «Чахор унсур» Бедил отмечает, что знакомство с Шайх Камолом помогло ему глубже изучить важные вопросы индийской философии: при этом мыслитель обсуждал с наставником отдельные философские проблемы на индийском языке. Мирзо Абдулкодир Бедил, по своей видимости, основательно изучил индийскую философию и по персидскому переводу «Упанишад четырех Вед», который появился в 1656 г. под названием «Тайна тайн». [12.] Изучение произведений Бедиля показывает, что он был хорошо знаком с содержанием ведийской литературы. Это дало ему возможность синтезировать в своём наследии различные учения, использовать идеи об Атмане, Рите, дхарме, карме, мокше и других фундаментальных категориях. В древнеиндийских учениях рассматривались социальные проблемы, вопросы бытия и религии, бренный мир и небытие, онтологические основания, теория познания и её источники.

К Упанишадам были созданы многочисленные комментарии, авторы которых представляли различные философские школы и воззрения. Сами Упанишады проникнуты духом исследования, стремлением к познанию и страстным желанием открыть истинную природу вещей. Всё наследие Мирзо Абдулкодира Бедиля также свидетельствует об этой интенции: его философская система стала результатом непрерывных поисков Истины. В Упанишадах Брахман считается духовной основой мира, которой тождественна духовная сущность человека – Атман. Каждый человек должен осознавать единство своей души с Брахманом. Материальными же началами мира признавались пять великих элементов (махабхута): земля, вода, огонь, воздух и эфир. В Упанишадах упор делается главным образом на самопознание, на постижение соотношения индивидуального «Я» и абсолютного «Я», причём оба они объявляются тождественными по своей метафизической сущности. Объективный внешний мир не считается иллюзорным, он реален в относительном смысле – как проявление внутренней реальности. В этом прослеживается общая тенденция к монизму и синкретическому синтезу. В то же время интерес к магии и ритуальным практикам без подлинного гносеологического поиска признавался тщетным, а высшей формой постижения провозглашалось интуитивное знание. По всей видимости, именно под влиянием Упанишад Бедил отрицает существование какой-либо внешней по отношению к космосу силы и признает лишь единый, самодостаточный мир.

Бедил, хорошо знавший индийскую философию, подобно Шанкаре, пытался через познание индивидуального «Я» постичь сущность абсолютного «Я», то есть Бога. Главная задача для Бедиля, в соответствии с требованиями его эпохи, заключалась в поиске путей к свободе человека. Чтобы достичь ее, он считал необходимым доказать божественную природу индивидуального «Я», которое содержит в себе универсальную божественную сущность. В этом и состояло основное понимание гуманизма Бедилем. Приводя вышеизложенное сравнение взглядов Бедиля на смерть, а также на основные элементы всего сущего, мы не хотим утверждать, что школы лоаяты, вайшешики и санкхьи оказали прямое влияние на формирование воззрений мыслителя. Среди них особое место занимал Шайх Камол, побудивший поэта обратиться к наследию индийских философов и вновь поставить вечные вопросы бытия, которые ранее решались лишь в рамках традиционных схем.

Бедил в своих произведениях ясно указывает на те моменты, когда он находился под влиянием индийских учений, в частности, брахманизма. Однако не удовлетворившись этим, мыслитель обращается к философскому суфизму, критикуя как брахманизм, так и ортодоксальное богословие и ортодоксальный суфизм:

Всю жизнь хотели узнать вести от шайха и брахмана,
Бегали в храм (Будды) и в Каабу, и устали от желаний [6, с. 24].

Среди суфийских братств в Индии наиболее известными были орден Сухравардия и Чиштия [24, с. 62–63]. Оценивая их роль, английский исламовед Дж. С. Тримингэм отмечает: «Начиная с XII–XIII веков происходит миграция среднеазиатских суфиев на юг, в Индию, и на запад, в Малую Азию. Единственным орденом, не считая багдадской Сухравардии, завоевавшим независимость и влияние в Индии в эту эпоху преобразований, была Чиштия. Чиштия – одно из самых «примитивных» (в значении первоначальных, ранних) учений... Силсила Сухравардия распространилась в Индии как самостоятельная школа мистического направления и стала там одним из главных тариқатов. Его выдающиеся деятели – Нуриддин Мубарак Газнави и Хамид ад-Дин Нагаури (ум. 673/1274). Последний был главным индийским халифом Шихаб ад-Дина, пока не дал обета покорности Кутб ад-Дину Бахтияру Каки» [24, с. 62–63].

Согласно Бедилу, куда бы мы ни обратились, повсюду находится Бог, то есть частицы воздуха являются следствием поэтапной эманации Истины (Бога) в материальный мир. Проблему эманации материального мира из Абсолютной Истины мыслитель подробно разъясняет в своём произведении «Мухити аъзам». Вопросы суфийской космогонии, онтологии и гносеологии рассматриваются им под влиянием идей Джалолиддина Руми и Фаридеддина Аттора. Хотя творчество Бедилы и представляет собой синтез мусульманской и индийской культур, тем не менее его идеи в основном развивались под воздействием Руми и Аттора. Мыслитель в своём произведении «Мухити аъзам» прямо указывает на это:

Зи чоми Мавлавигар чуръае бахшанд, дарёбӣ,
К-аз ин майхона бўи таблаи Аттор меояд [5, с. 4].

Если тебе даруют хоть глоток из чаши Мавлави (Руми), ты обретёшь истину, Ибо из этой винодельни (майхоны) доносится аромат аптекарского ларца Аттора.

В своих произведениях – «Чакхор унсур», «Нукот», «Ирфон» – Бедил брал за основу сущего воздух. Данная натурфилософская концепция составляет ядро философского мировоззрения мыслителя и в той или иной степени отражена во всём его творчестве. Воздух, по Бедилу, абсолютен, вечен, подвижен, изменчив, отличается лёгкостью и не имеет цвета. Его движение в основном направлено вверх и вниз. Воздух содержит в себе частицы воды (пар), земли (пыль) и огня (лучи), в результате сочетания которых образуются все вещи феноменального мира [12]. Абсолютный дух также происходит из воздуха. Бедил считал, что подобно тому, как воздух

содержит в себе четыре элемента, так и его продукт – абсолютный дух – содержит основы естественного, растительного, животного и человеческого духа [12, с.59-60]. В одном из своих главных произведений – трактате «Чахор унсур» («Четыре элемента») – Бедил отмечает, что воздух, вода, огонь и земля, несмотря на свою кажущуюся противоположность, являются основой существования мира. Он признавал первоосновой всего сущего воздух, содержащий в себе частицы воды, земли и огня. В результате их соединения и разъединения образуются все тела в мире.

Мирзо Бедил утверждал, что мир существует вечно, находясь в непрерывном движении и изменении. Уничтожение материи он понимает не как абсолютное исчезновение тел, а как их трансформацию и переход в иное состояние; мыслитель полностью опровергает концепцию абсолютного небытия. С его точки зрения, бытию присуща вечность. При этом Бедил признавал индивидуальную смерть лишь как форму изменения отдельных, конкретных вещей.

Бедил признавал индивидуальную смерть и, подобно Гераклиту, считал, что смерть одной вещи является жизнью другой. Он говорит о вечности творящей природы и преходящем характере вещей:

Он чӣ он сӯи саъйи фитрати мост,
Назди мо мулки бенишони фаност.
В-арна аҷзои зарра то хуршед,
Мезанад мавҷи ҳастии ҷовид.
Дар ҳақиқат фанои мутлақ нест, Ки фано аз лавозими
Ҳақ нест. Чун ба кунхаш намерасад авҳом,
Мекунад аҷзи мо фанояш ном [6] .

То, что находится за пределами стремлений нашей природы,
Предстаёт пред нами как бесследное царство небытия (фано).

Иначе бы (все) частицы – от атома до самого солнца –
Не вздымали волны вечного бытия.

В действительности же абсолютного небытия не существует,
Ибо небытие не присуще Истине (Богу).

Поскольку наши помыслы и фантазии (авхом) не могут постичь Его суть,
Наше собственное бессилие и нарекает это «небытием».

Таким образом, мыслитель утверждает, что кажущееся нам исчезнувшим на самом деле не уничтожается и абсолютного небытия не существует. От мельчайших частиц до Солнца – всё находится в постоянном движении. Поскольку, с его точки зрения, Истина имманентно проявляет себя в мире, постольку Истине не присуще исчезновение. Некоторые космогонические идеи, изложенные Бедилем в этой поэме, напоминают буд-

дийское представление о круговороте рождений. Мир, согласно буддизму, состоит из дхарм – вечно текущих частиц, образующих непрерывно изменяющийся поток. Круговорот рождений (сансара) и нирвана представляют собой две формы бытия: проявленное – сансару (путь превращений) и не проявленное – нирвану.

Ранний буддизм не признаёт вечную и неизменную душу, отягощённую материей. В этой традиции считалось, что реальны лишь непосредственно протекающие ощущения и мысли вкупе с физическим составом, с которым они связаны, а идея о некой высшей, возвышающейся над ними душе есть не что иное, как предрассудок. Напротив, ключевой идеей Упанишад было то, что душа является чистой субстанцией, не подверженной никаким изменениям. Поскольку душа признаётся здесь первичной реальностью, то и все конкретные психические состояния в конечном счёте считаются реальными [26, с. 183]. Бедил также допускал существование некой целостности – потока жизни, обусловленного непрерывностью причинно-следственных, взаимосвязанных изменений. Новое рождение мыслитель трактовал не как переселение души и её переход в другое тело, а как возникновение последующей жизни, вызванное качеством настоящей. В поэме «Ирфон» автор приводит рассказ об индийском юноше, верящем в теорию метемпсихоза, а затем последовательно и корректно опровергает данную концепцию переселения душ.

Гуманизм в понимании Бедилы – это возвышение человека как самого ценного бытия в феноменальном мире. Человек, в его представлении, – это микрокосмос, который, как зеркало, отражает всю вселенную и божественный мир, поэтому главной задачей Бедил в своей философии видит в определении природы человека, его сущности. В произведениях, написанных в последние годы его жизни, ярко выражены идеи восточного перипатетизма и суфийских орденов. Например, как в суфизме в целом, так и в творчестве Бедилы идеалом совершенного человека (аль-инсан аль-камиль) выступает пророк Мухаммад. В своём трактате «Талисман изумления», последовательно излагая мысль о предназначении каждого пророка, Бедил раскрывает концепцию поэтапного проявления (давр) священного света абсолютного бытия. При этом мыслитель утверждает, что высшая истина и пути её постижения в полной мере доступны лишь пророкам. Об этом единстве и проявлении духа в материи Бедил пишет:

Хамон хол, фардоиву ди набуд,
Хамон содагй акси оина буд.
Маъонй нагардида аз лафз дур,
Ба хуршед печида амвоchi нур [5, с. 7].

В том (первоначальном) состоянии не было ни завтра, ни вчера (прошлого),

Та простота была отражением в зеркале.
Смыслы (маъони) ещё не отдалились от слов (лафз),
Подобно тому, как волны света слиты с солнцем.

В своих основных произведениях – прежде всего в поэмах «Мухити аъзам», «Тилисми хайрат» и «Ирфон» – Бедил последовательно проводит идею вахдат ал-вуджуд, то есть суфийского пантеизма. С его точки зрения, мир есть воплощение самого Бога, а в лице человека Абсолют достигает наивысшей степени Красоты и Совершенства. О внутреннем поиске человека Бедил говорит в маснави:

Биё, эй пардаи асрори лохут,
Ба чандин нағма маҳви сози носут.
Гаҳе дар масчидат ёрабнавой,
Гаҳе дар дайр ноқусаашной.
Наво ҳайратфиреби соз то кай?
Забон парвонаи овоз то кай?
Туй сарманзили таҳқиқи олам,
Тақупе, ки ҳам дар туст мудҳам [8, с. 222] .

Приди, о завеса тайн божественного мира (лохут),
Поглощённая земным миром (носут) во множестве мелодий.
То в мечети ты взываешь: «О Господь!»,
То в храме идолов (дайр) тебе знаком звук колокола (нокус).
До каких пор мелодия будет обманывать инструмент изумлением?
До каких пор язык будет мотыльком, летящим на пламя голоса?
Ты – конечная цель исследования этого мира,
И все поиски скрыты (заклучены) в тебе самом.

Антропологическое учение Бедиля, носящее глубокий гуманистический характер, формировалось на основе творческого освоения мыслителем перипатетической, суфийской, брахманской и ведийской традиций. Синтезирував их на почве суфийского пантеизма, он создал свою специфическую синкретическую философию.

Философская система Бедиля, по нашему мнению, является синтезом идей различных философских школ и направлений. Изучение его трудов свидетельствует о том, что в них переплетены разные философские учения. Выше мы уже обратили внимание на влияние маджзубизма и суфизма на формирование взглядов Бедиля. Однако это не означает, что Бедил механически усвоил положения различных доктрин. Наоборот, он очень искусно синтезирует различные по историческому и географическому при-

знакам религиозно-философские традиции в исламской интеллектуальной канве.

Как отмечалось выше, философия Бедиля ориентирована прежде всего на проблему человека. Даже когда мыслитель рассматривает вопросы бытия, природы и материального мира, в конечном итоге он оценивает их через призму взаимосвязи с человеком.

Философское учение Бедиля сформировалось в Индии XVII–XVIII веков, исторический период которых характеризовался глубоким синтезом индо-мусульманской культуры. Бедил выступает крупнейшим представителем этой эпохи: своим творчеством он развивал наиболее прогрессивные идеи, отражавшие умонастроения подавляющего большинства народов Индии – как индусов, так и мусульман.

Анализ ключевых аспектных вопросов философского наследия Мирзо Абдулкодира Бедиля показывает, что он занимает особое место в истории общественно-философской мысли народов Центральной и Южной Азии. Стремясь к установлению принципов толерантности, взаимоуважения и дружбы между представителями различных рас и вероисповеданий, Бедил в сложнейших военно-политических и культурно-религиозных условиях уверенно отстаивает идею уникальности человеческого рода. С его точки зрения, человек является носителем божественной сущности и потому призван жить и творить в соответствии с законами Добра, Любви и Красоты.

Литература

1. Айни Х. Бедил и его поэма. – Сталинабад: «Ирфон», 1956. - 127 с.
2. Айни С. Мирзо Абдулкодири Бедил. – Душанбе, 1964. - Т. 11. - Кн. 2. - 435 с.
3. Асимов М.С. Из истории общественной и философской мысли народов Центральной Азии. – Душанбе, 1970.
4. Бедил М.А. Избранные философские касыды и мухаммасы / Пер. с тадж. – Душанбе: Ирфон, 1972.
5. Бедил М. А. Мухити аъзам // Куллиёт. Т. 3. - Кабул, 1963.
6. Бедил М. А. Чахор унсур // Куллиёт. Т. 4. - Кабул, 1965.
7. Бедил М. А. – Душанбе: Ирфон // Куллиёт. Т. 5. - Кабул, 1966.
8. Бедил М. А. Тилисми хайрат // Куллиёт. Т. 6. - Кабул, 1967.
9. Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы / Е.Э. Бертельс; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — 554 с. — (Избранные труды).
10. Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия: исторический очерк / Г.М. Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. — 735 с.
11. Косамби Д.Д. Культура и цивилизация Древней Индии: исторический очерк / Д.Д. Косамби ; пер. с англ. М.Б. Граковой-Свиридовой ; ред. и предисл. Н.Р. Гусевой. — М.: Прогресс, 1968. — 214 с.

12. Муминов И.М. Философские взгляды Мирзо Бедиля. – Ташкент. 1967.
13. Мюллер М. Шесть систем индийской философии / М. Мюллер; пер. с англ. П. Николаева. — М.: К.Т. Солдатенков, 1901. — X. - 397 с.
14. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. / Дж. Неру; пер. с англ. Н. Б. Тер-Акопяна; под ред. Г.Л. Бондаревского, П.В. Куцобина, А.Л. Нарочницкого; вступ. ст. Р.А. Ульяновского. - М.: Прогресс, 1975. - Т. 1. – 383 с.
15. Неру Дж. Открытие Индии / Дж. Неру; пер. с англ. В.В. Исаковича [и др.]. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. — 649 с.
16. Олимов К. Исследования онтологии и гносеологии Бедиля академиком К. Олимовым // Известия АН Таджикской ССР. Серия: философия. – 1985. – № 2.
17. Олимов К. Философские взгляды Абдулкадира Бедиля. – Душанбе: Дониш, 1973.
18. Олимов К.О. Баррасихо дар тасаввуф. –Душанбе: Дониш,1999.
19. Радхакришнан С. Индийская философия: в 2 т. - Т. 1 / пер. с англ. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. — 623 с.
20. Радхакришнан С. Индийская философия: в 2 т. - Т. 2 / пер. с англ. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. — 731 с.
21. Радхакришнан С. Индийская философия // Открытие Индии: философские и эстетические воззрения в Индии XX века / под ред. Э. Комарова, В. Ламшукова, Л. Полонской и др. – М.: Художественная литература, 1987.
22. Садикова Н.Н. (Содики Н.Н.) Философская антропология Мирзо Абдулкодира Бедиля. – Душанбе, 2003.
23. Серебряков И.Д. Литература народов Индии. – М., 1985.
24. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. под ред. А. А. Хисматулина. – М.: Наука, 1989
25. Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. В 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1960–1970.
26. Чаттерджи С. Введение в индийскую философию / С.Чаттерджи, Д.Датта; пер. с англ. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
27. Щербатской Ф.И. Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма». - Пг.: [б. и.], 1923.

PHILOSOPHICAL HUMANISM OF MIRZO ABDULKADIR BEDIL IN THE CONTEXT OF INDO-MUSLIM CULTURAL SYNTHESIS

Sodiki Nasiba Nurullozoda

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Director of the State Institution
«Sarvar» Women's Educational Center
734064, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. A. Gulomov, 18/1
Ph.: (+992) 935 98 59 99 (m.)
bedil68@mail.ru

The article examines the philosophical humanism of Mirzo Abdulkadir Bedil (1644–1720) in the context of the Indo-Muslim cultural synthesis of the 17th–18th centuries. Special attention is paid to the thinker's philosophical and anthropological ideas about man as a microcosm reflecting the unity of the world and the Divine principle. The problem of self-knowledge, the relationship between the individual "Self" and the absolute "Self", as well as Bedil's understanding of freedom, spiritual improvement, and the moral destiny of man are considered. Based on the analysis of the works "Chahor Unsur" ("Four Elements"), "Mukhiti A'zam" ("The Great Ocean"), "Tilismi Khayrat" ("The Talisman of Wonder"), and "Irfon", the syncretic nature of Bedil's philosophy is revealed, which was formed under the influence of Sufism, Eastern Peripateticism, and Indian philosophical and religious teachings, primarily the Vedantic tradition. A special place is given to the research of Academician Karomatullo Olimov, who made a significant contribution to the study of the ontological, epistemological, and anthropological aspects of Bedil's philosophy. It is shown that the creative assimilation of various spiritual traditions allowed Bedil to develop a humanistic worldview based on the ideas of the unity of mankind, religious tolerance, mutual respect, and spiritual freedom. The conclusion is made about the significance of Bedil's philosophical heritage for modern intercultural and interreligious dialogue.

Keywords: Mirzo Abdulkadir Bedil; philosophical humanism; philosophical anthropology; man; microcosm; freedom; self-knowledge; Sufism; Vedanta; Indian philosophy; Islamic philosophy; Indo-Muslim cultural synthesis; religious tolerance.

ГУМАНИЗМИ ФАЛСАФИИ МИРЗО АБДУЛҚОДИРИ БЕДИЛ ДАР ЗАМИНАИ СИНТЕЗИ ФАРҲАНГИИ ҲИНДУМУСАЛМОНӢ

Содиқи Насиба Нуруллозода

доктори илмҳои фалсафа, профессор,

директори Муассисаи давлатии

Маркази таълимии заводи «Сарвар»

734064, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. А. Ғуломов, 18/1

Тел.: (+992) 935 98 59 99 (м.)

bedil68@mail.ru

Дар мақола гуманизми фалсафии Мирзо Абдулқодири Бедил (1644–1720) дар заминаи синтези фарҳангии ҳиндумусалмонӣ асрҳои XVII–XVIII мавриди пажӯҳиш қарор гирифтааст. Таваҷҷуҳи хосса ба тасаввуроти фалсафӣ антропологии мутафаккир дар бораи инсон ҳамчун хурдҷаҳон (микрокосм), ки дар он ваҳдати олам ва асл (огоз)-и Илоҳӣ инъикос ёфтааст, зоҳир мегардад. Масъалаи худшиносӣ ва таносуби «Ман»-и фардӣ ва «Ман»-и мутлақ, инчунин фаҳмиши Бедил аз озодӣ, тақомули маънавӣ ва рисолати ахлоқии инсон баррасӣ мешавад. Дар асоси таҳлили асарҳои «Чаҳор унсур», «Муҳити азам», «Тилисми ҳайрат» ва «Ирфон» хусусияти синкретикӣ фалсафаи Бедил, ки таҳти таъсири тасаввуф, машоияи шарқӣ ва таълимоти фалсафӣ динии Ҳиндӣ, пеш аз ҳама, суннати ведой (ведантикӣ) ташаккул ёфтааст, ошкор карда мешавад. Ба тадқиқоти академик Кароматулло Олимов, ки дар омӯзиши

пахлуҳои онтологӣ, гносеологӣ ва антропологии фалсафаи Бедил саҳми арзанда гузоштааст, ҷойи махсус ҷудо шудааст. Нишон дода шудааст, ки азхудкунии эҷодии суннатҳои гуногуни маънавӣ ба Бедил имкон дод, ки ҷаҳонбинии гуманистии худро дар заминаи ғояҳои ваҳдати башарият, таҳаммулгарой, эҳтироми ҳамдигар ва озодии маънавӣ устувор созад. Дар бораи аҳамияти мероси фалсафии Бедил барои муколамаи муосири байнифарҳангӣ ва байнидинӣ хулоса бароварда мешавад.

Калидвожаҳо: Мирзо Абдулқодири Бедил; гуманизми фалсафӣ; антропологияи фалсафӣ; инсон; озодӣ; худшиносӣ; тасаввуф; веданта; фалсафаи ҳиндӣ; фалсафаи исломӣ; синтези фарҳангии ҳиндумусалмонӣ; таҳаммулгарой.

УДК 37.01(575.3)

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА ТАДЖИКИСТАНА В ПЕРИОД ГОСУ-
ДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ,
ТРАНСФОРМАЦИЯ, НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ**

Рустамова Гульбахор Абдурашидовна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 901 70 75 55 (м.)
gulbakhorrustamova65@gmail.com

Статья посвящена историографической реконструкции развития педагогической науки Таджикистана как самостоятельной области знания в 1991–2025 годах, в отличие от истории системы образования, служащей лишь фоном. На основе верифицированного корпуса из 27 диссертаций, монографий и нормативных документов предложена периодизация, отражающая реальную, а не заранее постулированную последовательность смены исследовательской проблематики: от обращения к домодерному наследию в первые годы независимости через складывание национальной проблематики в начале 2000-х и расширение поля в 2009–2013 годах к появлению с середины 2010-х по 2025 год работ, анализирующих саму педагогическую науку. Показано, что развитие шло не как смена советского, национального и современного этапов, а как последовательное расширение уровня обобщения - от отдельного исторического сюжета к конкретному институту, от института к системе в целом и, наконец, к исследовательской деятельности как объекту изучения, причём ранние уровни не вытеснялись. Установлено, что обращение науки к самоанализу - не единичный эпизод, а растянутая более чем на десятилетие программа одного автора. Рассмотрен также вопрос о предпосылках формирования национальной педагогической научной школы; сделан осторожный вывод, что данных для утвердительного ответа пока недостаточно, хотя отдельные предпосылки прослеживаются.

Ключевые слова: педагогическая наука; историография педагогики; Таджикистан; периодизация; научная школа; государственная независимость; диссертационные исследования; преемственность и трансформация; историко-педагогическое наследие.

Более чем за три десятилетия независимости Таджикистан пережил не только смену системы образования, но и менее заметную перестройку самой педагогической науки как самостоятельной области знания. Куда

лучше изучены изменения школьной сети и кадрового состава, чем судьба исследовательской традиции: какие темы она унаследовала от советской педагогики, какие выработала заново и когда обратилась к анализу самой себя. Настоящая статья рассматривает педагогическую науку Таджикистана именно как предмет историографического анализа, а не как систему образования. Нормативные документы и факты институциональной истории используются здесь лишь как фон, помогающий объяснить обращение исследовательской мысли к тем или иным темам.

Актуальность ракурса связана с тем, что за тридцать пять лет накопился обширный массив диссертаций, монографий и нормативных актов, не подвергавшийся целенаправленной историографической реконструкции: большинство публикаций о таджикской педагогике посвящено состоянию школьного образования или отдельным методикам, и крайне редко - самому развитию педагогического знания. Единственная известная нам работа, прямо обращённая к этому вопросу, - докторская диссертация М. Раджабзода, защищённая 8 мая 2025 года [18], - появилась лишь спустя более чем три десятилетия после независимости. Сам этот факт, а не просто недостаток соответствующей литературы, заслуживает специального объяснения.

Степень научной разработанности проблемы неравномерна. Устойчива традиция изучения историко-педагогического наследия - от домодерных пластов [9] до персидско-таджикской классики [2; 20] и средневековых мыслителей [5; 22; 26; 27]. Работы же об институциональной и кадровой трансформации науки малочисленны [21; 17; 12], а исследования её современного состояния как исследовательской области единичны [11; 18; 19]. Эта асимметрия - часть самого предмета анализа: таджикская педагогика долгое время активно изучала собственное прошлое и собственный предмет - воспитание и обучение, - но крайне редко исследовала саму себя как исследовательское сообщество.

Цель статьи - реконструировать историографическую динамику педагогической науки Таджикистана в 1991–2025 годах на основании верифицированного корпуса источников и предложить периодизацию, отражающую реальную последовательность изменений исследовательской проблематики. Задачи: определить, какие элементы советской традиции сохранились в первые годы независимости; проследить складывание национальной педагогической проблематики; показать расширение проблемного поля во второй половине периода; отдельно рассмотреть работы, обращённые к состоянию самой науки; и проверить, можно ли говорить о сложившейся национальной педагогической научной школе. Объект исследования - педагогическая наука Таджикистана как система знания, направлений, кадров и институтов. Предмет исследования - изменение её содержания и структуры в период независимости, отражённое в диссертациях, монографиях и нормативных документах об образовании.

Схожие процессы - обращение к домодерному наследию, формирование национальной проблематики, институциональная перестройка советских научных структур - затронули педагогическую науку и в других странах Центральной Азии. Сравнительный анализ с ними выходит за рамки настоящей статьи, ограниченной материалом Таджикистана.

Методологически статья опирается на историко-генетический и сравнительно-исторический подходы и на отдельные элементы наукометрического анализа. Полные тексты большинства использованных диссертаций и книг не были доступны для непосредственного изучения, поэтому многие выводы строятся не на пересказе их содержания, а на факте появления: кто, когда, в каком городе и по какой специальности обращался к теме, - способ работы более грубый, чем текстологическое прочтение, но позволяющий увидеть содержательную динамику. Постраничные ссылки указываются только там, где страница подтверждена независимым источником (в частности, для работы М.Лутфуллоева 1997 г. [13, с. 45]), в остальных случаях ссылка даётся без страницы. Даты защиты диссертаций - М. Раджабзода (8 мая 2025 г.) [18] и его же более ранней кандидатской диссертации, защищённой под фамилией М.Г. Раджабов (25 декабря 2014 г.) [19], а также диссертации К.Т. Ходжаева (2010 г.) [27] подтверждены по независимым источникам.

Хронологические рамки статьи (1991–2025 годы) заданы составом верифицированного корпуса: нижнюю границу образует работа М.Лутфуллоева 1997 года, верхнюю - диссертация М.Раджабзода [18]. Периодизация не была принята заранее как гипотеза для иллюстрации: в частности, ожидавшийся акцент на информатизации и мониторинге качества в середине периода не нашёл подтверждения в независимо проверенных источниках и не включён в итоговую картину как установленный факт.

Первая половина 1990-х годов памятна гражданским конфликтом и кризисом социальной инфраструктуры, включая образование, - на этом фоне трудно ожидать интенсивной исследовательской активности. Тем не менее именно к этому периоду относится показательный текст - работа Махмадулло Лутфуллоева «Эҳёи педагогикаи Аҷам» («Возрождение аджамской педагогики», Душанбе, 1997) [13, с. 45]. Уже само название задаёт направление значительной части последующих исследований: не конструирование новой педагогической теории с нуля, а обращение к домодерному пласту культурной традиции как источнику легитимности для постсоветской педагогической мысли. Советская таджикская педагогика изучала классическое наследие в рамках марксистско-ленинской трактовки, где домодерная и религиозно окрашенная мысль занимала периферийное положение. Независимость сняла эти рамки, и поворот у М.Лутфуллоева правильнее понимать не как продолжение прежней традиции, а как её пе-

реозначивание - тот же в целом объект начинает изучаться как основание для национальной, а не общесоветской педагогики.

Показательно, что уже в 1999 году, всего через восемь лет после распада СССР и в условиях ещё не до конца преодоленного гражданского конфликта 1992–1997 годов, в Душанбе защищена докторская диссертация К.Б. Кадырова (специальность 13.00.01) по истории воспитания, школы и педагогической мысли таджиков с древнейших времён до возникновения ислама [9]. Работа такого хронологического охвата не могла быть подготовлена за год-два: её защита в 1999 году означает, что работа над ней велась ещё в первой половине десятилетия, параллельно с самыми тяжёлыми годами противостояния. Это заставляет скорректировать представление о полном параличе научной деятельности начала 1990-х: по крайней мере применительно к историко-педагогическим исследованиям работа продолжалась, а институт защиты докторских диссертаций, унаследованный от советской эпохи механизм, продолжал действовать даже в самых неблагоприятных условиях. Устойчивой оказалась именно исследовательская традиция, а не инфраструктура, в которой она существовала.

В этом состоит первая линия преемственности: сохранился прежде всего институциональный костяк науки - система специальностей, диссертационных советов и учёных степеней. К.Б. Кадыров защищал диссертацию по той же специальности, что и в советское время - 13.00.01. Менялось не форма научной аттестации, а то, что считалось достойным её объектом.

Работы о собственно советском периоде - исследование М.У. Алимардонова по истории образования Таджикской ССР [3] и докторская диссертация М.Х. Абдуллоева о народном образовании Таджикистана в 1960–1980-е годы [1] - защищены значительно позже, в начале 2010-х и это не современное свидетельство о науке первых лет независимости, а ретроспективная реконструкция советского периода, предпринятая, когда историческая дистанция сделала её и возможной, и востребованной. Обе работы выполнены по исторической, а не педагогической специальности и используются здесь как фон.

Картину первых постсоветских лет определяют не разрыв, а два параллельных процесса: институциональное выживание унаследованной системы аттестации кадров и содержательный поворот к домодерному национальному наследию. Из двадцати семи источников, составивших основу статьи, к 1990-м годам относятся лишь два - это стоит признать честно, не создавая видимости более богатой доказательной базы. Тем не менее именно сочетание этих двух линий задаёт исходную точку для дальнейшей трансформации.

Формирование национальной педагогической проблематики взяло свое начало с 2000-х годов. Разница между периодами заметна сразу: если

на 1990-е годы в корпусе приходится лишь две работы, то на период с начала 2000-х по 2008 год - девять, то есть почти пятикратный рост. Число, извлечённое из ограниченной выборки, не может служить статистически надёжным показателем реальной динамики - слишком многое зависит от того, какие источники удалось найти и подтвердить. Но даже с этой оговоркой различие достаточно велико, чтобы его зафиксировать: оно, по крайней мере, не противоречит предположению о постепенном восстановлении исследовательской активности по мере стабилизации после кризиса 1990-х.

Если работа М.Лутфуллоева 1997 года и диссертация К.Б. Кадырова были обращены к домодерному наследию как таковому, то следующее десятилетие отмечено иным движением: наследие всё чаще осмысляется в прямой связи с фактом независимости. В 2001 году М.Лутфуллоев публикует «Истиклолияти Тоҷикистон ва масъалаҳои тарбия» [14], а в 2006-м - «Маорифи Тоҷикистон дар солҳои соҳибистиклолӣ» [15]. Сами заголовки соединяют независимость с проблематикой воспитания напрямую, чего не было в работе 1997 года. Это не смена темы, а её уточнение: наследие перестаёт быть предметом самостоятельного интереса и начинает обосновывать новую, национально ориентированную педагогическую повестку.

Параллельно в оборот входит категория, прежде не встречавшаяся в корпусе, - национальное самосознание как объект педагогического анализа. Диссертация М.Г. Турсуновой о формировании национального самосознания на материалах средних специальных учебных заведений культуры и искусств защищена в Душанбе в 2004 году [24]. Двумя годами позже, в том же институциональном контуре - Институте педагогических наук Академии педагогических наук Таджикистана, - диссертация А. Каландарова исследует патриотическое воспитание в деятельности учителей [10]. Обе темы трудно представить объектом диссертации в советской идеологической рамке, где акцент делался на интернационализм, а не на национальную специфику. Их появление в 2004–2006 годах можно расценивать как складывание национальной проблематики в качестве признанной темы диссертационных исследований.

Линия изучения классического наследия продолжается параллельно, постепенно смещаясь к более частным сюжетам: в 2006 году в Душанбе защищена диссертация М.Т. Алиева об идеях воспитания в трудах Имама Мухаммада Газали [2], годом позже - работа М.И. Ашуралиева о нравственном воспитании на педагогических традициях таджикского народа [4]. Обе работы можно рассматривать как конкретизацию курса, заданного М.Лутфуллоевым, - наследие изучается всё более предметно, применительно к отдельным фигурам или аспектам воспитания.

Формируется и вторая, менее заметная линия - эмпирическое изучение состояния педагогических кадров и учебных заведений, оставшихся от советской системы. В 2006 году в Худжанде защищена диссертация А.М. Ниёзова о развитии средних специальных учебных заведений республики за годы независимости [17], далее в 2007 году и тоже в Худжанде - работа М.М. Сайдуллаевой о подготовке педагогических кадров [21]. Их предмет - не идеи и не наследие, а конкретное институциональное состояние системы подготовки кадров. То, что подобные исследования появляются не в столице, а в Худжанде, может указывать на определённую децентрализацию исследовательской активности, хотя для уверенного вывода только двух диссертаций недостаточно.

Термин «национальная педагогика», всё активнее используемый в этот период, заслуживает оговорок: его не следует отождествлять с более поздним и требовательным понятием научной школы. У М.Лутфуллоева и близких к нему авторов он обозначает прежде всего содержание - ценности, воспитательные идеалы, наследие, - которое предлагается положить в основу педагогической теории независимого государства, а не общую методологию, институт последователей или устойчивую институциональную базу. Это разграничение важно учитывать при оценке предпосылок формирования научной школы.

Институциональным фоном служит принятый в 2004 году закон «Об образовании» - первый после распада СССР относительно целостный законодательный акт [7] - как нормативный документ, а не исследование, он определяет правовые рамки, в которых существовала педагогическая наука вплоть до принятия нового закона в 2013 году. К концу 2000-х национально ориентированная содержательная повестка (М.Лутфуллоев, М.Г.Турсунова, А.Каландаров) и эмпирико-институциональная повестка (А.М. Ниёзов, М.М. Сайдуллаева) развиваются рядом друг с другом, в общей нормативной рамке, но ещё не образуют единого исследовательского поля.

Проблемное поле педагогических исследований расширяется в 2009–2013 гг. Рубеж между периодами задаёт диссертация М.И. Гиёсиева, защищённая в Курган-Тюбинском государственном университете в 2009 году: «Педагогические воззрения таджикско-персидских мыслителей X и первой половины XI века и их трансформация в современной национальной педагогике» [5]. В отличие от более ранних работ о наследии, где связь с современностью в лучшем случае подразумевалась, здесь она вынесена в заглавие как прямой предмет исследования. Это первый источник в корпусе, где слово «трансформация» применительно к наследию становится программным, а не метафорическим, и именно эта диссертация, а не какой-либо нормативный акт, задаёт содержательную границу нового периода.

Изучение домонгольского наследия расширяется и хронологически. В 2010 году в том же Курган-Тюбинском университете защищена диссер-

тация З.К. Сидиковой о педагогических взглядах Носира Хусрава [22], в 2012-м в Душанбе - докторская диссертация А.Х. Халимова о воспитании и зарождении школ и педагогической мысли таджиков в эпоху Саманидов [26], то есть о периоде IX–X веков. Оба курган-тюбинских исследования - М.И. Гиёсиева и З.К.Сидиковой защищены в одном университетском совете, что говорит скорее об устойчивом локальном центре изучения наследия, чем о случайном совпадении интересов. Так же, как и душанбинский Институт педагогических наук выступает центром для работ о национальном самосознании, Курган-Тюбе на несколько лет становится ещё одним центром притяжения историко-педагогических исследований. В том же 2010 году в Душанбе защищена докторская диссертация К.Т. Ходжаева о педагогических взглядах мыслителей таджикского народа в XI веке [27]. Тематически она примыкает к тому же кластеру (все три работы обращены к таджикско-персидской мысли X–XI веков), но защищена в столице, на соискание степени доктора наук. Это можно рассматривать как ещё одно свидетельство того, что интерес к домонгольскому наследию домодерной эпохи в 2009–2010 годах разделялся исследователями в разных центрах одновременно.

На этом фоне впервые в корпусе появляется работа, прямо использующая словарь модернизации, - диссертация Т.К. Тагдирова о педагогических условиях реализации инновационных процессов в школах (Душанбе, 2010) [23]. Пределы этого наблюдения стоит сразу оговорить. Речь идёт об одной диссертации, где более узкие темы - информатизация обучения, критическое мышление, мониторинг качества знаний, - ожидавшиеся в первоначальной гипотезе периодизации, в независимо проверенном корпусе не представлены, и любое более сильное утверждение о размахе модернизационной проблематики выходило бы за пределы того, что показывает материал.

Проблематика работ в сфере управления тоже меняет тональность: если работы конца 2000-х описывали состояние конкретных учебных заведений и кадров, то диссертация Т.Г. Каримова 2011 года посвящена состоянию и проблемам управления образованием в условиях демократизации общества [12], где управление как таковое становится самостоятельным объектом. Ещё дальше идёт диссертация И. Фархудинова 2013 года о проблемах реформирования и перспективах развития системы образования Таджикистана после приобретения им независимости [25]. Здесь уже предметом является не одна реформа и не одно учреждение, а реформаторский процесс в целом, рассматриваемый ретроспективно. От А.М.Ниёзова через Т.Г.Каримова к И.Фархудинову заметно последовательное нарастание уровня обобщения - от конкретного типа учреждений к управлению в це-

лом и далее к реформе как таковой, - предвосхищающее движение, которое в следующем периоде проявится применительно уже к самой науке.

2013 год примечателен и тем, что на смену закону 2004 года пришёл новый закон «Об образовании» [8], а годом раньше правительство утвердило Национальную стратегию развития образования до 2020 года [16]. Совпадение диссертации И.Фархудинова с этим рубежом едва ли случайно: смена нормативной базы создаёт повод для осмысления пройденного пути. Примерно тогда же появляются исторические работы о советском периоде [1; 3] - ретроспективная историзация советского прошлого и реформаторская рефлексия над постсоветским настоящим происходят практически одновременно, и, спустя двадцать с лишним лет после распада СССР, исследователи получают достаточную дистанцию, чтобы рассматривать оба периода как относительно завершённые объекты анализа.

По количеству источников рассматриваемые периоды сопоставимы: на 2000 - 2008 годы приходится девять работ, на 2009–2013 годы - десять, но по внутренней структуре они заметно различаются. В первом случае национально-содержательная линия (М.Лутфуллоев, М.Г.Турсунова, А.Каландаров) и институционально-кадровая линия (А.М.Ниёзов, М.М.Сайдуллаева) существуют независимо друг от друга. Во втором - к ним добавляется третья, ранее отсутствовавшая ось - управленческая и реформаторская (Т.Г.Каримов, И.Фархудинов), появление которой от предшествующего периода по существу отличает 2009–2013 годы.

Особое место в рассматриваемом корпусе источников занимает диссертация И.Р. Джабборова 2014 года - о вкладе академика С.А. Раджабова в развитие высшего образования и науки Таджикистана [6]. Формально это историческая, а не педагогическая работа. Но отдельно стоит подчеркнуть, что академик С.А. Раджабов - историческая фигура, чья деятельность пришлась на 1950–1980-е годы. Он не имеет отношения к авторам диссертаций о квалиметрии педагогических исследований и рассматриваемых в 4-ом разделе М.Г. Раджабову и Раджабзоду Махмадулло, несмотря на созвучие всех трёх фамилий. Как показано ниже, два последних имени принадлежат одному и тому же человеку, писавшему фамилию по-разному в разные годы, но не имеющему отношения к академику С.А. Раджабову. Тем не менее сам факт персонифицированного исследования о вкладе конкретного учёного - редкий для корпуса тип источника - обозначает зарождение интереса к истории науки как истории деятельности её представителей.

Период 2019–2025 годов представлен в корпусе всего тремя источниками. Именно эта немногочисленность требует осторожности в обобщениях. Тем не менее в качественном отношении данные работы настолько отличаются от рассмотренных ранее, что заслуживают выделения в отдельный раздел.

Диссертация С.М. Саидмировой (2019 года) о приоритетности освоения наук в педагогических воззрениях Абдурахмана Джами и их востребованности в современной педагогике [20] продолжает линию изучения классического наследия, восходящую к К.Б. Кадырову (1999 года) и М.Т. Алиеву (2006 г.). Интерес к персидско-таджикской классике сохраняется практически на протяжении всего периода, оставаясь едва ли не самой устойчивой темой корпуса – при том, что между А.Х. Халимовым (2012 г.) и С.М. Саидмировой (2019 г.) проходит семь лет, в течение которых, по крайней мере в подтверждённом корпусе, работ этого типа не выходило. Это говорит скорее о неравномерном темпе исследовательской активности, чем о её угасании.

Настоящую новизну этого этапа составляют две другие работы. Докторская диссертация М.Б. Каримзоды (2021 года) посвящена концептуальным основам государственной политики Республики Таджикистан в сфере образования [11]. По сравнению с диссертацией И.Фархудинова (2013 года), где рассмотрены «проблемы реформирования» уже осуществлённых изменений, в данной работе предметом исследования становится сама концепция государственной, что свидетельствует о более высоком уровне обобщения, ранее не представленном в рассматриваемом корпусе. Показательно и то, что это докторская, а не кандидатская работа. Хронологически диссертацию М.Б.Каримзоды отделяют от диссертации И.Фархудинова восемь лет, в течение которых в корпусе образуется заметный пробел. Судить о том, было ли появление концептуально-политического уровня постепенным нарастанием или скачком, по имеющимся данным нельзя. Можно лишь зафиксировать конечные точки промежутка.

Прежде чем перейти к докторской диссертации (2025 г.), необходимо указать более раннюю работу того же автора. 25 декабря 2014 года по специальности 13.00.01 защищена кандидатская диссертация М.Г. Раджабова «Квалиметрия педагогических исследований таджикских учёных в период государственной независимости Таджикистана» [19]. Данная работа объёмом 418 страниц компьютерного текста и библиографией из 501 наименования. Судя по тексту автореферата, её объектом уже тогда выступала совокупность педагогических диссертационных исследований, выполненных в Таджикистане за годы независимости. Целью выступала - систематизация и апробация критериев квалиметрической оценки качества научно-педагогических исследований. Первая глава работы посвящена, среди прочего, историографическому анализу разработки педагогических проблем. Иначе говоря, интерес этого автора к квалиметрическому и историографическому изучению самого корпуса педагогических исследований возник не в 2025 году, а на десятилетие раньше, и докторская диссертация 2025 года -

не изолированный эпизод, а развитие и углубление собственной исследовательской программы, начатой в 2014–2015 годах.

Ещё дальше в этом же направлении, уже на докторском уровне, спустя десятилетие идёт диссертация того же автора - Рачабзода Махмадулло «Таҳқиқоти педагогӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: таҳлили квалитетии вазъ, мушкилот ва дурнамои рушд» («Педагогические исследования в Республике Таджикистан: квалитетический анализ состояния, проблем и перспектив развития») [18], защищённая 8 мая 2025 года. Слово «квалитетия» указывает на применение количественно-качественного измерительного инструментария к материалу, которым в данном случае выступает не учащийся и не программа обучения, а сам массив педагогических исследований. Судя по названию, более подробные сведения о содержании работы нам были не доступны и нуждаются в отдельной проверке по полному тексту или автореферату. Вместе с тем её объектом выступает не образование и не отдельная практика, а само состояние педагогических исследований в республике. Если прочие источники статьи - первичный материал для историографии, то работа Раджабзода занимает иное положение: она сама является историографической или наукометрической рефлексией, обращённую к тому же, в широком смысле, объекту, что и настоящая статья.

Тут надо сразу оговориться. Мы не знаем, что именно вошло в анализ докторской 2025 года: ни периода, ни методики измерения, ни выводов. Для этого нужен полный текст работы, а его у нас на момент подготовки статьи не было. Хотя сам факт защиты и её точная дата подтверждены официальным решением диссертационного совета. Не берёмся утверждать и того, что это вообще первая такая работа в истории таджикской педагогики. Но здесь важно не путать две вещи: личную исследовательскую программу автора и явление, распространённое в научном сообществе в целом. Если у одного автора таких работ две — это ещё не традиция. О традиции саморефлексии в педагогической науке говорить рано.

В истории науки способность дисциплины к рефлексии над собственным развитием обычно возникает не на раннем, а на сравнительно зрелом этапе развития, когда накопленный массив исследований становится достаточно большим, чтобы его можно было анализировать как самостоятельный объект. С этой точки зрения то обстоятельство, что подобная работа появляется - по крайней мере, в границах рассмотренного корпуса — впервые лишь спустя более двух десятилетий после независимости (кандидатская диссертация 2014–2015 годов), а затем, уже на докторском уровне, спустя более тридцати лет (2025 год), вполне представляется закономерным и не должно восприниматься как признак запоздалого развития науки. Диссертация М.Б.Каримзоды 2021 года, хотя и не тождественна по предмету работам М.Г.Раджабова (Раджабзода), движется в том же направ-

лении обобщения. Если Раджабов анализирует состояние исследований, то Каримзода - состояние политики, то есть оба автора поднимают анализ на уровень, ранее не встречавшийся в корпусе, но применительно к разным объектам.

Необходимо остановиться на разрыве, разделяющем периоды 2009–2013 и 2019–2025 годов. Проверка выявила в этом промежутке одну работу педагогической специальности - диссертацию М.Г. Раджабова [19], защищённую 25 декабря 2014 года по специальности 13.00.01, - то есть, строго говоря, находящуюся на самой границе разрыва. Единственная другая относящаяся к этому пятилетию работа - диссертация И.Р. Джабборовва 2014 года [6] - по-прежнему выполнена по исторической, а не педагогической специальности и рассмотрена как биографический источник об учёном. Таким образом, промежуток 2014–2018 гг. нельзя больше считать полностью лишённым педагогических источников, однако период с начала 2015 по 2018 год в верифицированном корпусе остаётся непредставленным. У такой неполноты может быть множество причин, не имеющих отношения к реальной научной динамике, - от особенностей индексации диссертаций в доступных каталогах до случайной выборки при формировании библиографии для конкретной статьи, - ни одна из которых не может быть проверена использованным здесь методом. Находка диссертации Раджабова уже после того, как этот пробел был впервые описан, сама по себе служит наглядным подтверждением этой оговорки. Отсутствие подтверждённых источников за 2015–2018 годы остаётся историографическим пробелом, требующим дальнейшего библиографического поиска, а не содержательных выводов об истории науки.

Рассмотренный материал позволяет свести воедино несколько линий изменения, прослеженных по отдельности для каждого периода.

От советской традиции сохранился прежде всего институциональный каркас: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» остаётся дисциплинарным домом почти для всех рассмотренных диссертаций - от К.Б.Кадырова в 1999 году до М.Б.Каримзоды в 2021-м и М.Раджабзода в 2025-м, - а процедура защиты в профильных диссертационных советах не претерпела структурного разрыва. Сохранился и более специфический жанр - изучение классического историко-педагогического наследия, существовавший, хотя и в более узких идеологических рамках, уже в советской таджикской педагогике. Корпус источников статьи показывает не рождение этого жанра заново, а его последовательное, хотя и неравномерное развитие на протяжении тридцати лет - от К.Б.Кадырова (1999) через М.Т.Алиева (2006), М.И.Гиёсиева и К.Т.Ходжаева (2009–2010), З.К.Сидикову (2010), А.Х.Халимова (2012) до С.М.Саидмировой (2019). Ни один из рассмотренных периодов не обхо-

дится без работы этого типа. Линия наследия - не характеристика одного этапа, а фон, на котором разворачиваются все остальные изменения.

Изменилась, прежде всего, рамка легитимации исследования - то, что признаётся достойным предметом педагогической науки. То, что в советское время должно было вписываться в логику интернационального воспитания, теперь получает право на существование как национально специфичное. Национальное самосознание [24] и патриотическое воспитание [10] становятся самостоятельными объектами анализа, что было бы затруднительно в прежней идеологической системе координат. Полностью сменилась и нормативная база: закон 2004 года уступил место закону 2013-го [7; 8], а отраслевая политика получила стратегический документ до 2020 года [16]. Каждая такая смена задаёт исследователям повод для рефлексии над пройденным этапом - как на примере диссертации И.Фархудинова, защищённой в год принятия нового закона [25], - и нормативные документы, оставаясь фоном, а не научной литературой, выполняют функцию вех, размечающих исследовательский календарь.

Собственно новыми можно считать по меньшей мере три направления. Во-первых, исследования управленческого и концептуально-политического уровня - от работы Каримова об управлении образованием в условиях демократизации [12] до диссертации Каримзоды о концептуальных основах государственной политики [11], где объектом впервые становится не практика, а сама политическая концепция. Во-вторых, категория «инновационных процессов», впервые зафиксированная в работе Т.К.Тагдирова [23] - при оговорке, что более частные модернизационные темы в независимо подтверждённом корпусе пока не представлены. В-третьих, и это самое существенное, - исследование самой педагогической науки как объекта, для которого прежде не находится аналогов: диссертации одного и того же автора - кандидатская 2014–2015 годов [19] и докторская 2025 года [18] - выделяются тем, что их предмет - не образование и не наследие, а сама исследовательская деятельность.

Особого комментария заслуживает то, как менялось соотношение между историко-педагогическим наследием и современной проблематикой. В 1990-е годы наследие изучалось в значительной мере само по себе (Лутфуллоев, Кадыров). В 2000-е оно начинает служить обоснованием национальной повестки, но пока ещё как бы рядом с ней находятся работы Лутфуллоева 2001 и 2006 годов и работы М.Г.Турсуновой и А.Каландарова посвященные разным, хотя и смежным вопросам, не ссылаясь друг на друга. В 2009 году это отношение впервые формулируется прямо, как трансформация, - работа М.И.Гиёсиева так и называется [5]. После этого линия наследия не исчезает и не сливается с современной проблематикой, а продолжает существовать как относительно самостоятельный пласт исследований - вплоть до диссертации Саидмировой 2019 года, - тогда как рядом с

ней вырастает качественно иная, метауровневая линия рефлексии над состоянием самой науки. Иначе говоря, современная таджикская педагогическая наука не заменила изучение наследия чем-то новым, а надстроила над ним ещё один, более поздний и пока немногочисленный слой исследований другого типа.

Заслуживает упоминания и географическая составляющая картины. Душанбе на протяжении всего периода остаётся основным центром защиты диссертаций. Однако, по крайней мере еще два других города дают о себе знать – Худжанд, как место защиты диссертаций о кадрах и профессиональных учебных заведениях [17; 21], и Курган-Тюбе, как устойчивый локальный центр изучения средневекового наследия [5; 22]. Из этого, конечно, не следует, что периферийные университеты специализировались на определённых темах в силу какого-либо организационного решения – доступные данные этого не позволяют утверждать. Однако, сам факт территориального распределения активности заслуживает внимания как материал для будущей институциональной истории таджикской педагогической науки.

Если попытаться описать изменение исследовательской проблематики в целом, одной фразой, то движение это можно охарактеризовать как последовательное расширение уровня, на котором ставится вопрос: от конкретного исторического сюжета (домусульманское воспитание, взгляды отдельного мыслителя), к конкретному институту или практике (профессиональное училище, подготовка кадров), далее к процессу или системе в целом (управление образованием, реформа) и, наконец, к самой исследовательской деятельности как объекту (педагогическая наука, государственная политика как концепция). Ни один из более ранних уровней при этом не был вытеснен более поздним. Все они продолжают существовать одновременно и именно поэтому корпус источников 2019–2025 годов включает работу о персидско-таджикском поэте XV века рядом с работой о квалиметрии диссертационного потока. Расширение проблемного поля означает не замену одной проблематики другой, а последовательное наращивание уровней анализа поверх уже существующих.

Вопрос о том, сложилась ли в Таджикистане самостоятельная национальная педагогическая научная школа, требует не декларации, а последовательной проверки по нескольким независимым признакам.

Институциональная концентрация исследований прослеживается достаточно отчётливо: заметная часть диссертаций защищена в одном институциональном контуре – Институте педагогических наук Академии педагогических наук Таджикистана и Научно-исследовательском институте педагогических наук при той же академии [10; 24; 21]. Отдельный кластер составляют работы, защищённые в Курган-Тюбинском государственном уни-

верситете и связанные темой домонгольского наследия [5; 22]. Такая концентрация является необходимой, но не достаточной предпосылкой для существования школы. Она свидетельствует об устойчивой институциональной среде, но сама по себе не доказывает единства исследовательской традиции внутри неё.

Общая тематическая ось также обнаруживается без труда: около трети всех источников объединены темой историко-педагогического наследия и его связи с современной национальной педагогикой - тема, устойчиво воспроизводящаяся с 1999 по 2019 год, подкреплённая серией из восьми подтверждённых работ, распределённых по трём городам и охватывающих два десятилетия. Важно, однако, различать общую тему и общую исследовательскую программу. Общая тема означает, что разные авторы независимо друг от друга сочли наследие достойным объектом изучения. Общая программа предполагала бы, что кто-то сознательно намечал круг вопросов, а последующие авторы соотносили с ним свою работу. Доступные библиографические данные не позволяют различить эти два сценария.

Хуже обстоит дело с двумя другими признаками научной школы. Преемственность поколений - наличие подтверждаемых отношений научного руководства или ученичества между авторами, - по имеющимся данным установить невозможно. Мы не располагаем сведениями о том, руководил ли Лутфуллоев М. кем-либо из более поздних авторов или связаны ли курган-тюбинские исследователи иначе, чем общим университетом и темой. Столь же мало оснований говорить об общей методологической платформе. Рассмотренные работы методологически разнородны - историко-реконструктивные исследования, диссертации о воспитании на конкретном материале, концептуальный анализ государственной политики, квалиметрические исследования Раджабова/Раджабзода, где ни один источник не заявляет методологию, объединяющую его с другими. Школа в строгом смысле предполагает не только общий предмет, но и узнаваемый, разделяемый несколькими исследователями способ его изучения, а этого по доступным данным зафиксировать нельзя.

Остаётся саморефлексия науки. Это когда сообщество само делает предметом анализа собственное состояние. В нашем корпусе такой признак есть, но только в двух работах — кандидатской 2014–2015 годов и докторской 2025 года [19; 18]. И обе принадлежат одному автору. Так что это скорее личная исследовательская программа автора. Традиции, которую разделяло бы сообщество, здесь пока не видно.

Собранные вместе, эти наблюдения не дают достаточных оснований утверждать, что в Таджикистане сформировалась национальная педагогическая научная школа в строгом смысле - с общей методологией, подтверждённой преемственностью учителей и учеников и устойчивой традицией самоанализа. Вместе с тем источники фиксируют наличие отдельных

предпосылок её формирования: устойчивой институциональной среды, общей тематической оси и единичного, но значимого прецедента рефлексии научного сообщества над собственной деятельностью. Прямая проверка вопроса о преемственности поколений и об общей методологии потребовала бы дополнительных данных, прежде всего анализа научного руководства и сети взаимного цитирования, которые выходят за пределы возможностей использованного корпуса. Сформулировать вывод сильнее, чем позволяют источники, значило бы подменить осторожный анализ желаемым результатом. Сформулировать его слабее это значит не заметить реального движения к институциональной и тематической консолидации, которое источники всё же позволяют зафиксировать.

Что же требуется для более определённого ответа? Во-первых, необходим доступ к полным текстам диссертаций, так, как только по тексту можно установить, ссылаются ли, скажем, З.К.Сидикова или С.М.Саидмирова на работы М.Лутфуллоева или друг на друга. Во-вторых, данные о научном руководстве, которые, как правило, не приводятся в доступных библиографических карточках. И, конечно же, более широкий, чем двадцать семь источников, корпус. До появления этих данных любой более сильный вывод о научной школе оставался бы умозрительным.

Проведённый нами анализ позволяет сформулировать несколько выводов.

Во-первых, развитие педагогической науки Таджикистана в период независимости не сводится ни к продолжению советской традиции, ни к полному разрыву с ней: институциональный каркас - специальность 13.00.01, система диссертационных советов - сохранился, тогда как идеологическая рамка легитимации исследовательских тем изменилась принципиально.

Во-вторых, на основании верифицированного корпуса можно выделить четыре периода: 1991 - конец 1990-х годов, когда интерес обращается прежде всего к домодерному наследию; начало 2000-х - 2008 год, когда складывается национальная педагогическая проблематика и формируется эмпирическая линия изучения кадров и институтов; 2009–2013 годы, когда происходит расширение проблемного поля и наследие впервые прямо осмысливается как трансформирующееся в современную национальную педагогику; и 2019–2025 годы, когда появляются работы, поднимающие исследование на уровень государственной политики и, впервые, на уровень рефлексии над самой научной областью.

В-третьих, разрыв между периодами 2009–2013 и 2019–2025 годов оказался не полностью пустым: обнаружена кандидатская диссертация педагогической специальности, защищённая на его границе, 25 декабря 2014 года; период с начала 2015 по 2018 год в верифицированном корпусе оста-

ётся непредставленным, и это следует расценивать исключительно как историографический пробел, а не как свидетельство остановки научного развития; последующим исследованиям стоит заняться поиском материалов именно за эти годы.

В-четвёртых, линия изучения историко-педагогического наследия оказалась наиболее устойчивым элементом всего массива: она не была вытеснена новыми направлениями, а развивалась параллельно с ними на протяжении всего периода, от 1999 до 2019 года.

В-пятых, действительно новыми для корпуса можно считать три направления - исследования управленческого и концептуально-политического уровня, категорию «инновационных процессов» и, в наиболее выраженном виде, обращение науки к анализу самой себя, впервые представленное кандидатской диссертацией М.Г. Раджабова 2014–2015 годов и получившее развитие в докторской диссертации того же автора (Раджабзода Махмадулло) 2025 года и это направление составляет, на наш взгляд, наиболее значимую содержательную новацию рассмотренного периода.

В-шестых, вопрос о сложившейся национальной педагогической научной школе не может быть решён утвердительно: источники показывают лишь отдельные предпосылки - институциональную концентрацию и общую тематическую ось, - но не дают оснований говорить о подтверждённой преемственности поколений или общей методологической платформе.

В-седьмых, дальнейшая работа над темой требует по меньшей мере трёх шагов - целенаправленного поиска источников за 2015–2018 годы, изучения полных текстов обеих диссертаций М.Г. Раджабова/Раджабзода Махмадулло, как единственных в корпусе работ о состоянии самой педагогической науки, и анализа сети научного руководства и взаимного цитирования между рассмотренными авторами.

Сказанное не означает, что тридцать с лишним лет развития таджикской педагогической науки следует описывать как историю незавершённого проекта. Показанная последовательность - от обращения к домодерному наследию через оформление национальной проблематики и институциональной рефлексии к первым попыткам осмыслить саму исследовательскую деятельность - представляет собой связное, внутренне логичное движение, каждый этап которого опирается на предыдущий, а не отменяет его. Осторожность формулировок относится не к факту этого движения, который источники подтверждают достаточно надёжно, а к одному конкретному, более сильному утверждению о его институциональном результате - утверждению, для которого пока недостаточно данных.

Литература

1. Абдуллоев М.Х. Народное образование Республики Таджикистан в 60–80 годы XX века: история и проблемы развития: дис. ... д-ра ист. наук. - Душанбе, 2012.
2. Алиев М.Т. Идеи воспитания в трудах Имама Мухаммада Газали: дис. ... канд. пед. наук. - Душанбе, 2006.
3. Алимардонов М.У. История образования Таджикской ССР: дис. ... канд. ист. наук. - Душанбе, 2013.
4. Ашуралиев М.И. Нравственное воспитание учащихся на педагогических традициях таджикского народа: дис. ... канд. пед. наук. - Душанбе, 2007.
5. Гиёсиев М.И. Педагогические воззрения таджикско-персидских мыслителей X и первой половины XI века и их трансформация в современной национальной педагогике: дис. ... канд. пед. наук. - Курган-Тюбе, 2009.
6. Джабборов И.Р. Вклад академика С.А. Раджабова в развитие высшего образования и науки Таджикистана: дис. ... канд. ист. наук. - Душанбе, 2014.
7. Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. - № 34 «Об образовании» (утратил силу с 22 июля 2013 г.) [Электронный ресурс]. - URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=4866.
8. Закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 1004 «Об образовании» (в действующей редакции) [Электронный ресурс]. - URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=119771.
9. Кадыров К.Б. История воспитания, школы и педагогической мысли таджиков с древнейших времён до возникновения ислама: дис. ... д-ра пед. наук. - Душанбе, 1999. - 394 с.
10. Каландаров А. Патриотическое воспитание в педагогической деятельности учителей Республики Таджикистан: дис. ... канд. пед. наук. - Душанбе, 2006. – 178 с.
11. Каримзода М.Б. Концептуальные основы государственной политики Республики Таджикистан в сфере образования: дис. ... д-ра пед. наук. - Душанбе, 2021. – 385 с.
12. Каримов Т.Г. Состояние и проблемы управления образованием в Республике Таджикистан в условиях демократизации общества: дис. ... канд. пед. наук. - Душанбе, 2011.
13. Лутфуллоев М. Эҳёи педагогикаи Ачам [Возрождение аджамской педагогики]. - Душанбе, 1997. – 150 с.
14. Лутфуллоев М. Истиклолияти Тоҷикистон ва масъалаҳои тарбия [Независимость Таджикистана и вопросы воспитания]. - Душанбе, 2001.
15. Лутфуллоев М. Маорифи Тоҷикистон дар солҳои соҳибистиклолӣ [Просвещение Таджикистана в годы независимости]. - Душанбе, 2006.
16. Национальная стратегия развития образования Республики Таджикистан до 2020 года: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2012 г. № 334 [Электронный ресурс]. - URL: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=117335> (дата обращения: 02.09.2026).
17. Ниёзов А.М. Развитие средних профессиональных учебных заведений Республики Таджикистан за годы независимости: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Худжанд, 2006. – 168 с.
18. Раджабзода М. (Рачабзода Махмадулло). Таҳқиқоти педагогӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: таҳлили квалитетии вазъ, мушкилот ва дурнамои рушд [Педагогическое исследование в Республике Таджикистан: анализ качества ситуации, проблемы и перспективы развития]. - Душанбе, 2021. – 150 с.

- ческие исследования в Республике Таджикистан: квалиметрический анализ состояния, проблем и перспектив развития]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук (13.00.01). - Душанбе, 2025 [Электронный ресурс]. - URL: <https://shurodisatt.tj/files/aD-hddi010225rm030525.pdf> (дата обращения: 09.08.2026).
19. Раджабов М.Г. (Раджабзода Махмадулло). Квалиметрия педагогических исследований таджикских учёных в период государственной независимости Таджикистана: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Душанбе, 2015. - 418 с.
  20. Саидмирова С.М. Приоритетность освоения наук в педагогических воззрениях Абдурахмана Джами и их востребованность в современной педагогике: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01; Таджикский национальный университет. - Душанбе, 2019.
  21. Сайдуллаева М.М. Проблема подготовки педагогических кадров в Таджикистане в годы независимости: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Худжанд, 2007. - 167 с.
  22. Сидикова З.К. Педагогические взгляды Носира Хусрава и их реализация в условиях современного общества Таджикистана: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Курган-Тюбе, 2010. - 174 с.
  23. Тагдиров Т.К. Педагогические условия реализации инновационных процессов в школах Республики Таджикистан: дис. ... канд. пед. наук. - Душанбе, 2010.
  24. Турсунова М.Г. Педагогические особенности формирования национального самосознания (на материалах средних специальных учебных заведений культуры и искусств Республики Таджикистан): дис. ... канд. пед. наук. - Душанбе, 2004.
  25. Фархудинов И. Проблемы реформирования и перспективы развития системы образования Таджикистана после обретения независимости: дис. ... канд. пед. наук. - Душанбе, 2013.
  26. Халимов А.Х. Воспитание, зарождение школ и педагогической мысли таджиков в эпоху Саманидов: дис. ... д-ра пед. наук. - Душанбе, 2012.
  27. Ходжаев К.Т. Педагогические взгляды мыслителей таджикского народа в XI веке: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. - Душанбе, 2010. - 278 с.

PEDAGOGICAL SCIENCE OF TAJIKISTAN IN THE PERIOD OF STATE INDEPENDENCE: CONTINUITY, TRANSFORMATION, NEW DIRECTIONS

Rustamova Gulbakhor Abdurashidovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 901 70 75 55 (m.)
gulbakhorrustamova65@gmail.com

The article reconstructs the development of pedagogical science in Tajikistan as an independent field (1991–2025), distinct from the education system's history, which is only background. Based on 27 dissertations, monographs, and norms, it proposes a periodization

reflecting actual changes: from pre-modern heritage in early independence, through a national agenda in the early 2000s and field expansion in 2009–2013, to studies of pedagogical science itself from the mid-2010s to 2025. This development did not follow a Soviet–national–modern sequence but a successive expansion of generalization levels - from a historical subject to an institution, then to the whole system, and finally to research activity as an object, without displacing earlier levels. The discipline's self-analysis is not an isolated event but a coherent program by one author over a decade, from a 2014–2015 candidate's dissertation to a 2025 doctoral dissertation on a related topic. The preconditions for a national scientific school are examined; evidence is insufficient for a positive answer, though some preconditions are traceable.

Keywords: pedagogical science; historiography of pedagogy; Tajikistan; periodization; scientific school; state independence; dissertation research; continuity and transformation; historical and pedagogical heritage.

**ИЛМИ ПЕДАГОГИИ ТОҶИКИСТОН
ДАР ДАВРАИ ИСТИҚЛОЛИЯТИ ДАВЛАТЌ:
ПАЙДАРПАЙЌ, ТРАНСФОРМАТСИЯ, САМТҲОИ НАВ**

Рустамова Гулбахор Абдурашидовна

номзади илмҳои педагогӣ, дотсенти
кафедраи педагогика, психология ва усулҳои таълим
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 901 70 75 55 (м.)
gulbakhorrustamova65@gmail.com

Мақола ба таҳлили таърихнигории рушди илми педагогии Тоҷикистон ҳамчун соҳаи мустақили дониш дар солҳои 1991–2025 бахшида шудааст, бар хилофи таърихи низоми маориф, ки танҳо замина аст. Дар асоси 27 диссертатсия, монография ва санадҳои меъёри даврандози воқеии тағйироти мавзӯоти таҳқиқотӣ пешниҳод шудааст: аз мурочиат ба мероси пешазмуосир дар аввали истиқлолият, ташаккули мавзӯоти миллӣ дар ибтидои солҳои 2000, васеъшавии майдон дар 2009–2013, то пайдоиши қорҳо дар бораи ҳуди илми педагогӣ аз миёнаи солҳои 2010 то 2025. Рушд на ивази пайдарпаии даврандози шӯравӣ, миллӣ ва муосир, балки васеъшавии сатҳи умумигардонӣ буд: аз мавзӯи таърихӣ ба ниҳод, аз ниҳод ба низом, ва ниҳоят ба фаъолияти таҳқиқотӣ ҳамчун объект, ки сатҳҳои пешина иваз нашуданд. Мурочиати илм ба худшиносӣ як барномаи пайдарпаи як муаллиф аст, ки зиёда аз даҳ сол давом карда, аз диссертатсияи номзодии 2014–2015 то доктории 2025 дар мавзӯи наздик. Масъалаи заминаҳои мактаби илмии миллии педагогӣ низ баррасӣ шудааст; ҳулоса ин аст, ки барои ҷавоби мусбат маълумот ҳанӯз қойӣ нест, гарчанде заминаҳои возеҳ мушоҳида мешаванд.

Калидвожаҳо: илми педагогика; таърихнигории педагогика; Тоҷикистон; даврандози; мактаби илмӣ; истиқлолияти давлатӣ; таҳқиқоти диссертатсионӣ; пайвастагӣ ва тағйирот; мероси таърихӣ-педагогӣ.

УДК 37.013(575.3)

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ ИНФОРМАЛЬНОГО ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Ибрагимова Ирода Аса-Ахуновна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 111 77 16 83 (м.)
ibragimova19@bk.ru

В статье исследуется проблема интеграции информального образования в систему непрерывного профессионального развития учителей русского языка и литературы средних школ Республики Таджикистан. Актуальность исследования определяется необходимостью постоянного совершенствования профессиональных компетенций педагогов в условиях цифровизации образовательного пространства, обновления методических подходов и ограниченных возможностей традиционной системы повышения квалификации. Рассматриваются теоретические подходы к разграничению формального, неформального и информального образования, раскрываются сущность и особенности информального обучения, его основные принципы, функции, виды и образовательные ситуации. Особое внимание уделяется индивидуальной познавательно-рефлексивной деятельности педагога, самообразованию, использованию цифровых образовательных ресурсов, профессиональных сообществ, средств массовой информации и других доступных форм самостоятельного обучения. Анализируются научные позиции отечественных и зарубежных исследователей относительно роли информального образования в профессиональном становлении педагога и его взаимосвязи с другими формами непрерывного образования. Обосновывается необходимость системной интеграции информального обучения в концепцию непрерывного образования Таджикистана. Делается вывод о том, что создание условий для признания профессиональных компетенций, сформированных посредством информального обучения, способно расширить возможности педагогов для индивидуального профессионального развития, повысить доступность образовательных ресурсов и дополнить существующие механизмы повышения квалификации.

Ключевые слова: непрерывное образование; формальное образование; информационное образование; повышение квалификации; учитель; русский язык; Таджикистан; профессиональное развитие; дифференцированная модель; самообразование.

Непрерывное профессиональное развитие учителей русского языка и литературы средних школ, направленное на совершенствование их профессиональных компетенций, является одной из актуальных задач современного образования Республики Таджикистан.

В условиях цифровизации и обновления методических подходов учитель вынужден постоянно совершенствовать собственную компетенцию. Формальные механизмы повышения квалификации в республике оказываются недостаточно эффективными и финансово затратными, зачастую они не учитывают индивидуально-профессиональные потребности учителей. В данных условиях целенаправленное неформальное обучение, самоорганизованная познавательная деятельность учителя, осуществляющаяся вне рамок официальных образовательных программ, приобретает значение не дополнительного факультатива, а необходимого системного компонента профессионального роста учителя-русиста. Подобная форма профессионального совершенствования остаётся недостаточно изученной и разработанной в методической науке Таджикистана, т.к. отсутствуют теоретические модели её интеграции в систему повышения квалификации учителей (ПКУ) и практические данные о реально осуществляемых неформальных практиках профессионального развития педагогов.

В связи с этим особую значимость приобретает выявление факторов, обуславливающих необходимость обращения к неформальному обучению как одному из ресурсов непрерывного профессионального развития учителей-русистов. К числу таких взаимосвязанных факторов относятся:

1) очевидные противоречия между растущими профессиональными вызовами, с которыми сталкиваются учителя русского языка и литературы в таджикских классах средней школы (разноуровневые классы, недостаток актуальных методических пособий, интеграция в обучение ИКТ, ограниченные возможности формальной системы ПКУ). По данным Министерства образования и науки РТ формальные курсы повышения квалификации охватывают лишь 40% педагогического состава школ ежегодно, тогда как периодичность прохождения курсов одним учителем составляет 1 раз в 3 года [3];

2) стоимость очных курсов, которая делает их реально недоступными для большинства учителей, особенно для тех, кто работает в отдаленных районах ГБАО, Согдийской, Хатлонской и других областях Республики Таджикистан [14];

3) программа и содержание формальных курсов, организуемых Республиканским центром повышения квалификации педагогических работников, чаще всего не соответствуют профессиональным запросам участников: разноуровневые профессиональные знания слушателей курсов вынуждают специалистов, ведущих данные курсы, ориентироваться на усреднен-

ные знания участников, поэтому без должного внимания остаются как начинающие учителя, так и опытные педагоги;

4) цифровые коммуникативные технологии и ресурсы открыли новые возможности для неформального развития: онлайн-курсы (в том числе и бесплатные), профессиональные сообщества в мессенджерах, YouTube-каналы, педагогические подкасты и блоги стали реальной образовательной средой для миллионов учителей по всему миру. Вопрос об использовании этих возможностей таджикскими учителями-русистами остаётся открытым.

Идеи непрерывного образования находят свое отражение в современных государственных нормативно-правовых документах. Например, в Законе «Об образовании Республики Таджикистан» [6] рассматриваются возможности непрерывного образования на протяжении всей жизни через одновременное освоение нескольких образовательных программ с учетом имеющегося уровня образования, квалификации и опыта. В Концепции развития непрерывного образования взрослых, рассчитанной на период до 2025 г. указывается, что «непрерывное образование развивается в новых видах и форматах, в том числе таких, как формальное, неформальное» [9].

Анализ научной литературы показал, что, в отличие от формального и неформального образования, которые достаточно чётко определены и изучены, неформальное образование, как дефиниция, выделено сравнительно недавно и исследуется мировым научным сообществом только с конца XX в. В России неформальное образование является инновационным форматом непрерывного образования, однако в различных документах и научных работах понятие трактуется очень размыто, в науке и практике отсутствуют дифференциация и систематизация существующих форм неформального образования [5]. В настоящее время неформальное образование определяется как образование, которому не свойственны атрибуты педагогической формы, т.е. его результаты не оформляются документально и не получают признания со стороны официальных институтов общества. Законодательство РФ в области образования позволяет учитывать отдельные результаты неформального и неформального образования, однако процесс признания результатов, не подтвержденных документально, сопряжен с объективными трудностями. Присвоение квалификаций, полученных в результате неформального и неформального образования, находится в фокусе внимания образовательной политики во всем мире [17].

В ходе исследования мы обратили внимание на происхождение самого понятия. Прилагательное «неформальный» не встречается ни в одном словаре. Однако ключевым в нем является префикс «ин-/in-». Раскрывая значение английских префиксов, Е.А. Комарова отмечает, что они широко употребляются для образования прилагательных и производных от них

существительных, подчеркивая отрицательное (не-) или противоположное значение слова [8].

В энциклопедическом словаре слово «формальный» буквально понимается как «проникнутый формализмом; основанный на принципах формализма; произведённый в принятом, в законном порядке» [25].

В словаре иностранных слов «формальный» трактуется как «относящийся к форме, присущий ей; сделанный для соблюдения внешней формы, порядка, проникнутый формализмом; произведенный по форме, в принятом порядке, официальный» [18].

В новом словаре русского языка дается объяснение прилагательному «формальный» - «выполняющийся лишь ради соблюдения принятых правил, по традиции; произведенный по форме, в принятом порядке; официальный; существующий только для видимости» [12].

Значение префикса в понятии «информальное образование» можно дать как понятие, отрицающее принципы формализма, противоположное формальному образованию, не формальное. При такой трактовке возникает вопрос о смысловом значении неформального образования, поскольку именно оно противоположно формальному образованию. В данном случае значение отрицания в информальном образовании обозначает именно «отрицание принципов формальности, к которым относятся институализированность, обязательность, целенаправленность, тщательная спланированность и др.» [11, с. 22].

Е.А. Комарова, исследователь этимологии значений английских префиксов, выделяет также еще одно значение префикса «ин-/in»: в, внутри, внутрь. Это значение проявляется в интегративном характере информального образования, которое может быть реализовано в рамках формального и неформального образования в разных сочетаниях: формальное и информальное образование, неформальное и информальное образование, либо связь формального, неформального и информального образования [8].

Аспекты интеграции формального, неформального и информального образования раскрыты в работах российских ученых К.Л. Бугайчук, С.Г. Вершловского, В.В. Горшковой, Ю.М. Гибадуллиной, Г.М. Нефедовой, А.В. Окерешко, О.В. Павловой, О.В. Ройтблат и др. Ученые-исследователи, конечно, сходятся во мнении о целостности образовательной системы, что соответствует этимологии понятия «интеграция» - состояние объединения разных частей или элементов в единое целое, обладающее сложной внутренней структурой. Так, А.В. Окерешко в ходе исследования приходит к выводу, что информальное образование «ценно и эффективно только в случае системной интеграции» [15, с. 77].

В исследовании российских ученых С.Г. Вершловского, А.В. Окерешко, О.В. Павловой информальное образование трактуется как «индиви-

дуальная познавательная деятельность, сопровождающая повседневную жизнь и «не обязательно носящая целенаправленный характер» [16, с.38].

В подтверждение данного тезиса целенаправленность неформального образования находит свое отражение в международной стандартной классификации образования (ЮНЕСКО, 2011 г.), где неформальное обучение определяется как форма обучения, которая является целенаправленной или тщательно спланированной, но не институционализированной.

Одним из признаков неформального образования является его необходимый характер. Неформальное образование является атрибутом жизнедеятельности, поскольку естественно в ней происходит. В процессе жизнедеятельности имеет место множество переходящих одна в другую единиц - жизненных ситуаций. При этом под жизненной ситуацией в широком смысле этого термина мы понимаем «совокупность условий, ориентаций и психических состояний индивида, отрезок его жизненного пути, определенное - установившееся или проблемное - состояние его образа жизни» [21].

В зарубежной литературе понятие «неформальное образование» более, чем в отечественной науке и практике, разработано и теоретически обосновано. D.W. Livingstone [22] под неформальным обучением предлагает понимать любую деятельность, связанную с поиском понимания, которая возникает без навязанных извне учебной программой или критериев обучения. Неформальное обучение, согласно мнению данного автора, может происходить в любом контексте за пределами заранее установленной учебной программы, вне стен образовательных учреждений, а цели, содержание, средства и продолжительность такого образования определяются лицами, решившими участвовать в нем.

H. Colley, P. Hodkinson, J. Malcom [23] выявили, что зачастую формальное и неформальное образование выступают в качестве конкурирующих парадигм. Эта конкуренция, по мысли авторов, возникла из-за того, что в некоторых источниках, формальное обучение определяется как обучение, происходящее в конкретном учебном заведении и зачастую носящее теоретический характер, а неформальное и неформальное образование, схоже с повседневным обучением, позволяющим получить практические и объективные знания. В центре этих споров лежат противоречивые утверждения о неотъемлемом превосходстве того или иного формата над другим (с точки зрения эффективности). Таким образом, прослеживается тенденция демонизировать формальное обучение/образование и исказить различия между неформальным и неформальным образованием, с одной стороны, и формальным образованием с другой.

По мнению Z.Helus, «неформальное образование выполняет функции дополнения, восполнения пробелов, компенсации, актуализации знаний, мнений, навыков, приведения их в соответствие с современными требованиями».

ями. Неформальное образование помогает человеку вступить на путь обучения (самообразования) и (само)воспитания, понятых комплексно, с целью предоставления человеку образования в широком содержательном спектре (финансового, компьютерного, языкового). Ведь образованный человек лучше ориентируется в окружающем мире. Неформальное образование может быть понимаемое тоже как творческое и активное стремление с целью раскрытия личности человека, с упором на то, чтобы он стал способным, культурным и открытым. В рамках непрерывного обучения и воспитания имеют место быть курсы, нацеленные на понимание мира и своего места индивидуума в нем, с целью учиться существовать» [24].

Разграниченная форма непрерывного образования и ее концептуальная основа была заложена в докладе Э. Фора «Учимся быть» («Learning to Be») (ЮНЕСКО, 1972), а окончательную ясность концепция приобрела в документах Европейской комиссии, прежде всего, в «Меморандуме об обучении на протяжении всей жизни» (2000) [5]. В рамках этой модели формальное образование включает в себя структурированные, иерархически организованные программы, признанные государством и завершающиеся получением сертифицированных квалификаций, тогда как неформальная - организованная образовательная деятельность вне официальных учреждений, которая не приводит к получению формальной квалификации, а информальная - непреднамеренное или целенаправленное независимое обучение в повседневной профессиональной и бытовой среде и жизни.

Эта теория рассмотрения в триединстве формального, неформального и информального образования - получила подробное понимание в работах российского исследователя А.М. Новикова [13], который рассматривал информальное образование как «образование в процессе повседневной деятельности», подчеркивая его непрерывный и экологически укорененный характер.

Г.Е. Зборовский и Г.Е. Амбарова во всех своих социологических исследованиях по самообразованию различных социальных групп доказывают, что информальные практики должны занимать доминирующее место в реальной образовательной деятельности работающих взрослых, существенно превосходя по временным затратам формальные курсы [7].

В.А. Болотов и В.В. Сериков обосновали концепцию компетентностно-ориентированного профессионального развития, в рамках которого информальное обучение приобретает особое значение как пространство для перехода от теоретических знаний к практическим компетенциям [1].

К.Д. Ушинский был убежден, что для учителя необходима такая среда, «в которой бы свободно, глубоко и широко, на основании науки, у учителя формировались педагогические убеждения, находящиеся в теснейшей связи вообще с философскими убеждениями...» [20, с. 13]. Такое понима-

ние сущности педагогической деятельности учителя, его личностно-профессионального совершенствования развивается в работах советских и российских учёных С.Г. Вершловского, Р.М. Шерайзиной, А.В. Окерешко и других [2; 10; 15], в которых утверждается необходимость непрерывного самообразования учителя. Представляется, что особенностью такого профессионального саморазвития педагога является «информальное образование как индивидуальная познавательно-рефлексивная деятельность педагога (не обязательно носящая целенаправленный характер), направленная на его личностный рост в процессе свободного выбора путей самосовершенствования» [15, с. 20]. Думается, что это и есть та свободная среда, в которой учитель, развиваясь, передаёт свою увлечённость детям.

В заключении хотелось отметить, о том, что информальное образование учителя - это индивидуальная познавательно-рефлексивная деятельность педагога (не обязательно носящая целенаправленный характер), направленная на его личностный рост в процессе свободного выбора путей самосовершенствования. Основными принципами информального образования являются принципы антропоцентризма, субъективности, природосообразности, аксиологичности, индивидуализации, нелинейности образовательного процесса и ситуативности обучения, принцип опоры на опыт обучающихся.

Как известно, к основным функциям информального образования относятся ориентирующая, оздоровительная, замещающая функции и функция самопознания. К видам информального образования (осознанное и неосознанное информальное образование) относятся: учение по методу проб и ошибок; стихийное или осознанное самообразование; современные информационные технологии, СМИ; искусство; выполнение той или иной работы под руководством компетентного специалиста; общение; путешествия; физическая активность.

Информальное образование характеризуется образовательными ситуациями: ситуация межсубъектного (ценностно-смыслового) взаимодействия; ситуация творческой самореализации; ситуация переживания нового опыта, открытия новых смыслов; рефлексивно-оценочная ситуация.

На наш взгляд, информальное образование - сложный и многогранный процесс непрерывного образования, который нужно внедрить в концепцию непрерывного образования Таджикистана. Признание компетенций, полученных в результате информального образования, могло бы существенно облегчить педагогам процесс повышения квалификации.

Литература

1. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе// Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8-14.

2. Вершловский С.Г. Преподаватель системы постдипломного образования как андрагог// Человек и образование. - 2014. - №1 (38). - С. 4-18.
3. Гусейнова Т.В. Об организации интегрированного обучения русскому языку в средних школах с таджикским языком обучения //Непрерывная профессиональная подготовка преподавателя-международника русского языка как иностранного: проблемы, решения и перспективы: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. - Барнаул: АлтГПУ, 2025. - С. 174-183.
4. Государственная программа развития образования Республики Таджикистан на 2021–2025 годы: утверждена Постановлением Правительства РТ от 28.12.2020 № 682. - Душанбе, 2020. [Электронный ресурс]. - URL: <https://mmih.tj/> (дата обращения: 06.09.2026).
5. Желязкова-Тея Т.К. Модели дифференциации формального, неформального и информального образования//Педагогика и психология образования. - 2018. - №4. - С. 20–36.
6. Закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 года № 1004 «Об образовании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.12.2025 г.). [Электронный ресурс]. - URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=119771 (дата обращения: 06.09.2026).
7. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования: монография. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – 539 с.
8. Комарова Е.А. Трудные английские префиксы и их значения //Социальная сеть работников образования. - «Наша сеть». [Электронный ресурс]. - URL: <https://nsportal.ru/vuz/filologicheskie-nauki/library/2014/02/08/trudnyeangliyskie-prefiksy-i-ikh-znacheniya> (дата обращения: 14.06.2026).
9. Концепция непрерывного образования в Республике Таджикистан на 2017–2023 годы : приложение 1 к постановлению Правительства Республики Таджикистан от 25 января 2017 г. - № 28 [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.tajmedun.tj/Uploads/documents/NMO/Концепция%20непрерывного%20образования%20в%20РТ%20на%202017-2023.pdf>.
10. Котлярова И.О., Прохазка М. Информальное образование в системе непрерывного образования научно-педагогических работников. Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». - 2016. - Т. 8. - №4. - С. 16-22.
11. Ляшевская Н.В. Ресурсное обеспечение информального образования молодых педагогов: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.1 / Омский государственный педагогический университет. - Омск, 2023. - 289.
12. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный/ Ефремова Т.Ф. - М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 12.08.2018).
13. Новиков А.М., Новиков Д.А. Образовательный проект (методология образовательной деятельности). - М.: «Эгвес», 2004. – 120 с.
14. Образование в Республике Таджикистан: статистический сборник. - Душанбе: Министерство образования и науки Республики Таджикистан, 2023. - 184 с.
15. Окерешко А.В. Стимулирование педагогов к информальному образованию в процессе повышения квалификации: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. - Великий Новгород, 2016. - 26 с.
16. Павлова О.В. Включение информального образования в жизненные стратегии взрослых //ЧиО. – 2011. – №4. [Электронный ресурс]. - URL: <http://>

- cyberleninka.ru/article/n/vklyuchenieinformalnogo-obrazovaniya-v-zhiznennye-strategii-vzroslyh (дата обращения: 22.10.2016)
17. Смирнова С.И., Отвиновская Л.А. Информальное образование как инновационный формат непрерывного педагогического образования // Инновационное развитие профессионального образования. - 2023. - №4(40). - С. 112–121.
  18. Словарь иностранных слов / Сост. Н.Г. Комлев. - Москва, Изд-во: ЭКСМО-Пресс, 2006. [Электронный ресурс]. - URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 14.06.2016).
  19. Толковый словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. /Под общ. ред. Л.И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. - Москва: Мир и образование, 2015. [Электронный ресурс]. - URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения 12.06.2026).
  20. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Часть физиологическая. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_chelovek1.html (дата обращения: 7 августа 2025 г.).
  21. Человек и общество. Культурология: словарь-справочник / под ред. Ю.С. Борцова, Г.В. Драча, Л.А. Штомпель. - Ростов н/Д.: Феникс, 1996. - 544 с.
  22. Livingstone D.W. Adults' informal learning: definitions, findings, gaps and future research. - Toronto: WALL Working Paper, 2001. - 43 p. [Электронный ресурс]. - URL: <https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/2735/2/21adultsinformallearning.pdf>.
  23. Colley H., Hodkinson P., Malcom J. Informality and formality in learning: a report for the Learning and Skills Research Centre/University of Leeds. Leeds, 2003. 83 p. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.researchgate.net/publication/280646120_Informality_and_formality_in_learning_a_report_for_the_Learning_and_Skills_Research_Centre. - DOI: 10.13140/RG.2.1.1297.3924.
  24. Helus Z. Edukaceja koprojev starosti o člověka / Z.R. Helus; Jedlička (Ed.)// Teorie výchovy – tradice, současnost, perspektivy. – Praha: Karolinum, 2014. – 276 p.
  25. Энциклопедический словарь. – Т. XIX-а: Михаила Ордена – Московский Телеграф / Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон; Под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб.: Типо-Литография И.А. Эфрона, 1896. – 517 с.

ON THE DEFINITION OF THE ESSENCE OF THE INFORMATIVE POSTGRADUATE EDUCATION OF TEACHERS OF RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

Ibragimova Iroda Asa-Akhunovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 111 77 16 83 (м.)
ibragimova19@bk.ru

The article examines the problem of integrating information education into the system of continuous professional development of teachers of Russian language and literature in secondary schools of the Republic of Tajikistan. The relevance of the research is determined by the need for continuous improvement of teachers' professional competencies in the context of digitalization of the educational space, updating methodological approaches and limited capabilities of the traditional professional development system. Theoretical approaches to the differentiation of formal, non-formal and informative education are considered, the essence and features of informative education, its basic principles, functions, types and educational situations are revealed. Special attention is paid to the individual cognitive and reflexive activity of the teacher, self-education, the use of digital educational resources, professional communities, mass media and other available forms of independent learning. The article analyzes the scientific positions of domestic and foreign researchers regarding the role of information education in the professional development of a teacher and its relationship with other forms of continuing education. The necessity of a systematic integration of informal learning into the concept of continuing education in Tajikistan is substantiated. It is concluded that creating conditions for the recognition of professional competencies formed through informal learning can expand teachers' opportunities for individual professional development, increase the availability of educational resources and complement existing professional development mechanisms.

Keywords: continuing education; formal education; information education; advanced training; teacher; Russian language; Tajikistan; professional development; differentiated model; self-education.

ДАР БОРАИ МУАЙЯН КАРДАНИ МОҲИЯТИ ТАЪЛИМИ ҒАЙРИАСМИИ БАЪДИДИПЛОМИИ МУАЛЛИМОНИ ЗАБОН ВА АДАБИЕТИ РУС

Иброҳимова Ирода Аса-Ахуновна

номзади илмҳои педагогӣ, дотсенти
кафедраи педагогика, психология ва усулҳои таълим
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 111 77 16 83 (м.)
ibragimova19@bk.ru

Дар мақола масъалаи ҳамгироии таҳсилоти ғайрирасмӣ ба системаи рушди пайвастаи касбии омӯзгорони забони русӣ ва адабиети рус дар мактабҳои миёнаи Ҷумҳурии Тоҷикистон тадқиқ карда мешавад. Аҳамияти тадқиқотро зарурати такмили доимии салоҳиятҳои касбии омӯзгорон дар шароити рақамикунонии фазои таълимӣ, навсозии равишҳои методӣ ва имкониятҳои маҳдуди системаи анъанавии баланд бардоштани ихтисос муайян мекунад. Равишҳои назариявӣ барои ҷудо кардани таҳсилоти ғайрирасмӣ ва иттилоотӣ баррасӣ карда мешаванд, моҳият ва хусусиятҳои омӯзиши ит-

тилоотӣ, принципҳои асосии он, вазифаҳо, намудҳо ва ҳолатҳои гуногун ошкор карда мешаванд. Ба фаъолияти инфиродии маърифатӣ-рефлексивии омӯзгор, худтаълимӣ, истифодаи захираҳои рақамӣ, ҷомеаҳои касбӣ, васоити ахбори омма ва дигар шаклҳои дастраси омӯзиши мустақил диққати махсус дода мешавад. Ақидаҳои илмӣ муҳаққиқони ватанӣ ва хориҷӣ оид ба нақши таҳсилоти ғайрирасмӣ дар ташаккули касбии омӯзгор ва робитаи он бо дигар шаклҳои таҳсилоти давомдор таҳлил карда мешаванд. Зарурати интеграцияи системавии таълими ғайрирасмӣ ба концепсияи таҳсилоти доимии Ҷумҳурии Тоҷикистон асоснок карда мешавад. Хулоса бароварда мешавад, ки фароҳам овардани шароит барои эътирофи салоҳиятҳои касбӣ, ки тавассути омӯзиши иттилоотӣ ташаккул ёфтаанд, қодир аст, ки имкониятҳои омӯзгорон барои рушди касбии инфиродӣ васеъ карда шавад, дастрасии захираҳои таълимӣ баланд бардошта шавад ва соҳаҳои мавҷудаи тақмили ихтисос пурра карда шавад.

Калидвожаҳо: таҳсилоти давомдор; таҳсилоти расмӣ; таҳсилоти ғайрирасмӣ; тақмили ихтисос; муаллим; забони русӣ; Тоҷикистон; рушди касбӣ; модели фарқкунанда; худтаълимӣ.

УДК 373.2.033:502/504(575.3)

**РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ:
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОДНО
ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ**

Курбонова Зарина Ширинбековна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)
kzarinash75@gmail.com

Статья посвящена анализу развития педагогической науки в Республике Таджикистан в период государственной независимости с акцентом на становление экологического воспитания дошкольников. Рассматриваются изменения в содержании педагогических исследований, подготовке педагогических кадров, нормативно-правовом обеспечении образования и методике работы с детьми дошкольного возраста. Показано, что экологическое воспитание постепенно прошло путь от формирования элементарных правил поведения в природе к системному развитию экологической культуры, включающей знания, эмоционально-ценностное отношение и практическое поведение. Особое внимание уделено влиянию национальных условий, природного своеобразия Таджикистана, семейного воспитания и регионального опыта на содержание экологического образования. Раскрывается значение непосредственного контакта детей с природными объектами, наблюдений, экскурсий, экспериментов, труда в природе, экологических игр и творческой деятельности. Отмечается необходимость повышения экологической компетентности воспитателей и совершенствования профессиональной подготовки будущих педагогов. Рассматриваются возможности использования цифровых средств, интерактивных заданий и виртуальных экскурсий при сохранении ведущей роли реального взаимодействия ребенка с природой.

Сделан акцент на необходимости дальнейшего развития регионально ориентированных методик, учитывающих природные, культурные и социальные особенности Республики Таджикистан. Материалы статьи могут использоваться при совершенствовании содержания дошкольного образования, разработке методических пособий, программ экологического воспитания и подготовке педагогических кадров. Исторический анализ позволяет проследить связь государственных образовательных преобразований с изменением научных подходов к экологическому развитию личности дошкольника сегодня.

Ключевые слова: педагогическая наука; независимость; экологическое воспитание; дошкольное образование; экологическая культура; экологическое сознание; экологическое образование; экологическое поведение; природоохранная деятельность; педагог; экологическая компетентность.

Современное развитие общества предъявляет новые требования к системе образования и воспитания подрастающего поколения. Наряду с формированием интеллектуальных и социальных компетенций особую значимость приобретает воспитание экологической культуры, ответственного отношения к природным ресурсам и готовности к бережному взаимодействию с окружающей средой. Особое место в этом процессе принадлежит начальному этапу образования, поскольку именно в младшем школьном возрасте закладываются основы ценностного отношения ребёнка к природе, формируются первые устойчивые представления об ответственности человека за состояние окружающей среды и приобретаются навыки экологически ориентированного поведения.

Актуальность данного направления особенно возрастает в условиях перехода Республики Таджикистан к принципам устойчивого и «зелёного» развития. В этой связи экологическое воспитание младших школьников следует рассматривать не только как составляющую общего образования, но и как важное условие формирования экологически ответственной личности, способной в дальнейшем участвовать в решении экологических и социально-экономических задач страны.

Государственную независимость Республика Таджикистан провозгласила в сентябре 1991 года. С этого момента республика смогла независимо выбирать конкретные направления социального-культурного развития. С принятием Конституции 1994 года Таджикистан начал строительство суверенного, демократического, правового государства. Трансформация коснулась всех сфер общественной жизни, среди которых оказалось и образование. За годы независимости система воспитания и обучения подверглась значительным изменениям, которые коснулись содержания педагогической науки, сферы подготовки квалифицированных специалистов, области воспитания и раскрытия роли самого педагога в образовательном процессе [5, с. 2].

Обращаясь к произошедшим в годы независимости инновациям, следует обратить внимание на рост высших учебных заведений, появление региональных вузов, увеличение количества направлений подготовки специалистов, а позднее и развитие частного сектора в системе образования. Постепенно расширялись возможности получения образования, обновлялись учебные планы, и в образовательную практику включались новые методы

и технологии. Одновременно возросла необходимость научного осмысления происходящих процессов. Педагогическая наука уже не могла ограничиваться лишь сохранением накопленного опыта. Перед ней ставились новые вопросы: каким должен быть выпускник современного образовательного учреждения, какие качества необходимо формировать у ребенка с раннего возраста, каким образом соотнести народные педагогические традиции с требованиями современного общества [5, с.4].

Педагогическая мысль традиционно совершенствуется «в ногу» с интегрируемыми изменениями. Новые социальные условия меняют смысл и содержание воспитания, образования, характер взаимоотношений социальных институтов. Именно поэтому последние тридцать пять лет следует рассматривать не только как период организационного обновления системы образования, но и как ответственный период в развитии педагогической науки Таджикистана [5, с.8].

В годы независимости существенно расширились направления педагогических исследований, изменились их содержание и проблематика. Это было обусловлено новыми социальными и образовательными потребностями, а также необходимостью научного осмысления происходящих преобразований. Очень радует факт того, что дошкольное воспитание и образование постепенно стало выходить на первые позиции. Кроме того, произошедшие изменения коснулись всех сфер образования, включая инклюзивное. Стали обращать внимание на уровень подготовленности родителей, учителей и воспитателей, как наставников подрастающего поколения [5, с.3].

Распад СССР повлек за собой период застоя и снижения в сфере образовательных услуг. На то были явные причины: послевоенная разруха, снижение социально-экономического положения в республике, появление безработицы, утечка профессиональных кадров, что повлекло за собой появление огромных пробелов в сфере образования [5, с.2].

Конечно, со временем, система стала восстанавливаться. Становление государства стало идти уверенными и устойчивыми шагами, во внимание начали приниматься особенности таджикской культуры, языка, традиций и реальные потребности общества. Таджикское общество поставило в приоритет сохранение национальной самобытности, что подразумевало построение новых программ, определение новых направлений в педагогических науках, а также определение актуальных задач, ведущих форм и подходов в воспитании детей. Обозначенные задачи нашли отражение в государственной политике Республики Таджикистан, в том числе в сфере

образования, что способствовало формированию системного подхода к экологическому воспитанию подрастающего поколения [4].

В рамках анализа развития современного государства стоит обратить отдельное внимание на развитие дошкольного воспитания и образования. В течение долгого времени ему отводилась незначительная роль. Но, дошкольный возраст формирует фундамент дальнейшего развития ребенка. За годы независимости система дошкольного образования Республики Таджикистан вступило на новый виток развития, что обусловило необходимость подготовки квалифицированных специалистов, которые обладают необходимыми профессиональными компетенциями, современными знаниями и практическими навыками. Кроме того, возникла необходимость в расширении профессиональных знаний и компетенций педагогов в различных направлениях развития ребёнка, включая нравственное, интеллектуальное и физическое развитие. Особое значение приобрело владение современными педагогическими подходами и методиками, умение эффективно организовывать изобразительную деятельность, проводить занятия по развитию речи, экологическому и трудовому воспитанию, а также применять современные методологические подходы в образовательном процессе [5; 11; 12].

В процессе поиска новых подходов к развитию системы образования изменялись и приоритетные направления научных исследований. Постепенно менялось представление о ребёнке: он стал рассматриваться не только как объект педагогического воздействия, но и как самостоятельный субъект собственного развития, обладающий индивидуальными потребностями, интересами и возможностями [11; 13].

Большой рост неправительственных и некоммерческих организаций в период приобретения республикой независимости оказал значимое влияние на развитие образовательной сферы. Их влияние следует изучить с обеих сторон:

- положительное в их деятельности заключалось в возможности проводить семинары, обучение и подготовку населения окраин, помогать овладеть новой методикой деятельности. Кроме того, возросла возможность малого финансирования дошкольных учреждений;

- негативное состояло в погоне за «большим рублем». Не все НКО и НПО соблюдали основные требования и правила деятельности на территории Республики Таджикистан. Соответственно, не все подходы соответствовали условиям Таджикистана и требованиям государственной политики. Готовые модели обучения без изменений применялись в образовательных (дошкольных и школьных) учреждениях. Не учитывался родной язык,

таджикские традиции и обычаи, не были приняты во внимание особенности семейного воспитания и условия образовательных учреждений. Ярким подтверждением этому стало внедрение в деятельность дошкольных учреждений книги Фридмана «Джели Джем, друг людей и природы» с экологической тематикой (2000 год). Содержание книги не учитывало уровень развития наших дошкольников, окружающие условия и возможности. В связи с чем, она не прошла адаптацию на территории республики, но послужила толчком к развитию экологического воспитания. Многие методисты дошкольных образовательных учреждений предоставили на рассмотрение собственные методические разработки по проведению занятий экологического содержания (с учетом условий и возможностей Республики Таджикистан) [5, с.4].

Это можно было считать первым шагом критического отбора опыта, знаний, с последующей адаптацией к нашей образовательной системе [11; 12]. Поэтому, перед педагогической наукой были выдвинуты новые задачи: найти и выявить положительные элементы и определить пути и способы их корректировки [11; 12].

В свете происходивших событий и преобразований в системе образования особую значимость приобретает вопрос экологической подготовки и экологического образования населения республики. Актуальность вопросов сохранения водных ресурсов, природных богатств и экологической чистоты республики обусловила необходимость исследования особенностей экологического воспитания подрастающего поколения. Изменение видения отношения к природе и ее богатствам, сохранение природных ресурсов, защита окружающей среды от разных видов загрязнения привели к тому, что вопрос экологической грамотности стал одним из пунктов государственной политики государства [6, с. 7].

В педагогике стали рассматриваться проблемы, решение которых стало необходимостью: формирование рационального отношения к природным ресурсам и одновременная коррекция сложившихся стереотипов в поведении. Поэтому акцент был сделан на дошкольный возраст, а экологическое воспитание выделено как отдельное направление в педагогике [6, с.21].

Общеизвестно, что воспитательный процесс советского периода включал элементы экологического воспитания и содержал отдельные аспекты экологической тематики. Она носила элементарный характер: детей учили не ломать деревья, не разорять птичьи гнезда, не загрязнять воду, не оставлять мусор, бережно относиться к растениям и животным. Однако

они элементарно воспринимались как правила поведения, разъясняя минусы и плюсы поведения, правильность и неправильность совершаемых действий. Причинно-следственные связи в природе, взаимозависимость человека и окружающей среды оставались не раскрытыми и соответственно, не были в полной мере осознаны детьми [7, с.80].

Исторический анализ показал, что экологическое воспитание долгое время считалось как дополнительное направление педагогической науки, не имеющее продолжения в развитии. В программах дошкольного воспитания было предусмотрено элементарное ознакомление с природой на базе действий с природой и сезонными наблюдениями [11; 19].

Однако постепенно взгляды на значение дошкольного возраста стали меняться, и в ряде сфер он начал приобретать ведущую роль. Дошкольный возраст стал рассматриваться как один из наиболее значимых периодов в формировании личности ребёнка, его ценностных установок и отношения к окружающему миру. Это связано с тем, что ребенок, не владея большинством понятий и терминов, сам по себе близок к природе и обладает теми нравственными качествами, которые помогут ему стать частью самой природы [11; 20]. В современном обществе сложилась тенденция к рассмотрению экологического образования как непрерывно-последовательного процесса. Так как дети ближе к природе, важно дать им необходимые знания, способствующие формированию «прочного фундамента» экологического воспитания и образования [7; 11].

Важным показателем стало изменение отношения государства к данной проблеме. Впервые за этот период были разработаны и изданы учебники и учебные пособия, посвященные нормативно-правовым основам экологического образования [5; 6; 7]. В Законе Республики Таджикистан «Об экологическом образовании населения», принятом в 2010 году, оговорено экологическое образование как одно из направлений государственной политики, закреплены принципы его обязательности на различных уровнях образовательной системы. Закон «Об охране окружающей среды» объединил вопросы охраны природы с экологическим воспитанием, образованием и научными исследованиями. Позднее была принята Государственная комплексная программа развития экологического воспитания и образования населения Республики Таджикистан на период до 2020 года. Данные документы еще раз подтвердили принятие экологической проблемы как наиболее актуальной [7].

Принятие Закона и соответствующих нормативно-правовых документов обусловило расширение круга задач в сфере экологического образования. Приоритетными направлениями стали определение целей и со-

держания экологического образования, разработка его форм и методов, а также формирование соответствующей методологической основы. И если первоначально объектом исследования были знания о природе, то затем стала экологическая культура. К.Стошкусом рассмотрена схема формирования экологической культуры [21, с.35]. В нее включены экологические знания, экологическое сознание и экологическое поведение как показатели сформированности экологической культуры. В экологические знания входят представления об окружающем мире, эмоционально-ценностное отношение к окружающей природе, понимание влияния человеческой деятельности на окружающую природу. Именно сформированность культуры может содействовать традиционной передаче информации о флоре и фауне Таджикистана, о временах года [21, с.18].

Содержание экологического воспитания также подверглось изменениям – оно было перестроено на формирование экологического сознания, понимание детьми значимости рационального и гуманного отношения к природе. В педагогике данная позиция была обозначена как «формирование устойчивой позиции в отношении окружающей среды» [11; 15; 17].

Ребенок должен не просто знать, что нельзя ломать ветки, а понимать, почему растение является живым организмом и какие последствия имеет разрушительное действие. Он должен не только знать названия птиц и уметь узнавать их, но и проявлять интерес к условиям их жизни. Воспитательное значение знаний начинается с момента влияния на отношение и поведение. В связи с чем экологическое воспитание вбирает в себя познавательный, эмоциональный и практический компоненты [11; 16].

Учеными-исследователями уже доказано, что в дошкольном возрасте ребенок лучше понимает «язык природы». Прямой контакт, наблюдения, практическая деятельность помогают ребенку глубже понять причины того или иного явления. Простой рассказ взрослого не всегда способен «подтолкнуть» ребенка и создать мотивационный настрой. Только практическая деятельность способствует развитию интереса ребенка, стремлению совершать разнообразные действия по отношению к природным объектам (полив цветов, сбор семян, подкормка птиц, рост растения) [11; 12; 19].

Начиная с 1999 года экологическое воспитание в дошкольных учреждениях постепенно начинает видоизменяться. Если вначале все ограничивалось лишь созданием экологических тропинок и экологических уголков: занятия проводились традиционно, с опорой на содержание предмета «Ознакомление с окружающим», то в годы независимости стали разрабатываться новые формы организации, были добавлены такие формы как

эксперименты, труд в природе, игры экологического содержания, прогулки, экскурсии, беседы, творческо-изобразительная деятельность, коллективная деятельность.

Если обратить внимание на условия организации экологического воспитания, то большое значение следует отвести оформлению уголков природы и зеленых зон, а также организации деятельности в них. Проведенные часы в уголках природы способствуют всестороннему развитию личности ребенка, включая его познавательное и интеллектуальное развитие. Экологическое воспитание приобретает общие комплексные черты, выступая одной из связанных частей общего процесса развития дошкольников [9; 10; 11].

При экологическом воспитании дошкольников следует знакомить детей не с абстрактностью, а с реальными природными объектами. Горы, реки, сады, огороды, поля помогают познакомиться с особенностями растений, их ростом, жизнедеятельностью животного мира, увидеть чистоту рек, кристальную белизну ледников, красоту окружающих гор [11; 17].

На наш взгляд, систематически проводимые экскурсии, наблюдения и беседы крепче связывают ребенка с природой. На этой основе рождается патриотическое воспитание в тесной взаимосвязи с экологическим.

За годы развития независимости Республики Таджикистан не раз поднимался вопрос об уровне экологического образования воспитателей и работников дошкольных образовательных учреждений. В одном из выступлений президент Таджикистана Э.Рахмон отметил, что человек, не имеющий экологического образования не имеет права работать с детьми. С этого момента стали разрабатываться программы подготовки воспитателей, организовывались курсы и семинары именно в направлении экологического образования. Ведь если педагог не любит природу, не может правильно вести себя в ней, он не сможет объяснить ребенку тонкости природных явлений [5; 9]. Экологически грамотный воспитатель, педагог должен владеть знаниями об особенностях природы, о возрастных особенностях и возможностях детей, о методике обучения [9; 11]. Большое количество организованных и проводимых курсов повышения, семинаров и методических занятий для воспитателей помогло поднять уровень их квалификации

Не менее важно уметь задавать вопросы, побуждающие ребенка рассуждать. Например, на занятиях детям предлагали сравнивать два растения – базилик и кинзу. На примере этих растений дети могли в реальности отметить нужду растений в поливе. На примере мимозы детям объясняли необходимость бережного отношения к растениям, подчеркивая, что

неосторожное или грубое обращение с ними может привести к их повреждению или гибели.

Несомненно, педагогическая наука столкнулась со множеством трудностей и препятствий, среди которых следует назвать отсутствие необходимой литературы, методических и научных пособий, разработанных с учетом дошкольного возраста, а также особенностями флоры и фауны Таджикистана. Используемые методические материалы, приобретённые за пределами республики или полученные посредством социальных сетей и сети Интернет, не всегда содержали сведения, соответствующие природным, климатическим и культурным особенностям Таджикистана. В связи с этим возникала необходимость адаптации имеющихся материалов к местным условиям и учёта уникального природного разнообразия республики.

С этого периода активизирована деятельность в сфере экологического воспитания и образования населения Республики Таджикистан. Накоплено большое количество методических и дидактических материалов, пособий, игр, нацеленных на совершенствование экологического воспитания в нашей республике. Исследователи Таджикистана всё чаще стали обращать внимание на условия формирования экологических представлений, экологической культуры у детей и т.д. Отрадно отметить, что со дня приобретения республикой Независимости поменялось и мировоззрение, и отношение населения к вопросам экологического состояния республики.

Хочется отметить, что только по объему проведённых и реализованных занятий нельзя судить об эффективности экологического воспитания. Необходимо учесть изменения, происходящие в процессе формирования экологической культуры ребёнка. Проведенный праздник, просмотр фильма сами по себе не способны повлиять на мировоззрение ребенка. В этой связи исследователи и ученые стали обращать внимание на критерии и уровни сформированности экологической культуры, среди которых можно выделить природоведческие знания, эмоциональное отношение к природе, характер поведения, самостоятельность в принятии и выполнении действий и т.д. Такой подход позволил определить конкретные различия в уровне сформированности экологической культуры детей.

И конечно особое место в формировании экологической культуры занимает семья! Постоянный наглядный пример членов семьи оказывает значительное влияние на развитие ребенка. Не будет ошибочным утверждать, что экологическое воспитание не ограничивается стенами только дошкольного учреждения. Оно зарождается в семье посредством взаимодействия старшего и младшего поколения: наблюдения за природными яв-

лениями, посадка растений, изготовление кормушек, участие в благоустройстве территории и т.д. [3; 9].

Современный этап развития педагогической науки интегрирует в экологическое воспитание новые средства и формы проведения. В образовательной практике используются фотографии, видеоматериалы, интерактивные задания, электронные энциклопедии. Они помогают показать ребенку природные объекты, которые невозможно наблюдать непосредственно. Ребенок может посмотреть десятки видеороликов о деревьях и при этом не знать, какое дерево растет во дворе его детского сада. Поэтому просмотр слайдов и видеороликов должны быть дополнены непосредственным наблюдением. Для дошкольного возраста реальный контакт с природой остается основой экологического опыта.

Для формирования экологической культуры ребёнка в программу воспитания - в сюжетно-ролевые, дидактические и подвижные игры - можно также включать экологические ситуации. Ребенок может выступить в роли садовника, лесника, человека, который помогает животному или заботится о чистоте участка. В игровой форме легче представить последствия любой деятельности: что произойдет, если сорвать все цветы, оставить мусор возле воды, забыть полить растение и т.д. Игра помогает ребенку эмоционально прочувствовать ситуацию и подобрать правильное решение. Для дошкольной педагогики это особенно важно, поскольку игра является ведущей деятельностью [13; 14].

Развитие экологического воспитания также повлияло и на совершенствование содержания профессиональной подготовки будущих педагогов. Невозможно провести одно занятие и дать детям все знания в области экологии. Здесь требуется целенаправленная и систематическая работа. «В связи с этим будущий воспитатель должен обладать целостным представлением о системе экологического образования и воспитания, уметь планировать содержание и последовательность педагогической деятельности с учетом возрастных особенностей и динамики развития детей, обоснованно выбирать соответствующие методы и формы работы, а также осуществлять оценку достигнутых результатов» [11].

За годы независимости экологическое воспитание прошло путь от отдельных природоохранных мероприятий к взаимосвязанной системе действий. После многочисленных исследований, проведенных за последнее время, одним из направлений по-прежнему остается учет региональных особенностей. Педагогическая наука помогает упростить сложную проблему с учетом возраста, не вызывая у ребенка страх и не перегружая его сведениями. Сегодняшнему дошкольнику в доступной форме показы-

вают взаимосвязь между природой и человеком, между полезными действиями и результатом [10; 17; 20].

Эффективность данного направления развития проявляется в рассмотрении экологического воспитания в контексте взаимосвязи теории и практики педагогической науки. Такой подход позволяет глубже раскрыть содержание и особенности экологического воспитания, а также расширяет возможности его научного исследования и практического применения в образовательном процессе [7; 11; 21].

Сегодня можно свободно говорить о значительных достижениях педагогической науки Республики Таджикистан, приобретенных за годы государственной независимости. И они не ограничиваются только огромным количеством образовательных учреждений, программ или исследований. Тридцать пять лет независимости показывают, что развитие педагогической науки в Таджикистане связано с потребностями общества и одновременно с этим оно способно влиять на его будущее. Экологическое воспитание в этом направлении имеет особую перспективу. Дальнейшее развитие данного направления требует объединения научных исследований, подготовки квалифицированных кадров, слаженной методической работы дошкольных учреждений и неприменное участие семьи. Именно такая последовательность позволяет сделать экологическое воспитание устойчивой частью современной системы образования.

Литература

1. Антипина Е.А. Театрализованная деятельность в детском саду: игры, упражнения, сценарии. - М.: ТЦ «Сфера», 2006. - 128 с.
2. Государственная комплексная программа развития экологического воспитания и образования населения Республики Таджикистан на период до 2020 года: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 апреля 2015 г. - № 178.
3. Закон Республики Таджикистан от 18 марта 2015 г. № 1196 «О защите прав ребенка» (в редакции с последующими изменениями и дополнениями). - Душанбе: Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан.
4. Закон Республики Таджикистан «О культуре» от 13 декабря 1997 г. № 519 (с последующими изменениями и дополнениями) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 1997. - № 23–24. - 352 с.
5. Закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 1004 «Об образовании». - Душанбе: Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан.

6. Закон Республики Таджикистан от 2 августа 2011 г. № 760 «Об охране окружающей среды» (с изменениями и дополнениями). - Душанбе: Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан.
7. Закон Республики Таджикистан от 29 декабря 2010 г. № 673 «Об экологическом образовании населения» (в ред. Закона РТ от 1 октября 2025 г. № 2194). - Душанбе: Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. - URL: <https://ncz.tj/node/1159>.
8. Зебзеева В.А. О формах и методах экологического образования дошкольников // Дошкольное воспитание. - 1998. - № 7. - С. 45–49.
9. Иванова А.И. Методика организации экологических наблюдений и экспериментов в детском саду: пособие для работников дошкольных учреждений. - М.: ТЦ «Сфера», 2003. - 55 с.
10. Кондрашова М.А. Экологическое воспитание дошкольников на занятиях и в повседневной жизни: методические разработки. - Оренбург, 2005. - 116 с.
11. Николаева С.Н. Методика экологического воспитания дошкольников: учеб. пособие для студентов сред. и высших пед. учеб. заведений. - М.: Академия, 1999. - 181 с.
12. Николаева С.Н. Теория и методика экологического образования детей: учеб. пособие для студентов фак. дошк. образования высш. пед. учеб. заведений. - М.: Academia, 2002. - 335 с.
13. Николаева С.Н., Комарова И.А. Сюжетные игры в экологическом воспитании дошкольников: игровые обучающие ситуации с игрушками разного типа и литературными персонажами. - М.: ГНОМ и Д, 2005. - 128 с.
14. Павлова Л. Игры как средство эколого-эстетического воспитания // Дошкольное воспитание. - 2002. - № 10. - С. 40–49.
15. Плохий З.П. Воспитание экологической культуры дошкольников // Дошкольное воспитание. 2002. № 4. С. 21–25.
16. Рыжова Н.А. Наш дом – природа: программа по экологическому образованию дошкольников. - М.: Линка-Пресс, 2017. - 224 с.
17. Рыжова Н. А. Экологическое образование в детском саду. - М.: Издательский дом «Карапуз», 2001. - 432 с.
18. Рыжова Н.А. Экологическое образование в дошкольных учреждениях: теория и практика: монография. - М.: Издательский центр Академии профессионального образования, 1999. - 170 с.
19. Соломенникова О.А. Занятия по формированию элементарных экологических представлений в средней группе детского сада: конспекты занятий. - М.: Мозаика-Синтез, 2010. - 77 с.
20. Соломенникова О.А. Ознакомление с природой в детском саду. Подготовительная к школе группа: для занятий с детьми 6–7 лет. - М.: Мозаика-Синтез, 2019. – 104 с.
21. Стошкус К. О понятии экологической культуры общества // Проблемы формирования современной экологической культуры. - Вильнюс, 1987. - С. 22–42.

**DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL SCIENCE
IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN DURING THE YEARS OF
INDEPENDENCE: ENVIRONMENTAL EDUCATION AS
ONE OF THE PRIORITY AREAS**

Kurbonova Zarina Shirinbekovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior lecturer
of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 919 40 09 58 (m.)
kzarinash75@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the development of pedagogical science in the Republic of Tajikistan during the period of state independence, with an emphasis on the development of environmental education for preschoolers. The article considers changes in the content of pedagogical research, the training of teaching staff, the regulatory framework for education and the methodology of working with preschool children. It has been shown that environmental education has gradually evolved from the formation of basic rules of conduct in nature to the systematic development of an ecological culture that includes knowledge, an emotional and value-based attitude, and practical behavior. Special attention is paid to the influence of national conditions, the unique natural characteristics of Tajikistan, family upbringing, and regional experience on the content of environmental education. The importance of children's direct contact with natural objects, observations, excursions, experiments, work in nature, ecological games, and creative activities is revealed. It is noted that there is a need to enhance the ecological competence of educators and improve the professional training of future teachers. The possibilities of using digital tools, interactive tasks, and virtual excursions are being considered, while maintaining the leading role of the child's real interaction with nature. The importance of cooperation between preschool organizations and families in fostering environmentally responsible behavior is emphasized. Emphasis is placed on the need to further develop regionally oriented methods that take into account the natural, cultural, and social characteristics of the Republic of Tajikistan. The materials of the article can be used to improve the content of preschool education, develop teaching aids, environmental education programs, and train teaching staff. Historical analysis makes it possible to trace the connection between state educational reforms and the changing scientific approaches to the ecological development of a preschool child's personality today.

Keywords: pedagogical science; independence; environmental education; preschool education; environmental culture; environmental consciousness; environmental education; environmental behavior; environmental protection activities; teacher; environmental competence.

**РУШДИ ИЛМИ ПЕДАГОГӢ
ДАР ҶУМӢУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР СОЛӢОИ ИСТИҚЛОЛИЯТ:
ТАРБИЯИ ЭКОЛОГӢ ӢАМЧУН ЯК АЗ САМТӢОИ АФЗАЛИЯТНОК**

Курбонова Зарина Ширинбековна

номзади илмӢои педагогӢ, омӯзгори калони
кафедраи педагогика, психология ва методикаи таълим
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)
kzarinash75@gmail.com

Мақола ба таҳлили рушди илми педагогӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи истиқлолияти давлатӣ бо таваҷҷӯҳ ба ташаккули тарбияи экологии кӯдакони синни томактабӣ бахшида шудааст. Тағйирот дар мундариҷаи тадқиқоти педагогӣ, тайер кардани кадрҳои педагогӣ, таъмини меъерӣ-ҳуқуқии таълим ва методикаи кор бо кӯдакони синни томактабӣ баррасӣ карда мешавад. Тарбияи экологӣ тадриҷан аз ташаккули қоидаҳои рафтори элементарӣ дар табиат ба рушди системавии фарҳанги экологӣ, ки дошиш, муносибати эҳсосӣ-арзишӣ ва рафтори амалиро дар бар мегирад, гузашт. Таваҷҷӯҳи махсус ба таъсири шароити миллий, ҳосияти табиии Тоҷикистон, тарбияи оилавӣ ва таҷрибаи минтақавӣ ба мазмуни таҳсилоти экологӣ равона карда шудааст. Аҳамияти тамоси бевоситаи кӯдакон бо объектҳои модарӣ, мушоҳидаҳо, экскурсияҳо, таҷрибаҳо, меҳнат дар табиат, бозҳои экологӣ ва фаъолияти эҷодӣ ошкор карда мешавад. Зарурати баланд бардоштани салоҳияти экологӣ-мантиқии тарбиягарон ва тақмили омодагии касбии омӯзгорони оянда қайд карда мешавад. Имкониятҳои истифодаи воқеаҳои рақамӣ, вазиғаҳои интерактивӣ ва экскурсияҳои виртуалӣ ҳангоми нигоҳ доштани нақши ҳамкориҳои воқеии кӯдак бо табиат баррасӣ карда мешаванд. Аҳамияти ҳамкориҳои ташкилоти томактабӣ ва оила дар ташаккули экологӣ таъкид карда мешавад. Ба зарурати рушди минбаъдаи усулҳои ба минтақа нигаронидашуда, ки хусусиятҳои табиӣ, фарҳангӣ ва иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистонро ба назар мегиранд, таъкид карда шуд. Маводҳои мақола метавонанд дар тақмили мундариҷаи таҳсилоти томактабӣ, таҳияи дастурҳои методӣ, барномаҳои тарбияи экологӣ ва тайер кардани кадрҳои педагогӣ истифода шаванд. Таҳлили таърихӣ имкон медиҳад, ки робитаи ташаккулҳои давлатӣ тағироти ҷисмонӣ бо тағиребии равишҳои илмӣ ба рушди экологии шахсияти кӯдаки томактабӣ имрӯз пайгирӣ карда шавад.

Калидвожаҳо: илми педагогӣ; истиқлолият; тарбияи экологӣ; таҳсилоти томактабӣ; фарҳанги экологӣ; шуури экологӣ; таҳсилоти экологӣ-мантиқӣ; рафтори экологӣ; фаъолияти ҳифзи табиат; педагог; салоҳияти экологӣ.

УДК 373.3:37.033(575.3)

ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА: ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Халикова Тутихон Тахировна

кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник Музея образования
Академии образования Таджикистана

734024, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. акад. А.Адхамова, 11/2

Тел.: (+992) 900 30 07 07 (м.)

tutishka@inbox.ru

В статье рассматривается значение экологического воспитания учащихся начальных классов в условиях современных экологических и социально-экономических вызовов. Автор обращает внимание на то, что бережное отношение к природе не формируется само по себе. Оно складывается постепенно - через знания, личный пример взрослых, ежедневные привычки ребёнка и его участие в конкретных делах.

Особое внимание уделяется возможности познакомить младших школьников с первоначальными представлениями о зелёной экономике. На уровне начальной школы это понятие предлагается раскрывать не через сложные экономические определения, а через близкие детям жизненные ситуации: экономию воды и электроэнергии, разумное использование бумаги, повторное использование вещей, уменьшение количества мусора, заботу о растениях и животных.

Актуальность данного направления подтверждается международными документами в области устойчивого развития, рекомендациями ЮНЕСКО, а также государственной экологической и образовательной политикой Республики Таджикистан. Рассматривается связь экологического образования с Целями устойчивого развития ООН и национальными документами Таджикистана. Предлагаются конкретные формы работы с младшими школьниками: урок и воспитательный час.

Ключевой вывод автора состоит в том, что экологическая культура начинается не с изучения сложных терминов, а с воспитания простых ежедневных привычек. Ребёнок, который научился беречь воду, выключать свет, убирать за собой мусор и заботиться о природе, уже делает первые шаги к пониманию принципов зелёной экономики.

Ключевые слова: зелёная экономика; экологическое воспитание; экологическая культура; начальная школа; устойчивое развитие; охрана природы; рациональное использование ресурсов; экологическое образование; Таджикистан.

Сегодня охрана природы всё чаще становится темой для обсуждения во всех странах мира. Это неудивительно, ведь экологические проблемы

уже нельзя считать чем-то далёким от обычной жизни: изменение климата, загрязнение воды и воздуха, рост количества отходов, уменьшение ресурсов, постепенное включение в повседневный опыт людей.

В этой связи актуальность нашего исследования «Зелёная экономика начинается с детства: экологическое воспитание младших школьников» связана с необходимостью формировать у детей экологически ответственное поведение. Современные экологические вызовы - потепление климата, истощение ресурсов, наблюдение за состоянием окружающей среды, снижение биоразнообразия, увеличение отходов, а также потребность в разумном использовании воды и энергии - требуют не только технических или экономических решений. Не менее важно, чтобы люди соответствовали экологической культуре.

Именно поэтому экологическое воспитание должно начинаться как можно раньше - в тот период, когда в личности ребенка развиваются базовые ценности, привычки и модели поведения.

Отдельно следует прийти к решению этой проблемы в рамках реализации Стратегии развития «зеленой» экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037 годы. Стратегия ориентирована на устойчивое развитие, эффективное использование ресурсов, адаптацию к изменению климата, сокращение отрицательного климата в окружающей среде и продвижение «зеленой» экономики.

Правовую основу экологического воспитания и образования составляет Закон Республики Таджикистан «Об экологическом образовании населения» [5]. В нем экологическое образование рассматривается как непрерывный процесс обучения и воспитания, направленный на использование людьми необходимых знаний и практических навыков, а также бережного отношения к природе. Важное значение имеет закреплённый в законе принцип обеспечения граждан минимальными экологическими стандартами.

Дополнительно важным становится Закон Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды», который обеспечивает систему всеобщего, комплексного и непрерывного экологического воспитания и образования. Такая система определяет все уровни обучения - от начального к среднему и до профессионального и высшего [4]. Это непосредственно подчёркивает необходимость выстраивания системного экологического воспитания уже в младшем школьном возрасте.

Актуальность нашего исследования также связана с приоритетами развития национальной системы образования. Национальная стратегия развития образования Республики Таджикистан на период до 2030 года задает долгосрочные направления с достижением качества образования и воспитания подрастающего поколения. В свою очередь, реализуются обра-

зовательные программы, ориентированные на повышение качества образования и сохранение естественнонаучного направления.

Младший школьный возраст особенно благоприятен для формирования экологических ценностей. В этот период активно развиваются эмоционально-ценностное отношение к окружающему миру, познавательная активность, ответственность, а также способность ребенка осознавать связь между собственными действиями и их последствиями.

Поэтому экологическое воспитание учащихся начальной школы воспринимается классным руководителем не только как передача знаний о природе. Это должен быть целенаправленный процесс формирования экологического сознания и культуры, а также обуславливающий повседневные привычки и модели ответственного поведения. Следовательно, необходимо научно-методическое обоснование педагогических условий, которые действительно позволяют эффективно формировать экологическую культуру младших школьников. Именно эта культура выступает в качестве основы будущего экологически ответственного общества и человеческого потенциала, необходимого для развития «зеленой» экономики Республики Таджикистан.

Цель нашего исследования заключается в теоретическом обосновании педагогических условий, обеспечивающих эффективность экологического воспитания младших школьников. Особое внимание уделяется формированию у детей экологической культуры, ценностного и бережного отношения к природным ресурсам, а также ответственного поведения по отношению к окружающей среде. Реализация данных задач приобретает особую значимость в условиях перехода Республики Таджикистан к устойчивому и «зелёному» развитию. Для достижения поставленной цели предполагается:

1. раскрыть содержание экологического воспитания учащихся начальной школы;
2. определить наиболее эффективные формы и методы его реализации;
3. обосновать, как экологические темы можно интегрировать в учебную и внеурочную деятельность начальной школы.

Научная новизна исследования заключается в концептуальном обосновании экологического воспитания младших школьников как начального этапа формирования экологически ответственной личности и человеческого потенциала, необходимого для развития «зелёной экономики» Республики Таджикистан.

В отличие от традиционного подхода, при котором экологическое воспитание преимущественно рассматривается как составляющая общего экологического образования, направленная на формирование знаний о при-

роде и окружающей среде, в настоящем исследовании акцент сделан на формировании у младших школьников экологических ценностей, ответственного отношения к природным ресурсам и готовности к экологически ориентированному поведению. Он представлен как долгосрочный социально-педагогический механизм, который помогает формировать экологическую культуру, ценностное отношение к ресурсам, устойчивые модели экологически ответственного поведения.

Теоретическая обоснованность касается прежде всего того, что оно соответствует современному пониманию экологического образования и образования для обеспечения развития. Экологические проблемы нельзя рассматривать изолированно от экономики и повседневного поведения людей. Мы ежедневно используем воду, энергию, продукты, бумагу и другие ресурсы, поэтому экологическое воспитание должно обеспечить ребёнку связь между его действиями и состоянием окружающей среды.

Практическая ценность экологического воспитания заключается в возможности превратить знания в реальные устойчивые привычки.

В школе это можно реализовывать через другие формы работы, например:

- экологические минуты на уроках;
- наблюдение за природой;
- мини-проекты;
- акции по экономии воды и энергии;
- посадку и уход за растениями;
- сбор макулатуры;
- изготовление товаров из вторичного сырья;
- экологические игры;
- конкурсы рисунков;
- воспитательные часы;
- школьные экологические патрули.

Важно, чтобы экологическая работа не сводилась к одноразовому мероприятию. Лучше, когда тема продолжается и закрепляется на какое-то время. Например, после разговора об экономии воды можно давать детям в течение недели наблюдать, как вода используется дома и в школе. А после обсуждения о растениях - организовывается уход за школьным зелёным уголком. Тогда воспитание видит не только слова, но и результат своей деятельности [10].

Возникает законный вопрос: с чего нужно начинать решение экологических проблем? По мнению всех, следует начинать с воспитания человека, и начинать, как можно раньше. Невозможно проявить бережное отношение к природе, если в детстве не было привычек закрывать кран, выключать свет, не бросать мусор и беречь деревья, понимая ценность воды.

Именно поэтому экологическое воспитание в начальной школе сегодня отличается особой оригинальностью.

Современное образование всё больше отличается от представления об экологическом воспитании как о простом объяснении детям знаний о природе. Ребёнку недостаточно знать, что лес нужно охранять. Важно, чтобы он понимал почему это необходимо и что именно он сам может сделать.

В рекомендациях ЮНЕСКО [17] по «озеленению» научных программ подчеркивается необходимость связывать экологические, социальные и экономические вопросы, а также формировать у учащихся не только знания, но и практические навыки и готовность действовать. При этом содержание должно соответствовать возрастным особенностям детей. Именно здесь появляется понятие «зелёная экономика».

Рост экономики связан с технологиями, энергетикой, производством, транспортом, сельским хозяйством и тем, как используются природные ресурсы. Но для основы начальной школы эту тему можно объяснить гораздо проще.

Зелёная экономика - это такой подход к жизни и хозяйству, при котором человек старается приносить пользу себе и обществу, но при этом бережёт природу и использует ресурсы только тогда, когда это действительно необходимо. Например, когда человек закрывает кран во время чистки зубов, он выполняет простое действие. Однако за этим стоит важная идея: вода - это ресурс, который не следует тратить напрасно.

Если ученик выключает свет, выходя из класса, он не просто соблюдает правила. Он учится экономить электроэнергию. А если использованный лист бумаги не выбрасывается и используется для черновика, то лист бумаги получает вторую жизнь. Получается, что зелёная экономика начинается не только на предприятиях или в государственных программах. Она начинается в повседневных поступках каждого человека.

Начать говорить об этом нужно как можно раньше. Младший школьный возраст особенно благоприятен для формирования положительных привычек. Ребёнок активно наблюдает, задаёт вопросы, подражает взрослым и с интересом включается в практическую деятельность. В этот период ему легче воспринимать экологическую проблему в конкретных ситуациях [13].

Например, что произойдёт, если каждый ученик не будет закрывать за собой кран, сколько бумаги можно сэкономить, если использовать лист с двух сторон, что будет со школьным двором, если каждый учащийся станет бросать мусор там, где ему удобно? Такие вопросы помогают ребёнку осмыслить последствия своих действий. Именно такой подход сегодня поддерживается международными исследованиями.

В опубликованном ЮНЕСКО в 2026 году исследовании учебных программ 88 стран подчёркивается необходимость существенно усилить внимание к вопросам охраны окружающей среды, устойчивого развития и изменения климата уже на уровне начального образования [6].

Отмечу, что для Таджикистана эта тема имеет особое значение, учитывая возрастающие экологические риски, с которыми сталкивается страна, в том числе сокращение ледников, участившиеся экстремальные погодные явления и растущий дефицит водных ресурсов. Эти процессы непосредственно затрагивают детей и образовательную сферу.

Следовательно, экологическая грамотность сегодня - это не дополнительные знания, а часть подготовки ученика к полноценной жизни. Экологическое воспитание учащихся начальной школы соответствует ключевым направлениям развития международной политики.

В 2015 году Организация Объединённых Наций приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, определившую 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), направленных на обеспечение благополучия людей, защиту планеты и достижение устойчивого и инклюзивного развития [14]. Для образования особенно важна Цель 4 - «Качественное образование»: в ней подчёркивается необходимость обеспечения обучающихся знаний и навыков, которые способствуют устойчивому развитию.

Экологическому воспитанию напрямую соответствуют и другие цели, прежде всего: Цель 6 - чистая вода; Цель 7 - чистая энергия.

Когда мы говорим с учениками о том, что необходимо экономить воду, ресурсы и заботиться о растениях, мы на самом деле объясняем ценности, которые существуют в основе глобальной политики развития. В частности, речь идёт о следующих Целях устойчивого развития:

Цель 12 - ответственное потребление и производство;

Цель 13 - борьба с изменением климата и принятие срочных мер по его последствиям;

Цель 15 - сохранение и восстановление экосистем суши, рациональное использование лесов и борьба с деградацией земель и утратой биоразнообразия.

То есть уроки и разговоры на экологические темы не просто «про природу». Они помогают детям понять, как жить осознанно и ответственно.

Вопрос охраны природы и экологического образования для Таджикистана имеет особое значение. В стране уже сформирована правовая база. Так, Закон Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» [4] учитывает экологическое воспитание и образование как часть экологической политики государства. Особое значение имеет Закон Республики Таджикистан «Об экологическом образовании населения» [5], который рас-

считает экологическое образование как непрерывный процесс обучения и воспитания. Дополнительным документом является Стратегия развития «зеленой» экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037 годы. Ее цель - рационально использовать природные ресурсы, развивать экологически безопасные технологии, готовиться к внесению изменений в климат и повышать экологическую культуру общества. Продолжением этой работы стал план действий по реализации стратегии на период 2026–2028 годов [6]. Другими словами, экологическое воспитание детей сегодня соответствует тому курсу, который разработан на государственном уровне.

При участии международных организаций в стране реализуются инициативы, которые помогают повысить экологическую грамотность школьников и подготовить педагогов. Например, в 2025 году в Согдийской области при включении принципа и Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) проводилось обучение учителей в рамках инициативы «Зеленые патрули». Там особое внимание уделялось практическим и интерактивным методам экологического воспитания.

Вопросы изменения климата, охраны окружающей среды, водных ресурсов, развития «зеленой» экономики и использования возобновляемых источников энергии часто поднимаются Лидером нации, Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном [7]. В одном из выступлений Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон подчеркнул: «Необходимо, чтобы мы серьезно отнеслись к вопросам охраны окружающей среды, растительного и животного мира, экологической ситуации...» [7].

Эти слова можно рассматривать не только как обращение к государственным структурам и специалистам. Они имеют и воспитательное значение. Серьёзное отношение к окружающей среде начинается с воспитания. Если для ребёнка становится естественным понимание того, что вода - это ценность, дерево - живой организм, а мусору не место где попало и природные ресурсы нельзя расходовать бездумно, постепенно формируется экологическая ответственность. Поэтому задача школы заключается не только в том, чтобы объяснять детям важность бережного отношения к природе, но и в том, чтобы создавать условия, в которых они смогут учиться заботиться об окружающей среде на практике.

Для начальной школы особенно подходит принцип «от простого к сложному». Ребёнку не нужно сразу объяснять сложные понятия вроде «углеродный след», «циркулярная экономика» или «декарбонизация». На первом этапе достаточно привести понятные ориентиры: → **экономия** → **разумное использование** → **не выбрасывай без необходимости** → **забота о содержании и окружающей среде**. Эти идеи можно следует развивать и

связать с более сложными экологическими процессами и экономическими концепциями.

Современная концепция ЮНЕСКО также подчёркивает важность учёта возрастных особенностей ребёнка. При этом ключевое значение имеют не только полученные знания, но и эмоциональное отношение к окружающему миру, а также готовность применять их на практике и действовать ответственно. Поэтому экологическое образование отвечает не только на вопрос: «Что ребенок знает?», но и «Что ты думаешь?», «Что он готов сделать?»

Приведем пример разработанного нами урока для 3-4 класса по теме «Зелёная экономика начинается с нас». Цель урока: познакомить учащихся с понятием «зелёной экономики» и показать, что забота о природе начинается с повседневных поступков каждого человека.

Ход урока.

1) Разговор в начале урока. Учитель задает вопросы:

Что нужно человеку для жизни? Учащиеся вместе с учителем называют: воду, воздух, пищу, тепло, растения и другие условия. Далее, учитель спрашивает: А откуда мы всё это получаем?

После ответов делается вывод: большая часть того, что нужно человеку, связана с окружающей средой.

2) Проблемный вопрос. Учитель показывает два рисунка: одна территория чистая, зелёная, другая - загрязненная.

Вопрос классу: Почему окружающая среда на этих двух рисунках выглядит по-разному? Дети высказывают мнение.

3) Объяснение темы.

Учитель: Зелёная экономика - это такое отношение к жизни и ресурсам, при котором человек хочет жить лучше и расти, но при этом бережёт природу. Затем приводятся простые примеры, понятные детям: закрыть кран; выключать свет; используйте бумагу с двух сторон; не выбрасывать вещи, если их можно использовать ещё раз; сажать деревья; не оставлять мусор.

4) Работа в группах. Каждая группа получает ситуацию. Например, «Ученик вышел из класса и оставил свет включённым». Задание: определить, что сделано неправильно и предложить правильное решение.

5) Небольшая математическая задача. В классе 25 учеников. Если каждый ученик ежедневно выбрасывает один чистый лист бумаги, сколько листов будет выброшено за пять учебных дней?

$20 \times 5 = 100$ листов.

Учитель спрашивает: А если использовать чистую сторону бумаги для черновика?

Так ученики на простом примере понимают смысл экономии ресурсов.

6) Практическое задание. Каждый ученик должен закончить предложение: «Я могу помочь природе, если...»

Ребята называют свои варианты.

7) Итог.

Учитель: «Зелёная экономика начинается не где-то далеко. Она начинается с нас, с нашего дома, нашей школы, нашего двора и даже с одного маленького поступка».

Разработка воспитательного часа для 3-4 класса на тему «Земля - наш общий дом». Цель: Воспитать у учащихся ответственное отношение к природе и желание принимать участие в её сохранении.

Вступление.

Учитель задаёт вопрос: Представьте, что Земля может разговаривать. Что бы она сказала людям?

Ученики высказывают свои предположения.

Интерактивная игра на тему «Если бы природа могла говорить».

Одна группа представляет воду. Другая - дерево. Третья - животных. Четвёртая - землю. Каждая группа от имени своего объекта природы говорит, чего она хочет от человека. Например, «Я - вода. Мне нужно, чтобы люди не загрязняли меня и не расходовали напрасно».

Игра «Экологический светофор». Учитель называет поступки, а дети показывают:

● (зеленный) - хорошо;

○ (желтый) - нужно подумать;

● (красный) - плохо.

Например: посадить дерево, бросить бумагу, выключить свет, оставить воду открытой, покормить птиц, сломать ветку, собрать мусор.

Групповая работа: Детям предлагается представить, что они стали «Советом зелёной школы». Каждая группа предлагает одно правило. В итоге получается несколько правил:

1. Беречь воду.
2. Экономить электроэнергию.
3. Не загрязнять окружающую среду.
4. Беречь растения и животных.
5. Использовать природные ресурсы разумно.

Завершается урок обещанием детей. Каждый ученик говорит одно обещание: «Я буду...». Например: «Я буду беречь воду», «Я не буду бросать мусор», «Я буду заботиться о растениях».

Учитель подводит итоги урока: «Большая забота о природе начинается с маленьких поступков. Если один человек сделает доброе дело - это уже важно. А если так поступят сотни и тысячи людей, изменится окружающий мир».

Проведённый анализ показывает, что экологическое образование в начальной школе имеет не только педагогическое, но и общественное значение.

Ученик младшего школьного возраста способен понимать простые связи между своими действиями и состоянием окружающей среды. Поэтому именно начальная школа является подходящим временем для формирования экологических привычек. При этом знакомство с зелёной экономикой не должно превращаться в сложный экономический курс. Для младшего школьника зелёная экономика прежде всего означает бережное отношение к тому, что даёт нам природа.

С научной точки зрения такой подход соответствует современным направлениям образования для устойчивого развития. С практической точки зрения он позволяет связать знания ребёнка с его реальным поведением [15].

Особенно важно, что данное направление соответствует современным приоритетам и актуальным задачам развития Таджикистана. Экологическое образование включено в государственную систему экологического просвещения, а развитие зелёной экономики определено в качестве одного из стратегических направлений развития страны. Экологическое воспитание младшего школьника следует рассматривать не только как средство формирования экологической культуры ребёнка, но и как долгосрочную инвестицию в человеческий капитал «зелёной» экономики Республики Таджикистан.

Отсюда следует, что экологическое воспитание в начальной школе можно выразить очень простой формулой: «Узнал - понял - полюбил - начал беречь». Именно с этого, на наш взгляд, начинается путь к зелёной экономике.

Литература

1. Абдуллаева С.А. Экологическое воспитание младших школьников. - М.: Просвещение, 2019. - 128 с.
2. Алексеев С.В. Экологическое образование и воспитание учащихся. - СПб. Кримас+, 2006. - 336 с.
3. Бобылева Л.Д. Экологическое воспитание младших школьников. - М.: Академия, 2008. - 192 с.
4. Закон Республики Таджикистан от 2 августа 2011 г. № 760 «Об охране окружающей среды» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — URL: <https://ncz.tj/node/1188> (дата обращения: 21.07.2026).
5. Закон Республики Таджикистан от 29 декабря 2010 г. № 673 «Об экологическом образовании населения» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — URL: <https://ncz.tj/node/1159> (дата обращения: 12.09.2026).

6. План действий Стратегии развития «зелёной» экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037 годы на втором этапе (2026–2028 годы): постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 сентября 2025 г. - № 517.
7. Рахмон, Э. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций, 24 сентября 2024 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.president.tj/event/speeches/47779?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 11.08.2026).
8. Стратегия развития «зелёной» экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037 годы: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 сентября 2022 г. № 482. - Душанбе, 2022.
9. Фюкс Р. Зеленая революция: экономический рост без ущерба для экологии / Р. Фюкс; пер. с нем. - М.: Альпина нон-фикшн, 2016. - 336 с.
10. Халикова Т.Т. Ответственное поколение: формировании экосознания у молодежи через образование // Вестник ТНУ. – 2026.- №1. - С. 309- 316.
11. Халикова Т.Т. Образование в целях устойчивого развития: от политике к практике //Вестник ТНУ. – 2025.- №7. -С.135- 141.
12. Халикова Т.Т. Совместная работа родителей и школы в формировании экономической грамотности учащихся начальной школы //Вестник ТНУ. – 2024.- №10. -С.183- 188.
13. Хамзина Ш.Ш. Основы зеленой экономики: учебное пособие / Ш. Ш. Хамзина, Ж. К. Алтайбаева, А. С. Нарынбаева. - М.: Первое экономическое издательство, 2020. - 244 с. - ISBN 978-5-91292-359-3.
14. Цели в области устойчивого развития: 17 целей для преобразования нашего мира. - Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2015. - 17 с.
15. Шералиев Э.Н. Зелёная экономика - важное направление развития отраслей национальной экономики // Вестник Таджикского государственного финансово-экономического университета. - 2024. - № 4.
16. Юрченко Л.А. Экология и экономика природопользования: учебное пособие. - М.: КНОРУС, 2009. - 304 с.
17. UNESCO. Greening every curriculum: Guidance to teach and learn for climate action. - Paris: UNESCO, 2024.
18. UNESCO. Learn for our planet: A global review of how environmental issues are integrated in education. - Paris: UNESCO, 2021.
19. UNICEF Tajikistan. Climate Change Education in Tajikistan: A UNICEF Diagnostic Study of the National School Curriculum [Электронный ресурс]. - 2026. - URL: Climate Change Education in Tajikistan (дата обращения: 26.08.2026).
20. UNESCO. Climate-Smart Education Systems Initiative [Электронный ресурс]. - URL: Climate-Smart Education Systems Initiative (дата обращения: 26.09.2026).

THE GREEN ECONOMY BEGINS IN CHILDHOOD: ENVIRONMENTAL EDUCATION OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

Khalikova Tutikhon Takhirovna

Candidate of Pedagogical Sciences,
Senior Researcher at the Museum of Education
of the Academy of Education of Tajikistan,
734024, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. acad. A. Adhamov, 11/2
Ph.: (+992) 900 30 07 07 (m.)
tutishka@inbox.ru

In the article, the importance of environmental education for primary school students is examined in the context of modern environmental and socio-economic challenges. The author emphasizes that a careful attitude toward nature does not form by itself. It develops gradually — through knowledge, the personal example of adults, the child's daily habits, and their participation in specific activities.

Special attention is given to the possibility of introducing younger students to initial ideas about the “green economy.” At the primary-school level, this concept is proposed to be revealed not through complex economic definitions, but through everyday life situations familiar to children: saving water and electricity, the sensible use of paper, reusing items, reducing the amount of waste, and caring for plants and animals.

The relevance of this direction is supported by international documents in the field of sustainable development, UNESCO recommendations, as well as the state environmental and educational policy of the Republic of Tajikistan. The connection between environmental education and the United Nations Sustainable Development Goals, together with Tajikistan's national documents, is considered. Specific forms of work with primary school students are suggested: educational lesson and an educative lesson.

The author's key conclusion is that environmental culture begins not with studying complex terms, but with fostering simple daily habits. A child who has learned to save water, turn off unnecessary lights, not leave litter, and care for a plant is already taking the first steps toward understanding the principles of the green economy.

Keywords: green economy; ecological education; ecological culture; primary school; sustainable development; nature protection; rational use of resources; environmental education; Tajikistan.

ИҚТИСОДИ САБЗ АЗ КЌДАКЌ ОГОЗ МЕЕБАД: ТАРБИЯИ ЭКОЛОГИИ ХОНАНДАГОНИ СИНФҲОИ ИБТИДОЌ

Халикова Тутихон Тахировна

номзади илмҳои педагогӣ,
ходими калони Осорхонаи маорифи
Академияи таҳсилоти Тоҷикистон,
734024, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кўч. акад. А. Адхамов, 11/2
Тел.: (+992) 900 30 07 07 (м.)
tutishka@inbox.ru

Дар мақола аҳамияти тарбияи экологӣ дар хонандагони синфҳои ибтидоӣ дар шароити мушкilotи муосири экологӣ ва иҷтимоию иқтисодӣ баррасӣ мешавад. Муаллиф таъкид менамояд, ки муносибати эҳтиёткорона ба табиат худ аз худ ташаккул намеёбад. Он тадриҷан ташаккул меёбад - тавассути донишҳо, намунаи шахсии калонсолон, одатҳои ҳаррӯзаи кўдак ва иштироки ӯ дар корҳои мушаххас.

Диққати махсус ба имконият дода мешавад, ки хонандагони хурдсолро бо фаҳмишҳои ибтидоӣ оид ба иқтисодиёти “сабз” шинос намудан мумкин аст. Дар сатҳи мактаби ибтидоӣ ин мафҳум тавсия мешавад на тавассути таърифҳои мураккаби иқтисодӣ, балки тавассути ҳолатҳои ҳаётии ба кўдакон наздик ошкор карда шавад: сарфакорӣ дар об ва нерӯи барқ, истифодаи оқилонаи коғаз, истифодаи такрории ашё, кам кардани миқдори партовҳо, ғамхорӣ нисбат ба растаниҳо ва ҳайвонот.

Дарҷ шудани аҳамияти ин самт бо санадҳои байналмилалӣ дар соҳаи рушди устувор, тавсияҳои ЮНЕСКО, инчунин сиёсати давлатии экологӣ ва таълимии Ҷумҳурии Тоҷикистон тасдиқ карда мешавад. Пайвастагии таълими экологӣ бо Ҳадафҳои рушди устувори Созмони Милали Муттаҳид ва санадҳои миллии Тоҷикистон баррасӣ мегардад. Шаклҳои мушаххаси кор бо хонандагони синфҳои ибтидоӣ пешниҳод карда мешаванд: дарс ва соати тарбиявӣ.

Хулосаи калидии муаллиф чунин аст: фарҳанги экологӣ аз омӯзиши истилоҳоти мураккаб оғоз намешавад, балки аз тарбияи одатҳои оддӣ ҳаррӯза сар мешавад. Кўдаке, ки омӯхтааст обро эҳтиёт кунад, нури барзиёдро хомӯш намояд, партов нагузорад ва ба растанӣ ғамхорӣ кунад, аллакай қадамҳои аввалинро ба сӯи фаҳмидани принципҳои иқтисодиёти “сабз” мегузорад.

Калидвожаҳо: иқтисоди сабз; тарбияи экологӣ; фарҳанги экологӣ; мактаби ибтидоӣ; рушди устувор; ҳифзи табиат; истифодаи оқилонаи захираҳо; таълими экологӣ; Тоҷикистон.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 25.09.2026. Подписано в печать 28.09.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60х84 ¹/₈. Услов. печ.л. 28,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 122.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30.
Тел.: (+992) 908 00 15 32 (м.)
Электронная версия журнала:
<https://vestnik.rtsu.tj>
E-mail: uchoniezapiski_rtsu@mail.ru